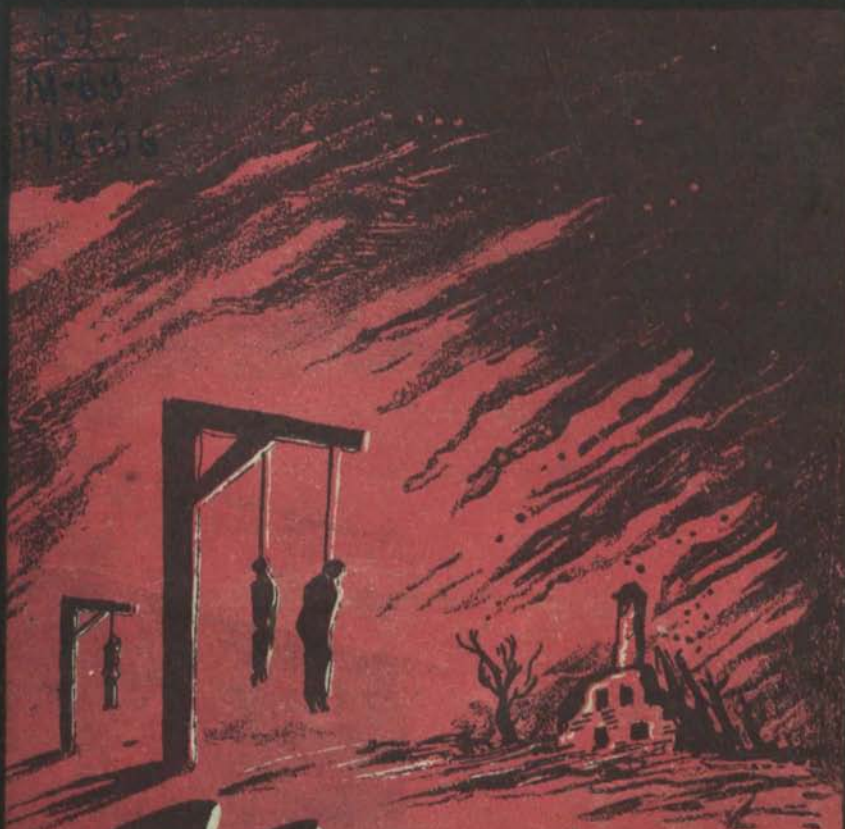


Дя 151. 576



**Зверства
немецев
в войну 1914-18гг.**

Q8 151576



Дел. 151576

Арх. 36162
Ир 40 $\frac{5-3}{7}$

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В ВОЙНУ 1914—1918 г.г.

(из документов первой мировой войны)

Составили: З. З. МИХАЙЛОВИЧ и Л. И. ПОЛЯНСКАЯ

Предисловие академика *Е. В. Тарле*

142666

БИБЛИОТЕКА
Ленинградского Дома Красной Армии
им. С. М. КИРОВА
пр. Володарского дом № 20

Ленинградская
Библиотека
С. С. Р.
1943

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ СБОРНИКА

Уже в самом начале войны 1914—1918 г.г. выявились разбойничьи повадки немецкой армии. Всюду, где только ступала нога германского солдата, оставался кровавый след. Разрушение городов и сел, грабежи и убийства, зверские насилия над беззащитными мирными жителями, нечеловеческие издевательства над ранеными и пленными — такова немецкая система ведения войны.

Нарушения германским командованием и всей германской армией общепринятых международными норм ведения войны с самого ее начала в 1914 году были настолько чудовищны, а размеры совершаемых германской армией злодеяний были так широки и носили такой явный характер организованного сверху донизу разбоя, что воевавшие с Германией государства вынуждены были создать специальные следственные комиссии по расследованию всех чинимых немцами зверств.

Такая Комиссия, именуемая „Чрезвычайной Следственной Комиссией по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками“, была создана в России 9 апреля 1915 года по инициативе Государственной Думы.

В Комиссию поступали как официальные сообщения от военных и гражданских властей, так и заявления частных лиц. По каждому поступившему заявлению производилось расследование, причем принимались все необходимые меры для проверки и уточнения сообщенных Комиссии данных.

По каждому делу Комиссия составляла краткий отчет. В нем помещались исключительно проверенные сведения, не вызывающие никаких сомнений. Все содержащиеся в делах протоколы опросов снабжены собственноручными подписями лиц, дававших показания. Публикуемые в настоящей книге документы извлечены из делопроизводства „Чрезвычайной Следственной Комиссии“.¹ Из показаний в сборник помещены только те, точность и правдивость которых была подтверждена дальнейшим расследованием.

Кроме показаний, для сборника использованы отчеты по делам, а также официальные сообщения различных организаций, учреждений и представителей военного командования.

Если тот или иной документ помещен не полностью, это обозначено в заголовке „из отчета“, „из показания“ и т. п. Выпуски в середине документов обозначены многоточием.

Заголовки документов даны двойного рода: индивидуальные к каждому отдельному документу, в которых сообщаются сведения формального порядка, — вид документа и его автор, — и групповые, дающие содержание нескольких документов, тематически однородных.

Особыми заголовками снабжены и разделы, обнимающие несколько групп документов, родственных по содержанию.

Если в тексте документа отсутствуют какие-либо данные о времени описываемых в нем фактов, даты даются в заголовке документа. В таком случае они относятся ко времени его составления.

Немецко-фашистская армия, обученная людоедом Гитлером, сделала, казалось бы, невозможное — во много раз превзошла по масштабу ежедневно совершаемых злодеяний, по их невероятному изуверству и садизму предшественников и учителей — кайзеровскую армию.

Нет предела совершаемым немецко-фашистскими мерзавцами изо дня в день массовым зверствам на временно оккупированной ими Советской территории.

Помочь понять природу немецкого разбойничьего империализма и вытекающего из нее поведения немецких войск и было задачей составителей сборника.

Мщение и смерть немецким оккупантам!

¹ Фонд Чрезвычайной Следственной Комиссии хранится в Центральном Государственном Историческом Архиве в Ленинграде.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию советской общественности сборник представляет собой серию документов, имеющих в настоящее время не только злободневный, но и огромный исторический интерес.

В самом деле. Эта точнейшая, правдивая и проверенная документация прежде всего опровергает наивные обывательские воззрения на нынешние зверства гитлеровских извергов, как на явление, совсем новое и небывалое в истории немецких походов, как на печальное последствие захвата власти в Германии негодяйской гитлеровской бандой — и только. Нет, печатаемые документальные показания говорят о том, что вопрос должно анализировать поглубже, и что вовсе не в одной только шайке гитлеровских мерзавцев все дело. Эта документация заставит даже тех, кто плохо знает или вовсе не знает историю германского империализма, взглянуть на нынешние бесчисленные, ежедневные подлейшие злодеяния немцев на нашей земле гораздо более широким и понимающим взором.

Для историка-специалиста печатаемая документация, давая ему свежий, яркий, обильный материал, — за что он должен быть очень благодарен издателям, — ничем изумительным и неожиданным по существу не явится, потому что историк, сколько-нибудь достойный этого звания, должен был бы уже наперед считать представляемые факты не только возможными в войне 1914 и последующих годов, но и совершенно неизбежными.

Не углубляясь в минувшие века, коснемся лишь строго очерченного хронологически и тематически вопроса: как смотрели политические и военные вожди и организаторы Германии в эпоху империализма на ближайшую войну с соседями?

Не с Англией, — потому что «английская проблема» ставилась и рассматривалась совсем особо, — а именно только с континентальными соседями, — Францией и Россией?

Ответ был дан впервые Бисмарком, и ответ принципиально исчерпывающий: новая война должна не только окончиться полной победой Германии, но эта победа должна навсегда вывести

побежденную страну из ряда держав, которые были бы в состоянии снова воевать против Германии или сопротивляться ей. «После новой войны с Францией — уже мыслей о реванше у французов не будет!» — с ликованием писали германские газеты в 1874 и 1875 годах, когда Бисмарк замыслил новое молниеносное нашествие на Францию. Самый замысел не удался: вмешательство Александра II, разоблачительная дипломатическая деятельность русского канцлера Александра Горчакова, многозначительное письмо английской королевы Виктории императору Вильгельму I — все это сорвало план Бисмарка. Он никогда не простил этого Горчакову, но, как умный и проницательный политик, сообразил, что предприятие на сей раз провалилось безнадежно и что следует поотложить. Но мысль его была в 1875 году вполне ясна и уточнена: так как Франция еще не успела оправиться от поражения 1870—1871 годов, то следует новым внезапным, быстрым налетом совсем с ней покончить как с великой державой. «Реванша не будет, потому что Франции не будет!».

Если на горьком опыте 1875 года Бисмарк убедился, что даже с Францией дело сорвалось, то, подавно, он считал невозможным в сколько-нибудь близком будущем расправиться с Россией так, чтобы сразу же не только победить, но и совсем обессилить Россию и сделать невозможным русский реванш. От веры в исполнимость этой программы Бисмарк отошел. Но время шло, и установка на будущую «окончательную», «последнюю» войну против Франции и России принимала все более ясные и конкретные формы.

Справедливость требует заметить, что в послебисмарковские годы соблазнительная мысль об окончательном разгроме обоих континентальных соседей в будущей войне наталкивалась в Германии на довольно серьезную критику, и, например, знаменитый план графа фон-Шлиффена, легший в основу германской стратегии, был рассчитан на поражение Франции и России, на принудительный выход Франции из войны уже к концу пятой недели после начала военных действий, но и в таком случае не предвиделась возможность полного разгрома России.

Однако, когда в 1914 году вспыхнула мировая война, то сразу же обнаружилось, что не против Франции и, подавно, не против Англии будет пущена во всю мощь, безоглядно, безоговорочно, вся истребительная немецкая военная машина, но именно против России. Канцлер Бетман-Гольвег, аккуратный бюрократ и типичнейший вильгельмовский лакей, не скрывал, что с Англией и с Францией сговориться будет совсем нетрудно, но с Россией компромиссного мира не следует ни ждать, ни желать. Россия — поле, которое германский меч завоюет для германского плуга! Эта наглая

фраза была сказана именно в 1914 году и повторялась на все лады в 1915, 1916 и последующих годах. Гитлеровцы ее украли у своих непосредственных предшественников, как они украли и все свои прочие звонкие и закругленные лозунги. Германский империализм перед 1914 годом и в 1914 году и после 1914 года базировал свои будущие планы и надежды на отвоевании у России огромных территорий и на смертельном, непоправимом ударе, который навсегда покончит с русской военной силой. Теперь уже стародавняя бисмарковская установка видоизменилась и формулировалась так: русского реванша не будет, потому что великодержавной России уже никогда больше не будет!

А если так, то что же церемониться?

Почему не истреблять жителей сел и городов, почему не грабить их дотла, почему даже не позволить себе с целью развлечения садистически мучить свои жертвы перед тем, как их прикончить? Ведь ни перед кем отвечать не придется. Между тем, всякое милосердие по отношению к мирному населению не только не нужно, но и прямо вредоносно: ведь все это — тайные враги, остающиеся в тылу. Чем их останется меньше, тем лучше и безопаснее для победоносной германской армии, устремляющейся вперед и вперед.

Во французской и английской прессе уже после Версальского мира неоднократно отмечалось, что нигде решительно немцы так не зверствовали в войну 1914 и последующих годов, как именно в России. Нигде немецкие офицеры не заявляли своим ротам: «русские женщины принадлежат нам в собственность», — как заявил один из этих мерзавцев вскоре после занятия Калиша. Нигде убийства мирных жителей решительно без всяких мотивов не происходили так часто и нигде они так не поощрялись немцами, как на русской территории. Эта твердая установка — расчет на полнейшую будущую безнаказанность за все действия, совершаемые над русскими людьми, — очень красочно сказывалась на обращении с военнопленными. Русский врач, взятый в плен в августе 1914 года близ Тильзита и проведенный около четырех лет в немецком плену, передавал мне лично свои впечатления от пребывания в лагере военнопленных в Коттбусе, где он находился. Он говорил, что французских и английских пленных содержали прилично, не били их, кормили скудно, но кормили. А русских били смертным боем за малейшее: за взгляд, за слово; кормили пищей, которую и собаки отказывались есть, а в лазарете лагеря на его глазах немецкая сиделка, поднося русскому больному кружку с водой, предварительно в нее плюнула. Русский врач тотчас принес на это жалобу. Сиделка даже не получила выговора, а лазаретное начальство ограничилось

словами: «Но ведь это был русский! С другими у нас этого не делают, а русский привык!»

Смертность именно среди русских была в лагере ужасающая, и медицинское начальство заявило с улыбкой русскому пленному врачу: «За русских никто не спросит с нас!» Русское население в оккупированных городах и деревнях, русские военнопленные в лагерях хорошо узнали уже в войну 1914 года что такое истинный, бравый пруссак, представитель немецкой офицерской касты, когда он уверен в полной безнаказанности. Следует заметить, кстати, что это чувство безнаказанности не ослабело, а усилилось к концу войны. В Октябрьской революции в России правящая Германия не поняла ровно ничего. Весной 1918 года не только в правящих сферах императорской Германии считали, что стоит еще совсем немного подождать и уже не только Украина, а вся Россия через соответствующее количество больших и малых скоропадских будет управляться из Берлина. «Реванша не будет, потому что России не будет!» И издевательства над безоружным населением, над женщинами, детьми, стариками, безудержный грабеж и зверские насилия продолжались усиленным темпом вплоть до конечной германской катастрофы и позорнейшей для Германии ноябрьской капитуляции 1918 года. Но пока эта катастрофа не разразилась над Вильгельмом II, пока немцы имели еще физическую возможность палачествовать над русскими людьми, они продолжали невозбранно это делать. А когда о немецких безобразиях доходили слухи до социал-демократов типа Шейдемана и Носке, то они не находили ничего лучшего, как советовать русским терпеливо ждать развития «более гуманного мирозерцания» в германском генералитете и офицерском корпусе! Они даже печатали эти свои смиренномудрые советы в газете «Форвертс». Людей, попавших под пяту разбойничьего германского империализма, спасла в 1918 году гибель вильгельмовской империи. Попавших в это положение в 1941—1943 годах спасет гибель гитлеровской Германии, которую несут ей народы Советского Союза, Англии, США и других свободолобивых стран.

Безмерно жестокий и подлый враг уже в 1914—1918 годах вел себя так, как если бы его мечта о полном порабощении России должна была совсем неминуемо осуществиться. Он только несколько осторожнее тогда высказывался в декларациях. Теперь исконный немецкий хам распоясался окончательно. В 1914 году в Калише и в других местах немецкие солдаты и офицеры просто грабили жителей; в 1941 году Гитлер провозгласил официально, что все русское имущество отныне становится имуществом немецким. В 1941 году немцы насиловали женщин; в 1941—1943 годах они угоняли их тысячами

в специальные солдатские и офицерские публичные дома и громогласно об этом заявляли. В 1914 году немцы убивали детей лишь при случае, мимоходом, если ребенок некстати попадет на глаза; в 1941—1943 годах русских детей немцы бросали в колодцы, чтобы их группы заразили воду, иногда еще перед этим выкачивали из детей кровь для переливания в жилы немецких раненых.

Словом, в 1941—1943 годах наблюдалось лишь усиление немецкими садистами той практики, которая процветала в оккупированных русских районах уже в 1914 и последующих годах.

Конечно, если в 1933 году Круппу, фон-Болену, Блому и Фоссу, Сименсу и Гальске и другим истинным главарям германского империализма пришлось выдвинуть для осуществления своих грабительских целей эту уголовную банду, этого гнусного и грязного мерзавца Гитлера, вора Геринга, уголовных мошенников типа Геббельса или прогоревшего афериста Розенберга, то это произошло лишь потому, что только эта шайка и бралась за организацию почти безотлагательного нового нападения на соседей. А раз добравшись до власти, шайка сразу же и заявила, что будущая война будет выиграна, только если она станет «тотальной», и что война 1914—1915 годов не была выиграна только потому, что германская армия слишком церемонилась с покоренными городами и деревнями. Как именно она «церемонилась» и в чем заключалась эта излишняя «мягкость» и преувеличенная «гуманность» немецкой армии в 1914 году, читатель вполне ясно увидит и полностью уразумеет, ознакомившись с документами предлагаемого сборника.

Бесспорно, в 1941—1943 годах был сделан, сравнительно с 1914—1918 годами, значительный шаг вперед по пути гнуснейших мерзостей и злодеяний, совершавшихся германской армией. Но это был именно шаг вперед по уже начатому и далеко не новому пути. Ни малейших качественных принципиальных отличий между немецкой военщиной 1914 года и военщиной 1941—1943 годов усмотреть нельзя. Просто нынешние немецкие гады почувствовали себя почему-то в еще большей безопасности, еще менее рискующими ответить за свои злодеяния, чем их предшественники в 1914 году.

Они на этот раз просчитались, дело обстоит для них значительно хуже, чем в 1914 году. Русский реванш будет, потому что великая Россия есть и будет!

Советское правительство отнюдь не намерено оставить все nesлышанные преступления немецких негодяев без соответствующего возмездия. Наказание преступников и разгром разбойничьей организации, засевавшей в Берлине — таковы первейшие и первоочередные задачи, намечаемые уже теперь объединенными свободолюбивыми народами,

главной целью которых является уничтожение подлой гитлеровской шайки и обезврежение военной машины германского империализма.

Мир, которому суждено покончить нынешнюю кровавую бойню, нисколько не будет походить на Версальский мир, оставивший без расследования и наказания тогдашние злодеяния немцев против гражданского населения оккупированных ими стран.

В создании будущего мира будет участвовать тот человек, который сейчас, к счастью России, является нашим вождем. Человек этот—великий Сталин. Уже этого достаточно, чтобы с надеждой взирать на будущее и верить, что на этот раз немецкому зверю не удастся уйти от заслуженной им участи и начать готовить новую бойню, как это ему вполне беспрепятственно удалось после первой мировой войны.

Е. ТАРЛЕ

НАСИЛИЯ НЕМЦЕВ НАД МИРНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ

СОЖЖЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ НЕМЦАМИ ГОРОДОВ И СЕЛ

Разгром города Калиша

Из отчета Чрезвычайной Следственной Комиссии

Вследствие объявления мобилизации войск и под влиянием слухов о возможности возникновения войны между Германией и Россией, жителями города Калиша, расположенного в 3—4 верстах от германской границы, стало овладевать тревожное настроение. В течение 18 и 19 июля 1914 года¹ выехали почти все должностные лица, увозя казенное имущество, и, наконец, ушли русские войска и пограничная стража...

Город был предоставлен собственной участи, и в нем не оставалось уже ни одного русского солдата.

Около 2 часов 20 июля в город вступил небольшой германский разведочный отряд велосипедистов и улан полка..., а затем постепенно стали прибывать встреченные депутацией из горожан, с президентом Буковинским во главе, и другие воинские части; около 12 часов ночи в город вступил батальон 155-го пехотного Прусского полка под командой майора Прейскера, объявившего себя комендантом города...

Разместив войска в лучших общественных зданиях и поставив стражу у Магистрата и у других казенных учреждений, Прейскер приказал Буковинскому заготовить к 7 часам утра продовольствия для тысячи человек и фуража на 150 лошадей, обязав вообще город продовольствовать войска до прибытия обоза и угрожая, в случае неисполнения его распоряжений, смертью самому Буковинскому и расстрелом каждого десятого человека.

¹ Все даты в настоящем сборнике взяты в старом стиле.

21 июля по распоряжению Прейскера было расклеено по городу составленное на немецком, польском и русском языках нижеследующее объявление:

ЖИТЕЛЯМ ГОРОДА КАЛИША

Начиная с сегодняшнего дня город подлежит ведению прусских военных властей. Германский военный закон обязателен немедленно.

Верховная полицейская власть лежит в руках прусских военных властей при помощи оставшихся русских полицейских чиновников, которым гарантируется опека немецких военных властей.

Жители обязаны безусловно исполнять все приказания. Безопасность личного имущества гарантирована.

Всякого рода собрания и шествия запрещаются, равным образом собрания на улицах.

Все рестораны, за исключением гостиниц, которые закрываются в 11 часов вечера, должны закрываться в 7 часов вечера.

Лица, пойманные при поджогах или воровствах, будут расстреляны по полевым законам.

С началом сумерок городские улицы должны быть освещены.

Всякого рода оружие, находящееся в руках жителей, за исключением оружия полиции, должно быть в продолжение 24 часов представлено в Магистрат.

Ношение оружия наказывается.

Внутреннее управление города лежит в руках Президента и чиновников Магистрата.

Прейскер

Майор и командир П/155

Комендант г. Калиша.

Утром того же дня прусский лейтенант фон-Циммерман и какой-то прусский военный батальонный врач в сопровождении солдат явились в Магистрат за провиантом и вместе с тем после тщательной проверки кассовых книг конфисковали и передали явившемуся туда же Прейскеру все находившиеся в кассе Магистрата деньги, — около 30 тысяч рублей.

Весь день 21 июля прошел спокойно.

Однако мирное настроение этого дня, не предвещавшее грозы, закончилось кровавой катастрофой.

Около 10 часов вечера, по удостоверению президента Буковинского, в городе началось какое-то движение; войска как-бы собирались в поход, а около 11 часов раздалось два револьверных, как-бы сигнальных, выстрела, после чего началась стрельба германских солдат по улицам и по домам, продолжавшаяся до часу ночи. По окончании этой стрельбы ворвавшиеся к Буковинскому в квартиру германские солдаты вытащили его в одной рубашке на улицу, где какой-то офицер ругал его и обвинял в стрельбе; потом с полчками и бранью положили его на мостовую лицом к земле и при малейшем

его желании поднять голову толкал прикладом, а ударом по голове даже лишили его временно сознания. В то же время германцы вывели из здания Магистрата курьера Владислава Элингера и по приказу находившегося тут же Прейскера поставили к стене и расстреляли за то, что Элингер, проходя мимо Буковинского, покрыл его своим форменным сюртуком. Вместе с Элингером тут же был расстрелян и акцизный надсмотрщик Гофман, единственная вина которого состояла в появлении его на улице в форменном платье.

В 6 часов утра Буковинскому разрешено было подняться, с приказом явиться к Прейскеру.

Последний передал Буковинскому для напечатания и публикации нижеследующее объявление на немецком и польском языках:

Комендантское Управление.

Калиш 4—8—1914 г.

К Калишскому Магистрату

После того как по Калишскому гарнизону в течение сегодняшней ночи из домов были произведены многократные выстрелы, прекращается какое бы то ни было снисхождение к населению.

Я запрещаю всякое наружное сообщение и объявляю недействительными выданные разрешения.

Все трактирные заведения будут закрыты. Исключение—Европейская гостиница, в которой я сам буду проживать.

На улицах и площадях запрещаются всякие ненужные задержки; совершенно не дозволяются остановки.

Неисполнение военных приказаний будет караться смертью.

Захваченные сегодня ночью 6 граждан остаются у меня в заточении и при малейшем неповиновении будут расстреляны.

В искупление сегодняшних ночных событий город должен уплатить до 5 часов пополудни нынешнего дня 50.000 (пятьдесят тысяч) рублей.

При повторении со стороны населения враждебного отношения каждый десятый гражданин будет расстрелян.

С 8 часов дома должны быть заперты и все окна освещены.

Магистрат имеет озаботиться немедленным распубликованием.

Запрещаю издательство газет.

Комендант Калиша *Прейскер*

Майор и Командир П/155.

Утром 22 июля Калиш представлял собою ужасный вид: на домах виднелись следы от выстрелов, на панелях — кровь; стекла в окнах были разбиты; на улицах валялись раненые и трупы убитых мирных жителей, к которым даже приближаться не позволяли германские солдаты, бродившие по улицам с револьверами и винтовками в руках.

Воспрещено было не только принимать раненых в больницы, но и вообще оказывать им медицинскую помощь.

Выходившие в этот и последующие дни на улицы жители Калиша видели валявшиеся в различных частях города неубранные трупы...

Застигнутые во время этой стрельбы на улицах жители в паническом страхе спасались кто куда мог. Однако многие из них спастись не успели, попали в руки германских солдат и были ими убиты.

22 июля с утра германские солдаты производили розыски оружия в домах и обыскивали попадавшихся на улицах жителей, причем некоторых из них без всяких оснований убивали.

По удостоверению свидетеля Ашпельбаума германские солдаты, на его глазах, заставляя всех прохожих держать руки вверх и, подзывая к себе для обыска, убивали из ружей тех, которые не понимали немецкого языка.

Свидетель аптекарь Калиновский видел, как утром 22 июля германский солдат выстрелом из ружья убил какого-то крестьянина, не остановившегося и не поднявшего вверх рук по приказанию солдата, крикнувшего по-немецки...

Канцелярский чиновник Щипиорнской таможни Лютостанский, задержанный немецким патрулем, был заключен в арестантский дом, во дворе которого все время раздавались выстрелы: это немцы расстреливали арестованных жителей Калиша; из камеры Лютостанского они успели вывести по-одиночке 6 человек, в том числе какого-то чиновника Магистрата, и расстреляли их во дворе; трупы этих расстрелянных, в количестве более 40 человек, он видел во дворе и у ограды арестантского дома на другой день, когда, воспользовавшись отсутствием немецких солдат, убежал из арестантского дома; на улицах города он также видел много трупов, валявшихся на мостовой и тротуарах.

В тот же день был убит германскими солдатами казначей Калишского Губернского Казначейства Соколов, труп которого в течение нескольких дней валялся у здания Магистрата...

Жена казначея Соколова Елизавета Николаевна, отыскивая труп его, видела, как некоторые жители, также разыскивавшие среди трупов своих родных, были заколоты штыками и убиты прикладами ружей солдатами лишь за то, что не могли ответить по-немецки; как германские солдаты расставляли возле стены костела задержанных на улице мужчин и некоторых из них тут же расстреливали; как германский солдат-кавалерист посадил на пику пятилетнего ребенка, искавшего своих родителей, повертел его на ней несколько раз в воздухе, а затем швырнул на тротуар.

Под влиянием этих событий многие калишане поспешили выехать из города, а оставшиеся, опасаясь подвергнуться новой расправе, стали собирать нелегальную Прейскером контрибуцию. Наблюдавший за ходом этих сборов Буковинский, учитывая трудность и медленность производства их среди подавленных и растерянных жителей, обратился к Прейскеру с просьбой об отсрочке времени для представления контрибуции, но Прейскер в ответ на это после некоторого раздумья вынул револьвер и, направив его на Буковинского, сказал: «вот мой ответ».

Около 2 часов того же дня по распоряжению Прейскера были арестованы президент города Буковинский, доставивший ему контри-

буцию в 50.000 рублей, и не успевшие выехать из Калиша русские чиновники...

Прейскер объявил, что, так как накануне жители стреляли по войскам, он выступает из города и берет всех представителей города с собою в качестве заложников, угрожая при этом расстрелять их в случае какого-либо выступления жителей.

После этого заложники, окруженные солдатами, направились к вокзалу.

Около здания учебной команды пограничной стражи из слухового окна неожиданно раздался слабый, как-бы револьверный, выстрел, который легко было принять за провокаторский прием; солдаты тотчас же приказали заложникам ложиться на землю лицом вниз и открыли продолжавшуюся минуты две стрельбу; пули засвистели над заложниками, но в это время, по словам Буковинского, подскакал Прейскер и закричал на солдат, зачем стреляют; последние, однако, смеялись и видно было, что, подготовив это событие заранее, Прейскер играл комедию. Наконец, заложников повели дальше.

При дальнейшем следовании заложников неоднократно выстраивали в шеренги, угрожая расстрелом...

В это время, открыв стрельбу вдоль улиц по окнам домов, германские войска стали выступать из города, эвакуировав из больницы своих раненых, за исключением трех оставленных там человек.

Около 5 часов пополудни германцы стали бомбардировать город из орудий. Снаряды попадали не только в казенные здания и частные дома, но и в больницу, над которой развевались флаги Красного Креста.

Люди метались, выскакивали из домов, женщины бросались с детьми на руках во все стороны, ища спасения, и опять возвращались в дома и прятались в погребах и подвалах; в некоторых местах города возникли пожары.

Последствием бомбардировки оказались и человеческие жертвы.

В это время арестованные Прейскером заложники должны были принудительно смотреть на бомбардировку, по окончании которой их заключили на мельнице близ села Дубежец-Велький.

23 июля, около 10 часов утра, неожиданно для калишан германцы снова начали бомбардировать город шрапнелью, выпустив до двадцати снарядов, которыми, однако, не причинили большого вреда, так как жители поспешили спрятаться в подвалы.

24 июля в город вступил небольшой отряд прусских солдат и арестовал оставшихся в Калише чиновников, которые были отправлены в германские окопы, а затем и в город Познань...

Около 2 часов дня 25 июля в город вступил вместо 155-го пехотного полка отряд саксонской пехоты 7-го полка и несколько десятков конных улан под командой уже не Прейскера, а какого-то другого офицера. Эти войска в полном порядке вошли в город, но вид мчавшейся по улице без седока лошади, как оказалось, вырвавшейся из рук немецкого улана на Вроцлавской улице, произвел панику среди саксонских солдат и вызвал с их стороны беспорядочную, продолжавшуюся около двух часов, стрельбу из ружей и пулеметов по улицам города в убегавших в разные стороны жителей.

По удостоверению свидетеля, калишского купца Владислава Зюлковского, в тот момент, когда саксонские войска проходили мимо его винно-гастрономического и колониального магазина на Главном Рынке в доме Гербига, вдруг раздалась команда войскам расходиться по улицам, а затем какой-то офицер саксонского полка выстрелил два раза из револьвера вверх, после чего, как по команде, и началась стрельба из ружей вдоль улиц и по домам.

Под влиянием паники торговцы стали закрывать свои магазины, но солдаты и офицеры врывались в лавки, вытаскивали оттуда владельцев и приказчиков и тут же их убивали...

Чиновник Магистрата Эразм Пашкевич, приглашенный комендантом вместе с другими чиновниками в Ратушу, будучи застигнут стрельбою на улице, попал в группу солдат, которые пристрелили его, нанеся еще ему рану каким-то острым оружием...

Зубной врач Лев Абкин, услышав после прекращения стрельбы на Главном Рынке в доме Щецинского крики о помощи, вошел туда и обнаружил: у входа в дом труп какого-то молодого прилично одетого человека с огнестрельной раной в пруди; в доме, на залитых кровью лестницах—валявшиеся внутренности людей; на площадке первого этажа на пороге квартиры—труп своей знакомой девушки Зейфе с простреленной головой и тут же лежавшую в комнате с огнестрельной раной живота—ее мать, вскоре скончавшуюся, а около нее труп годовалого ребенка с раздробленным каким-то холодным оружием черепом. Кроме того, в той же комнате лежало еще много трупов каких-то людей, очевидно, искавших здесь спасения.

По удостоверению доктора Дрешера, санитар Казимир Лебеда-Лебединский говорил ему, что, убирая трупы, он обнаружил в доме Щецинского всех жителей перебитыми, не исключая женщин и детей, причем у одного ребенка крышка черепа оказалась отрубленной.

Санитары при больнице Св. Троицы Станислав и Стефан Кочаровские подобрали в квартире еврея Каплана трупы его самого и 7 членов его семьи, причем у одного ребенка половина черепа была съедена, повидимому, прикладом...

В особенности пострадало много крестьян, съехавшихся на базар: близ дома Пулавского, на Варшавской улице, на пространстве от трехсот до четырехсот шагов лежало около восемнадцати трупов жителей и около девяти лошадей; там же лежали две убитых маленьких девочки; трупы убитых по приказу германцев не убирались, а лишь посыпались известью и только через несколько дней были подобраны и закопаны в общей могиле у губернаторского дома...

Количество трупов мирных жителей было таково, что уборка их, по словам доктора Дрешера, санитарями из служащих больницы и обывателей производилась в течение трех дней.

В тот же день, по окончании стрельбы, германские войска, уходя из города, подожгли сразу в четырех местах большое каменное здание Магистрата за произведенный будто-бы оттуда выстрел.

После этого, начиная приблизительно с 7 часов вечера и до 5 часов утра следующего дня, германцы вновь стали бомбардировать город шрапнелью и бомбами, выпустив до 400 снарядов; снаряды падали преимущественно в парк и в северо-западную часть го-

рода, которую освещал пылавший всю ночь Магистрат и зажженные в окнах всех домов свечи.

После этой бомбардировки средняя часть города оказалась совершенно разрушенной.

Около 6 снарядов попало и в больницу...

26 июля, по окончании бомбардировки, германские войска, под предводительством майора Прейскера и генерала Кёнига, вступив в Калиш, стали арестовывать жителей и уводить их за город,—в поле.

Стоял сплошной плач. Дети искали родителей, матери — детей; в некоторых местах женщины от страха на улице разрешались от брени.

А германцы в это время врываются в дома и подвалы, вытаскивали оттуда мужчин, начиная с 10-летних мальчиков, и гнали их из города в поле, заставляя все время держать руки вверх...

Затем их вывели на улицу, где было много мужчин с поднятыми вверх руками; кругом стояли солдаты, а у подъезда дома — генерал с револьвером в руке, обращаясь к арестованным, предлагал им вести себя смирно, не плакать, не кричать, угрожая в противном случае расстрелять всех тут же на улице. Всех арестованных, около 800 человек, с поднятыми вверх руками, подталкивая прикладами, ругая и угрожая безусловным расстрелом, привели в поле,—в место расположения немецких войск, где стали подсчитывать и делить на группы по 100 человек... Когда подсчет арестованных закончился, солдаты снова выстроились, готовили ружья, угрожая расстрелом, но, однако, выстрелов не произвели. После этого арестованных разместили в бараках пограничной стражи, приказав им не разговаривать, не курить и лежать на грязной соломе, угрожая в противном случае сжечь бараки и никого живым не выпустить; входившие в бараки солдаты глумились и издевались над арестованными, не давая им ни пить, ни есть. Одному акцизному чиновнику, попросившему хлеба, германский солдат подал на кончике штыка через дверь кусок навоза; единственное, что удалось вымолить у солдат, это принесенную в грязном корыте воду, которую все пили из найденной в бараке бутылки; к вечеру солдат принес и бросил в толпу несколько ломтей черного хлеба, которые по кусочкам были розданы арестованным мальчикам. Около 8 часов вечера арестованных снова стали выстраивать по десяткам, успокаивая, что всех расстрелять не будут, и затем, окружив войсками, вывели в поле, где какой-то офицер обратился к ним с речью, в которой указал, что все они уже немецкие подданные, что за стрельбу по войскам приговорены были к смертной казни, но помилованы, а потому могут отправляться в Калиш и должны оповестить население, что если еще что-нибудь случится в городе хотя бы с каким-либо немецким солдатом, то их всех с семьями перережут.

Утром в субботу, 26 июля, арестованных снова несколько раз по приказу лейтенанта Шмидта выстраивали к расстрелу, наводили на них ружья, которые, однако, через минуту вновь опускали. Женщины и дети, находившиеся среди арестованных, рыдая, просили не расстреливать их, но в ответ получали удары плетью от лейтенанта Шмидта. На просьбу Сикорского о приглашении священника для напутствования Шмидт цинично ответил, что арестованные и без священника скоро

предстанут перед богом; а на вопрос о том, за что он бьет женщин и детей, Шмидт, назвав Сикорского русской собакой, плюнул ему в лицо и ударил плетью по спине, а затем подмигнул глазами солдату, который с такой силой ударил прикладом Сикорского по спине, что у того из горла потекла кровь. Затем какой-то майор объявил арестованным о даровании всем им германским императором жизни. Однако после этого лейтенантом Шмидтом и каким-то фельдфебелем из среды арестованных было выбрано 9 человек, которых поставили лицом к стене мельницы и тут же расстреляли, заставив других арестованных через каждые полчаса в течение трех часов проходить мимо трупов и смотреть на них, а затем вырыть ямы и их закопать...

Жителями города Калиша производились принудительно и безвозмездно, партиями в 500—700 человек, земляные работы по устройству германских окопов у деревни Виняры, близ Калиша, ежедневно с 5 часов утра и до 8 часов вечера с перерывом от 12 до 2 часов дня; работавшие размещены были в сараях и в пищу получали лишь кусок черного хлеба; грубое обращение немецких солдат с работавшими сопровождалось нанесением им побоев...

Команда поджигателей из германских солдат при помощи соломы, облитой каким-то горючим веществом, поджигала дома, которые тут же загорались.

26 июля, одновременно с арестами, германские войска приступили к систематическому ограблению имущества из магазинов, лавок и частных домов, которые затем поджигали...

Однако, убийствами и грабежами германские войска не ограничивались. Стараясь весь город предать огню, они уцелевшие от бомбардировок здания поджигали.

Обливая керосином разбитые ворота и бросая солому, германские солдаты поджигали их, а во дворы, где находились женщины, давали залпы и трупы убитых бросали в огонь...

Германские солдаты с пучками соломы за спиной, поджигая в разных частях города дома, не позволяли жителям уносить вещей из горевших зданий, прикалывая тех, кто пытался спасти хоть что-нибудь.

Частных домов было сожжено и разрушено 420, что с внутренним оборудованием и движимостью причинило населению убытку до 50 миллионов рублей...

Поджоги и расхищения имущества жителей, учиняемые германскими солдатами, продолжались и при новых комендантах — саксонцах, капитане Креллере и полковнике Крайнице, приблизительно до 15—16 августа.

Письмо немецкого солдата к своей жене о разгроме города Калиша

Дорогая супруга.

Мы в Калише (Россия). Письмо это я пишу тебе, находясь на домовых обысках в такой квартире, какой ты в жизни еще не видала. Калиш — город с 90.000 населением. Город Калиш подожден со всех сторон германскими войсками. Я не мог бы писать тебе теперь, если бы не случайно находящиеся в этой квартире гости из Германии, кото-

рые возьмут с собой в Германию это письмо и опустят его в почтовый ящик. Ты не поверишь, что я только не видел в этом городе. Люди, которых я и другой солдат сторожим, миллионеры, они берут с собой только ценные вещи и имеют разрешение, иначе здесь ни один мирный житель не смеет показываться. Все население разбежалось. Если-б я имел возможность послать домой все те вещи, которые я здесь вижу и могу взять, многие из нас стали бы богачами. После твоего пакета я ничего еще не слыхал о тебе... Более у меня нет времени, я должен снова...¹

В первый день нас обстреляли жители, в то время, как мы ночью шли по улицам — несколько убитых и много раненых. За это и уничтожается город Калиш.

Бездомные кошки и собаки бегают всюду; жаль их.

Пока что шлю лучший привет

Павел.

Сигары и папиросы, одежда, шляпы, серебряные вещи, страусовые перья, книги — все кучами валяется на улицах.

Калиш — гораздо красивее Цвикау, и здесь живут люди, которые гораздо состоятельнее.

(Воскресенье утром, 9 часов)

(д. № 8/5—том IV, л. 24)

Отступающие немецкие войска сжигали русские селения

Из отчета по делу № 105

Осенью 1914 года, в Сувалкской губернии, германские войска, отступая под натиском русских войск, сжигали встречавшиеся им на пути селения, как, например, Каменку, Подвысокое, Рабалину и Болесте. Та же участь постигла и местечко Филиппово, часть которого была сожжена, а находившийся в нем костел взорван. Кроме того, германцы отнимали у мирных жителей продукты и одежду, а сельскохозяйственные машины вывозили в Германию.

(д. № 99/105 л. 14)

* * *

Из отчета по делу № 394

В конце декабря 1914 года немцы заняли посад Иноводзь, Петровской губернии, но вскоре ушли в виду приближения русских войск. При отступлении немцы разрушили и сожгли весь город, в котором насчитывалось до 700 домов, расхитив имущество мирных жителей. Германские солдаты грабили все, что представляло какую-либо ценность, а чего нельзя было унести, это ломали и разбивали.

¹ Так в документе.

142666

БИБЛИОТЕКА
Ленинградского Дома Красной Армии
им. С. М. НИРОВА
пр. Володарского дом № 20

Бакалейная лавка свидетеля Зелинского была ограблена немцами до основания.

На просьбы мирных жителей немцы не обращали никакого внимания, а тех, которые протестовали против такого, противного обычаям и законам войны, обращения с мирным населением, избивали прикладами, грозя расстрелом.

(д. № 304/394, л. 1)

* * *

Из показания свидетеля А. И. Кухто

Вечером 8 сентября 1915 года при отступлении германцев из села Гапута последние, проходя через нашу деревню Елажицы, стали ее поджигать. Посредине улицы шли пятеро германских солдат-пехотинцев, но какого полка я не знаю. У каждого из них было по зажженному снопу соломы. Каждый из солдат подходил к дому и поджигал крыши. Так как большинство крыш были соломенные, то все, конечно, загорались, и деревня была вся сожжена. С такими же зажженными снопами шли трое солдат по задворкам и также там поджигали надворные постройки. Всего в деревне Елажицы было свыше 70 жилых строений и при них бани и нежилые постройки. Из всего числа жилых и нежилых строений осталось 4 хлебных сарая и три бани, все же остальное было сожжено германцами. Убытков определить невозможно, так как кроме домов и других построек погорело имущество и скот крестьянский.

(д. № 1170/1323, л. 12—13)

* * *

Донесение командира 93 пехотного Иркутского полка 2 февраля 1916 года

Во время отхода немцев на линию местечка Видзы-Тверич вверенный мне полк был на участке деревень Машули-Москалишки-Коски. На участке, очищенном немцами, оказались сожженными дотла деревни Москалишки, Коски, Ракиты, Римадзишки, Стецашки, Лозинки, Пивовары, Купсы, Секаны, Сапли, Вилаки, Смилышнншки.

При занятии полком позиции на фронте деревни Ждегиле — высота 58,7 — выжженными оказались следующие деревни: Гендты, Бучаны, Могильнишки, Вилькодоби, Белюнишки, Трапши, Димша, Желобишки, Руданы, Морозовка, Ержишки, Ф. Стокопаево, колония Ждегиле, ф. Подровишки.

(д. № 289/376, л. 16)

ГРАБЕЖ НЕМЦАМИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Приказ немецкого командования о грабеже мирного населения

14 августа 1915 года

До моего сведения дошло, что реквизиция производится соответствующими органами слишком мягко. В виду сего я предписываю, чтобы все, что будет найдено при реквизиции,—съестные припасы, одеяла, шубы, скот, лошади, овцы, козы и т. д.,—подвергалось конфискации и доставлялось на подлежащий провиантский пункт полка немедленно. Никакие просьбы русского населения оставить ему хоть часть таких вещей не подлежат исполнению ни в коем случае. Мы находимся в неприятельской стране, и всякие посторонние соображения отпадают. Брать спасительнее, чем давать.

Начальник дивизии ЗОММЕР

(д. № 432/545, л. 3)

Немецкие солдаты и офицеры грабили население и награбленное добро отправляли в Германию

Из показания учителя И. И. Томашевского

После объявления войны с Германией через деревню Хожин в город Конин на автомобилях и верхом явились германские офицеры и солдаты.

Офицеры сейчас же приказали уничтожить телеграфные и телефонные сообщения, приказали бургомистру и войтам гмин выслать в город Конин подводы и стали грузить, отбирая у жителей зерно, постельную принадлежность, теплую одежду мужскую и женскую, белье, мебель, различные вещи, золото и серебро, и ни за что не платили и все отобранное таким грабительским способом увозили в Германию. Требовали германцы приготовления обеда, напились пьяными и безобразничали. Один офицер кричал по-немецки, сидя верхом на лошади, чтобы снимали шапки и кричали «гох», и грозил стрелять из револьвера, солдаты стреляли по городу.

(д. № 451/565, л. 3)



* * *

Из отчета по делу № 600

В конце 1914 года в деревню Фрасен, в 6 верстах от Черновца, пришли германские войска на смену бывшим ранее австрийским. Они стали забирать у местного населения скот и прочее имущество, а кто не давал добровольно, того избивали. Между прочим, жительница этой деревни, София Котовская, как-то ночью слышала крики, доносившиеся из расположенной неподалеку избы крестьянки Марии Курличук. Утром Курличук ей рассказала, что к ней зашел германский солдат и потребовал отдать ему корову; когда она сказала, что ей нечем будет кормить ее детей, то солдат застрелил из ружья троих ее детей и ранил ее самое в руку; и действительно, Котовская видела рану на руке Курличук и три трупа ее детей: меньшой мальчик 6 лет был убит пулей в сердце, следующий мальчик 8 лет — в голову, а у девочки 12 лет была рана в правом боку.

(д. № 481/600, л. 1)

* * *

Из показания С. И. Шлиознака

Вскоре после объявления войны, приблизительно через неделю, наш город Опочино, Радомской губернии, был занят германскими войсками: кавалерией, пехотой и артиллерией. Германские солдаты стали забирать у жителей намолоченный хлеб, скот и птицу, причем денег не платили; если же кто протестовал, то били. Некоторые ходили с жалобой к германскому коменданту. Комендант обыкновенно отвечал, чтобы жалобщик привел обидчика к нему. У моего соседа Карла Викторовича, человека очень бедного, германские солдаты забрали последнего вола. Викторович стал просить, чтобы ему дали хоть на хлеб. Солдаты дали ему записку, объяснив, что по ней он получит деньги за вола. Викторович показал записку немцу, жившему в нашем городе. В записке оказалось написано, что немец — герой, а поляк — глуп.

(д. № 188/149, л. 8)

* * *

Из показания Е. С. Радзивиллович

Я, беженка из местечка Подубис, Ковенской губернии. От нас до германской границы около 50 верст. В начале мая 1915 года германские войска заняли наше местечко и занялись грабежом мирных жителей. Отобрали все, что можно было унести и увезти. Коров, овец и птицу резали и ели. Часто скот пристреливали прямо на улице. Лошадей всех отобрали. Запрягли их в наши же телеги, нагрузили и отправили все в Германию, причем возчиками посадили наших же молодых ребят по 15 и 16 лет, конечно насильно.

(д. № 1201/1381, л. 8)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера С. М. Елецкого

Около города Млавы в германских окопах я видел имущество, награбленное у местных жителей, которые мне говорили, что германцы совершенно их ограбили, унеся имущество их вплоть до оконных рам и дверей в свои окопы. Когда мы взяли эти окопы, то местное население находило в них свое имущество и забирало его.

(д. № 468/586, л. 2)

* * *

*Из показания врача Валковицкой земской больницы
А. М. Нейфельд*

В Ченстохове немцами были ограблены дочи́ста все общественные и правительственные учреждения, православные церкви и все квартиры мирных граждан, покинувших город. Оставшихся они грабили и продолжали грабить непрерывно, забирая в городских лавках и магазинах все, что им понадобилось, и уплачивая квитанциями вместо денег. У окрестных крестьян они отняли скот, сено и все съестные припасы, выдавая взамен их также квитанции.

(д. № 75/77, л. 10—11)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера Е. П. Прока

Я был взят в плен 6 августа 1915 года около самой крепости Новогеоргиевска во время боя. Отправили меня сразу в Ламсдорф, а затем отправили в Нейгамер, где я пробыл 1½ месяца и был затем отправлен на работы по исправлению железных дорог и мостов в русскую Польшу, в город Слоним. Местное население было все ограблено немцами, немцы отобрали все, что могли взять и найти, при мне они отобрали у одной женщины последнюю корову, которая кормила ее пятерых маленьких детей.

(д. № 1193/1373, л. 1)

* * *

Из показания крестьянина Г. М. Бачинского

В конце июля 1915 года австрийские войска впервые вступили в наше село Квасово и сейчас же начался грабеж домашнего скота, птицы, хлеба, фруктов, пчел.

(д. № 959/1112, л. 8)

* * *

*Из показания крестьянина М. А. Горидо.
Август 1915 года*

Наша деревня Врече, находящаяся в нескольких верстах от города Вилейки, Виленской губернии, была занята австро-германцами. Вступивший в деревню неприятель, разбившись на группы, окружил

дворы всех домохозяев и подверг мирных жителей ограблению. Забиралось неприятелем все решительно, что попадалось под руку: и скот и хлеб и съестные припасы, и одежда, и деньги, и постель и вообще все, что могло представлять хоть малейшую ценность. Так у меня, например, похитили 4 коров, лошадь с полной упряжью, одежду и 80 рублей деньгами.

(д. № 623/746, л. 7)

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА, ПЫТКИ И ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НЕМЦЕВ НАД МИРНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ

**Немецкие изверги сжигали и убивали ни в чем
не повинных людей**

*Из отношения председателя Люблинского Окружного
Суда в Чрезвычайную Следственную Комиссию. 18 июня 1915 года*

Во многих местностях Томашевского уезда, Холмской губернии, австрийцы, заперев мирных жителей в их домах, поджигали эти дома, а тех, кто пытался бежать, они беспощадно расстреливали. С особою силой такое зверство проявилось в селе Юрове, Томашевского уезда. В то время, как австрийцы жгли деревню, несколько семей укрылись в двух картофельных ямах. Некоторые пробовали выйти из выходных отверстий, но австрийцы беспощадно их расстреливали. В заключение изверги-солдаты стали бросать горевшую солому в эти ямы и в них частью задохлись, а частью живьем сгорели тридцать девять человек стариков, женщин и детей...

В селении Кржонов, Яновского уезда Люблинской губернии, неприятели обнаружили несколько скрывшихся в яме крестьян, вытащили первого из них и без всяких разговоров расстреляли его.

(д. № 66/66, л. 2 и 3)

* * *

Отношение штаба Главнокомандующего армиями Юго-западного фронта в дипломатическую канцелярию при штабе Верховного Главнокомандующего. 18 октября 1914 года.

Генерал Шварц, комендант крепости Ивангород, донес, что немцы при отступлении от Вислы перед самым уходом из с. Горбатки собрали крестьян в одном доме, заперли их и подожгли; крестьяне спаслись через выбитые окна.

(д. № 33/36, л. 1)

* * *

Из показания подпоручика А. Л. Шевчукова

24 августа 1914 года, на переправе через реку Ходыль, у местечка того же названия, во время боя за переправу, охраняемую нашими войсками, под натиском превосходящих сил противника три наши роты,

охранявшие переправу, отошли. Отступая, я оставил возле одной избы раненого казака 9-го Донского полка и несколько человек телефонистов, которые затем были найдены мертвыми, обуглившимися, причем тогда же от спасшихся мирных жителей я узнал, что раненые мои нижние чины, как и десятки женщин и детей и стариков, были расстреляны и сожжены в домах в то время, когда они хотели спастись бегством. Был, например, такой случай: мирное население пряталось в подвалы и в специальные ямы; неприятель же бросал туда зажженные факелы; я лично насчитал в таких ямах и домах более сорока обуглившихся трупов. Там же, в бою под Ходылем, у пленных мадьяр мы находили приготовленные факелы для поджигания домов, хранившиеся у них в ранцах. . .

В боях с 13 по 20 октября 1914 года, в направлении Н. Александрия — Опатово, я, во главе передовых частей, находил со своими людьми трупы расстрелянных мирных жителей. Их заставили выполнять роль проводников под угрозой смерти, по исполнении задачи были убиты неприятелем, дабы, вернувшись в свою деревню, они не могли выдать нашим войскам силы и количество противника; это обстоятельство подтверждали также, в минуту откровенности, и пленные галицийские солдаты-поляки, считая виновниками всего этого мадьяр и офицеров-немцев.

(л. № 138/198, л. 3)

* * *

Из показания свидетеля Ф. В. Святловского

Немцы расстреляли газетчика — мальчика лет 10 — за то, что он продавал варшавские газеты, а также брали женщин и уводили к себе в лагерь. Вообще каждый малейший проступок жителей, оставшихся в Лодзи, наказывался очень строго: виновный или даже в чем-либо заподозренный предавался военному суду и на глазах жителей подвергался расстрелу.

Был такой случай: в одной из улиц была брошена бомба, подозрение пало на дом одного из евреев, и немцы сделали распоряжение о расстреле всех мужчин и детей, находящихся в этом доме. Все распоряжения подобного рода приводились в исполнение весьма быстро немецкими солдатами.

(л. № 115/122, л. 10)

* * *

Из донесения помощника Хотинского исправника

В ночь на 2 июня 1915 года нижние чины занявшего наше село австрийского войска встретили на улице в селе Широуцах местного парня Григория Степанова Кеника 23 лет. Увидя на нем солдатский кожаный пояс, они приняли его за русского солдата, арестовали и со связанными назад руками доставили в село Клишковцы, в дом почтового отделения, где помещались 4 человека офицеров австрийской кавалерии. В ту же ночь, после допроса Кеника, как удостоверяет сторож почтового отделения поселянин Николай Васильевич Лесько, нижние чины-австрийцы затащили веревку на шею Кеника и,

оставив его на ноги, тянули за концы веревки в разные стороны, от чего он шатался, но не кричал...

Утром 3 июня парень Кеник найден мертвым. Он был зарыт в землю возле усадьбы помещика села Клишковицы Петра Дмитриева Мышка, недалеко от почтового отделения.

(д. № 76/79, л. 3)

Истребление целых семей

Из рапорта судового священника Левитского

Начало нынешней войны в Ходыванецком приходе, где я служил приходским священником, ознаменовалось невероятными жестокостями со стороны австрийцев над мирным, совершенно безвинным населением.

Ходыванецкий приход состоял из четырех деревень, расположенных при австрийской границе, гмины Ярчов, Томашевского уезда Холмской губернии, с 2000 душ православного населения да столько же было римско-католиков и иудеев.

Война нагрянула к нам первым своим ударом среди мирных занятий...

С 27 июля австрийцы стали грабить на границе наши посты, оставленные пограничной стражей, так что мы едва успели спасти с поста Юров часть покинутого имущества и спрятать его в моем амбаре под охрану местного сотского, а пост Ярчов со всем инвентарем командира, нижних чинов и казенным имуществом австрийцы разграбили и сожгли дотла.

На горизонте пылали зарева пожаров. Через наш приход часто проезжали неприятельские разъезды и кавалерийские отряды...

Доносились к нам близкие раскаты артиллерийских боев. 14 августа днем был убит австрийцами крестьянин села Юрова, Марко Цень 38 лет.

15 августа с утра начался артиллерийский бой. Прихожане и мое семейство находились в церкви.

Австрийцы сломали западную дверь, ворвались на лошадях в храм в шапках с раскуренными трубками и стали стрелять в толпу, бывшую в храме. Поднялась паника.

Перепуганный народ убежал через алтарь и ризницу на церковный погост, но там в незащитных беглецов австрийцы стреляли разрывными пулями.

При церкви убит был наповал, простреленный в голову, местный церковный староста, крестьянин Василий Будычук 48 лет, ранена пулей в грудь его жена — Анна Будычук 46 лет, изувечена в левую руку моя дочь — Ольга Левитская 16 лет. Причем раздробленная выше локтя рука повисла на одной жиле, ранена пулей в голову жена моя Олимпиада Левитская 46 лет.

Жена моя добежала в палисадник и там свалилась между сиренью, а дочь Ольга и Анна Будычук успели добежать на огород, где спрятались в растущую картофель, истекая кровью.

На просьбу о помощи австрийцы отвечали смехом и издевательствами. Ворвавшись в нашу усадьбу, австрийцы разграбили все наше имущество. Весь вечер и ночь они пьянствовали и бесчинствовали в нашей квартире и беседке на глазах истекавшей кровью жены моей.

Раненая Анна Будынчук на огороде умерла, держа в руках дитя, а дочь Ольга от потери крови и боли упала в обморок.

Лишь в 4 часа 16 августа две старшие дочери мои перенесли раненых мать и сестру в погреб, где на раненой руке дочери открылась гангрена.

После полудня семью мою в таком состоянии, без одежды, без денег, австрийцы увели в плен в Галицию. Одновременно они грабили, громили, развратничали по другим крестьянским усадьбам в селе Ходыванах.

Австрийский генерал распорядился предать расстрелу все местное население.

Поднявшийся плач, мольбы о пощаде «смягчили» беспричинный гнев австрийцев, и они, в виде милости, приказали вырыть в поле канаву, над которой расстреляли шестнадцать душ местных ни в чем не повинных крестьян на глазах всего населения. . .

Вечером австрийцы подожгли село с юга и сожгли 16 строений.

15 августа 1914 года одновременно шел бой под приписанным селом Юров, в полуверсте от нас. Рвалась шрапнель, пули свистели кругом.

Обезумевшее от страха население попряталось в погребах и ямах, где зимою хранится картофель. Разграбив более ценное имущество крестьян, домашний скот, птицу, съестные продукты, неприятель поджег село и когда, под защитой зеленых садилов, пожар прекращался, поджигали вновь, пока все село, до 400 строений, не сгорело дотла. Это было целое море огня.

Скрывавшиеся в погребах крестьяне задохались от жара и близости огнедышащей стихии, а кто выходил из ямы на воздух, того убивали из винтовок.

Австрийцы, видимо, наслаждались мучениями несчастного населения. Они срывали с крыш горящие снопы соломы и бросали в ямы — и так живо изжарили целые семейства, всего 40 душ.

Крики, стоны, душу раздирающие вопли, мольба о пощаде, пение молитвы с призывом помощи небесной — ничто не могло остановить дикой расправы врага. Эти предсмертные вопли и крики доносились в наше село, объятые паникой, пока все не замерло, и на месте многолюдного, зажиточного села остались кучи угля и пепла да остовы обгоревших деревьев и испеченные в бесформенную массу жареного человеческого мяса трупы 40 жертв обезумевшего врага.

Две недели эти трупы лежали без погребения, заражая нестерпимым запахом все окрестности, пока в начале сентября месяца не было дано возможности предать их погребению...

Во время этих казней чудом божьим спасся выброшенный отцом своим из ямы на воздух мальчик Владимир Доманский 8 лет. Подбежавший австриец сразил отца его пулей в голову при дверях ямы, а мальчика прострелил пулей навывлет в грудь. Ночью

мальчик приполз к нам, где ему сделали перевязку, и он мало-по-малу выздоровел.

Он ныне круглый сирота, ибо вся семья погибла в яме, и уже полтора года проживает при моем семействе, а ныне в городе Москве, где учится в школе...

На другой день, 16 августа, австрийцы увели в плен 60 крестьян села Юрова, причем 18 человек сейчас же за границей при селе Журавцы в Галиции бесчеловечно замучили, стреляя по ним над вырытой в поле канавой сначала в ноги, потом в живот и наконец в грудь и голову.

(д. № 826/971, л. 4—6)

*
*
*

Отчет по делу № 665

В конце августа или начале сентября 1914 года дивизион 14 пограничного сводного конного полка под командой полковника Крылова, производя разведку между Кельцами и Радомом, наткнулся в лесу на дом лесничего, обнесенный высоким забором. Из-за забора по русскому разъезду открыл огонь засеивший там германский разъезд. Во время происшедшей схватки весь германский разъезд, состоявший из 11 человек, которые были пьяны, был перебит, и наши солдаты проникли в усадьбу.

На дворе усадьбы были найдены 6 или 8 человек лесников, привязанных к забору и расстрелянных. На лестнице дома лежал в истерзанном виде труп женщины, видимо, горничной; у нее были искусаны подбородок, губы и грудь. В одной из комнат были найдены сам лесничий, его жена и труп ребенка 3—4 лет. Лесничий был повешен на веревке за локти; у него были выколоты глаза и отрезан язык; он хрипел и вскоре тут же скончался. Ребенок был, видимо, затоптан ногами. Жена лесничего была привязана за руки и за ноги к кровати вся в истерзанном виде; ее губы, подбородок и грудь были искусаны; судя по ее виду и позе Крылов пришел к заключению, что она подверглась насилию. Женщина была близка к умопомешательству и бредила; из ее слов Крылов вывел заключение, что истязание продолжалось более суток. Во всех комнатах валялась разбитая посуда из-под спиртных напитков.

(д. № 560/665, л. 1)

Немецкие поддлецы кастрировали свои жертвы

Из показания А. И. Соколинского

В июле 1914 года, спустя несколько дней по объявлении войны, неприятельская кавалерия при своем наступлении в пределах Грубешовского уезда Холмской губернии, вошла в деревню Мельчен и захватила в плен жителей, не успевших бежать, в числе 50—60 человек мужчин в разном возрасте, сожгла 36 домов со всем имуществом. Людей отвели версты за 2—3 от деревни в поле, при этом человека 3—4 со связанными руками привязали за ноги к телегам и тянули по земле; человек 5—6, в том числе Соколинского, раздели донага и в таком виде гнали перед собой; остальных гнали перед со-

бой в одежде. Остановившись в поле, начали кастрировать людей, которые были раздеты донага, и скастрировали 3 человек, которых там же зарыли живыми в ямы. В это время явились наши казаки и освободили всех пленных.

(д. № 1106/1275, л. 2)

Немецкие бандиты развлекались стрельбой по повешенным

Из отчета по делу № 1003

Осенью 1914 года село Новоселки, Томашевского уезда Холмской губернии, было занято австрийцами, которые тотчас стали грабить; особенно пострадали жилища, оставленные хозяевами. На следующий день австрийцы схватили одну женщину и шесть мужчин, в том числе Ивана Глушко и Ивана Каравана, и повесили их; в повешенных австрийцы стали стрелять из револьверов. Потом они повесили в помещицьем саду одного глухонемого крестьянина.

(д. № 854/1003, л. 1)

За отказ стать предателем своей родины немцы вбивали в руки гвозди

Из отчета по делу № 110

14 октября 1914 года около Прасныша был задержан германским кавалерийским разъездом проезжавший мещанин — уроженец деревни Смошево, Плоцкой губернии, Иосиф Франц Фляцинский 63 лет от роду. Сначала германцы стали расспрашивать его о количестве и расположении русских войск, а затем предложили освободить его под условием, если он согласится давать германцам подробные и точные сведения относительно русских войск.

Однако после того как Фляцинский отверг с негодованием это предложение, рассвирепевшие германцы, выпрямив ему руки, привязали их к валявшейся тут же доске и стали через нее вгонять в руки гвозди. Наконец, немцы бросили Фляцинского на землю животом вниз, прикрепили колышками к земле доску, к которой были привязаны его руки, и, связав ему ноги, обложили его хвоей и ветками, подожгли этот костер, а сами уехали. Ему, однако, удалось подняться с обожженным боком и задом и спастись, благодаря тому, что перегорела связывавшая его веревка.

(д. № 104/110, л. 1)

Развлечение немецких дикарей страданием крестьян, терзнувших в холодной воде

Из показания крестьянки М. К. Егоровой

Когда деревня была занята отрядом немцев, последние, собрав толпу крестьян деревни Стабинки, насильно загнали их в имеющееся при деревне озеро, которое еще в то время не совсем освободилось

от льда и снежной каши, а сами, стоя на берегу, смеялись над мерзнувшими в холодной воде крестьянами, женщинами и мужчинами, крича при этом: «Русы черны, им надо помыться».

(д. № 107/113, л. 6)

Раздели женщину донага и заставили смотреть как горит дом

*Из отношения начальника Праснышского уезда
Плоцкому губернатору. 3 апреля 1915 года*

В ноябре 1915 года германские войска, во главе с офицером, ворвались в один из домов против казарм в городе Прасныше, выволокли оттуда на улицу женщину, раздели ее донага и в присутствии бургомистра этого города подожгли ее дом и заставили бургомистра и ее, нагую, смотреть как горит дом.

(д. № 186/256, л. 4)

Хладнокровные злодеяния немецких убийц

Из показания казака В. К. Крюкова

28 сентября 1915 года третья сотня Кизляр-Гребенского казачьего полка, в которой служил я, находилась в 7 верстах от села Гаузе. Часа в 2 в указанный день разведочному отряду казаков, в числе 7 человек, под моим руководством было поручено командиром сотни произвести разведку в селе Гаузе с целью выяснения, находятся ли там отступавшие австрийские и немецкие части...

В селе мы остановились возле одной из хат. Здесь мы застали толпу женщин-крестьянок. Мы стали спрашивать их, как вели себя неприятельские части во время пребывания в селе. Одна из женщин рассказала тогда нам, что в тот же день, т. е. 28 сентября утром, часов в 9, в ее дом явились австрийские и немецкие офицеры и потребовали приготовить им завтрак. Женщина эта подчинилась их требованию, стала стряпать, ребенка своего усадила на пол, а мужа своего послала наколоть дров. Ребенок сначала сидел смирно, а потом расплакался. Неприятельские офицеры, сидевшие в той же комнате, где был ребенок, взяли этого ребенка и выбросили его на двор через дверь.

Спустя некоторое время после этого пришел в комнату со двора муж женщины, неся дрова и топор. Когда офицеры увидели у него топор, то сказали: «Это что — зарубить нас желаешь?», а затем приказали своим солдатам расправиться с мужем той женщины. После этого солдаты повели его к храму, разбили в храме двери, ввели его туда и там в присутствии своих офицеров стали вешать его. Они желали его повесить на паникадиле и три раза приподымали привязанного за горло мужа той женщины, но каждый раз обрывалась веревка. После этого один из присутствовавших австрийских или немецких офицеров застрелил его из револьвера, произведя выстрел в ухо, так что пуля прошла навылет.

(д. № 788/929, л. 13)

*Из донесения Начальника Люблинской учебной дирекции
почетителю Варшавского учебного округа. 3 октября 1914 года*

Семеро крестьян и учитель Броновского училища Гощинский с женой, укрывшиеся в ямах, были немцами изгнаны из них, причем жена учителя была ранена штыком; приговоренные к расстрелу они по предложению неприятельского офицера должны были опуститься на колени для предсмертной молитвы и затем ожидать конца; лишь обращение врага в бегство от последовавшего губительного обстрела его русскими спасло этих людей от смерти.

По сообщению того же учителя, крестьянин деревни Аделин Пахальский, пытавшийся из подожженной австрийцами хаты своей спасти имущество, получил удар штыком в живот; привязан был к дереву; рот его был заполнен навозом; унесенный родными в одну из не горевших еще хат был там неприятелем добит и сожжен с хатой. По его же сообщению офицер в присутствии арестованного ксендза, настоятеля прихода Ратошин, развлекался рисованием виселицы на которой, по его заявлению, должен быть повешен арестованный.

Со слов члена местного суда, бывшего несколько недель в австрийском плену, пленных, следовавших на привязи за телегами, сидевшие на последних солдаты ударяли со словами «хальт» прикладами в грудь, а шедших сзади — в спину. Закржувецкий, учитель, также свидетельствует, что пытавшиеся спасти хаты и имущество от огня были убиваемы и бросаемы в огонь; что в деревне Быстрижица и Кельчевице укрывавшиеся от снарядов люди в ямах и погребках были убиваемы штыками...

По сообщению ходельского учителя один из мещан, пытавшийся угнать свою корову в болотные заросли, был мадяром убит шашкой; при бегстве от преследования нашими войсками, в посаде Ходель, разбивая дома, уводя людей с собой в плен, враги расстреляли 6 человек.

Пленных из мирного населения держали по несколько дней без пищи.

Крестьянина, заявившего, что в случае прихода русских войск вручаемая австрийцами расписка в заборе у него провианта не будет иметь никакой цены, по сообщению слупечненской учительницы, австрийцы забрали с собой, и он не вернулся. Четырех местных жителей, по сообщению высокского учителя, по подозрению в убийстве офицера, ведя в обозе, били прикладами.

Очень многие единогласно отмечают жестокость неприятеля, проявленную по отношению даже к женщинам и детям главным образом в момент отступления. Реквизиция средств передвижения и питания переходила в разбойный грабеж до снятия колец с пальцев и сережек из ушей включительно. По сообщению слупечненской учительницы, она и крестьяне, укрываясь в костельной башне, видели через малое оконце, как австрийцы поджигали дома в деревне; у учителя Высокского училища, обыскав карманы, взяли последние

5 рублей... У арестованных отбирали деньги. Подобные деяния наблюдались также за офицерами (показание вроневского учителя).

Забиравшиеся неприятелем в обоз крестьяне всячески пытались от этого уклониться, платясь за это всякого рода репрессиями. Забранный крестьянин Бобилек, по сообщению велиончской учительницы, бежал из-за реки Вислоки из обоза, покинув своих лошадей и проч.; прибыл домой 4 октября. Крестьянин Банах, по сообщению закружецкого учителя, явившийся наиболее активным выразителем настроений населения, был убит по приказу генерала за порчу телефонного провода и т. п.

(д. № 1107/1276, л. 3, 4)

Немцы заражали колодцы и продовольствие, награбленное у населения

Из показания полковника Я. И. Шишко

В средних числах июня 1915 года я со своим отрядом был послан взять деревню Гуту, Ломжинской губернии, которая мною была взята с боя. Когда мы вошли в названную деревню, то местные жители — литвины — с радостью нас встретили и стали рассказывать о тех жестокостях по отношению к ним со стороны немцев, которые те совершили в этой деревне. Так, по их словам, за несколько дней до взятия деревни Гуты моим отрядом немцы согнали всех жителей деревни, не исключая стариков, детей и женщин, в две халупы, заколотили двери и сказали им, что если только кто-нибудь из них «покажет свой нос», то будет немедленно убит. К этим халупам были приставлены часовые. Делалось это с той целью, чтобы население не видело, сколько проходит через деревню немецких войск и в каком направлении. По словам тех же жителей, им в течение 3 дней ничего не давали есть. Запертые в халупах тогда только сами выломали двери и вышли наружу, когда услышали, что наши вошли в деревню.

Все колодцы в деревне были немцами завалены всякого рода мусором и отбросами. Немцы в течение нескольких недель до этого, находясь в деревне Гуты, перерезали много домашнего скота, свалили его в одно место и затем устроили там отхожее место. Делалось это для того, чтобы никто не мог воспользоваться скотом. Я лично и все проходившие офицеры и нижние чины видели в одном из дворов деревни Гуты убитых и сваленных в кучу барашков, от которых в это время уже несло зловонием.

Кроме жителей деревни Гуты, жители многих деревень там же, в Ломжинской губернии, при нашем отходе из пределов Восточной Пруссии передавали, что немцы жестоко обращались с мирным населением, грабили у них все, сжигали постройки и насиловали женщин и подростков.

(д. № 137/197, л. 22)

НЕМЕЦКИЕ ИЗВЕРГИ НАСИЛОВАЛИ, ИСТЯЗАЛИ И УБИВАЛИ ЖЕНЩИН

Массовые надругательства немцев над женщинами

Из отчета по делу № 455

24 октября 1914 года во время отступления германцев от Вержболова партия наших разведчиков в 60 человек, приближаясь к оставленным германцами окопам в 7 верстах от Вильковишек, встретила 12 молодых женщин полек, вышедших из этих окопов; все они были оборваны, часть даже босиком и все имели очень изнуренный вид. Женщины рассказали солдатам, что их за месяц до того германцы силой увели в свои окопы, изнасиловали, а потом задержали там же в окопах и в течение всего месяца каждая из них принуждена была быть наложницею многих солдат.

(д. № 356/455, л. 1)

* * *

Из показания поручика Е. Б. Вельгорского

.. Когда мы вступили в деревню Змея-Костельная, между Млавой и Цехановым, после трехмесячной стоянки там немцев, жители деревни жаловались нам, что немцы изнасиловали поголовно всех женщин в деревне. Когда мы затем отступили из этой деревни, все жители бежали из нее вслед за нами, не желая опять попасться немцам.

(д. № 478/597, л. 2)

* * *

Из показания ефрейтора В. Ф. Кулакова

Когда я находился в составе 2 роты 174-го пехотного Роменского полка, то в сентябре 1914 года, точно числа не помню, наш полк получил приказ выбить австрийцев из одной большой деревни на нашей территории, недалеко от австрийской границы, в Волынской губернии. . .

Когда мы проникли в эту деревню, то жители ее просили нас освободить из церкви в этой деревне запертых там стариков, старух

и детей. Мы сбили замок с церковных дверей и увидели, что в церкви находилось около 80 человек стариков, старух и детей; мы их выпустили на воздух, а некоторых вытащили, так как они от истощения не могли двигаться. В церкви мы нашли пять трупов старух, умерших от истощения. Старики и старухи говорили нам, что австрийцы держали их взаперти трое суток без пищи и воды, и что они туда были заперты за то, что препятствовали неприятелю издеваться над дочерьми.

По указанию местных жителей, в некоторых сараях этой деревни и в домах мы нашли пять трупов молодых женщин и несколько трупов малолетних детей. Все трупы молодых женщин были голые и обезображены: груди их были разорваны и животы распороты вплоть до половых органов; трупы в сараях были привязаны соломенными жгутами головой вниз к перекладинам сараев, а в хатах голые и обезображенные трупы молодых женщин были брошены на полах изб. Некоторые из обезображенных женщин были еще живы и молили нас, чтобы мы их предали смерти.

(д. № 922/1152, л. л. 11—12)

* * *

Из отчета по делу № 287

В средних числах марта 1915 года немецкие войска были вынуждены отступить от Гродненской крепости. Русские разведчики, осмотрев оставленные немцами окопы у деревни Ястржебно, Гродненской губернии, обнаружили в этих окопах трех связанных по рукам и ногам веревками девушек, жительниц соседних селений. Две из них, лет по 18 от роду, были мертвые, а третья, лет 25 от роду, была жива; эта девушка рассказала разведчикам, что германцы привели ее и других женщин из деревни в окопы, держали их четверо суток и в течение этого времени подвергали насилию. Одежда у пострадавшей была изорвана, и вид был ужасен.

(д. № 203/287, л. 1)

* * *

Из отчета по делу № 954

15 марта 1915 года двадцать крестьянских девушек, находившихся на работах по рытью окопов для русских войск близ Кельц, были захвачены наступающей германской кавалерийской частью, связаны за руки и погнаны на работы по рытью окопов для немцев; упиравшихся подгоняли прикладами. Они пробыли в плену три месяца. Все это время они днем находились на земляных работах, а ночью их насиловали солдаты; во избежание сопротивления им связывали руки веревками назад. Немцы всячески над ними издевались, — плевали им в лицо, раздевали догола, обменивались девушками между собою. Кормили их очень плохо — давали только хлеб и воду, так что они совсем ослабли и не могли работать; однако немцы не обращали на это внимания и отказывавшихся работать били прикладами.

(дело № 811/954, 1 л.)

* * *

Из показания А. А. Улинского

В апреле 1915 года вся Средницкая волость, Ковенской губернии, была занята германцами. Заняв нашу волость, германцы начали производить всякие бесчинства. Я сам был очевидцем, как германцы, выгнав из дома мать девицы Довьятовой, изнасиловали в дому Довьятову и подругу ее Скленекуту, которых германцы и забрали с собой. Насиловали этих двух девиц трое германцев. Я лично слышал крик девиц, слышал просьбы матери отпустить девиц. Но, несмотря на просьбы матери, девицы были взяты германцами и неизвестно куда уведены.

Не раз мне приходилось слышать жалобы женщин и девиц, что германцы насиловали их. Германцы увели двух девушек — сестер Зосхо и Лучию Зуковских, об этом я слышал от отца и матери этих двух девушек.

Германцы насиловали не только девушек, не достигших даже 17-летнего возраста, но насиловали даже и старух. Я знаю, что была изнасилована старуха 90 лет Зуковская, причем германцы привязали ее к кровати и насиловали несколько человек подряд.

(д. № 1095/1264, л. 7)

* * *

Из показания пострадавшей Д. М. Середюк

В средних числах марта 1915 года австрийцы заняли село Полу-Алуту. Спустя несколько дней после вступления, вечером, когда соседка с детьми и старухой-матерью мужа, ныне умершей, сидела в хате, к дому ее пришли австрийские солдаты и стали стучать в двери, а когда она не хотела открыть, они выломали дверь и вошли в избу и подошли к ней. Она взяла на руки ребенка, но австрийцы силой отняли ребенка и бросили на землю, а ее схватили и стали валить на пол с целью изнасилования. Она сопротивлялась, но они били ее кулаками и изорвали на ней одежду; затем повалили и держали за ноги и за руки и тут же на глазах детей и старухи-матери все по очереди изнасиловали ее.

(д. № 993/1093, л. 2)

* * *

Из показания беженца И. Чидтейчик

Деревня Кузнотин, Петроковской губернии, в июле 1914 года была взята германцами без боя. В дом крестьянина Иосифа Петрова Станяшки зашли два немецких солдата, один из них взял винтовку, стал посредине комнаты, а другой схватил жену Станяшки — Марию, которую положил на кровать и начал ее насиловать, муж хотел защитить, но, получивши удар прикладом ружья, упал без сознания.

Затем германцы были выбиты из этой деревни русскими войсками. Немецкие солдаты и их командиры и офицеры при отступлении из-под Варшавы по пути сожгли деревню Раков, учинили насилия над женщинами и девушками.

(д. № 34/31, л. 3)

Зверские убийства и истязания немцами изнасилованных женщин

Из показания подпоручика С. С. Джурковича

13 февраля 1915 года наш полк выбил из деревни Лойки 164 резервный германский полк армии генерала Эйхгорна и занял деревню, совершенно разграбленную этим полком. В одной из изб мы нашли старика и старуху, которые нам рассказали, что немцы насильовали и потом убили их единственную дочь, труп которой лежал тут же. На теле ее было несколько штыковых ран и на шее следы удушья. Труп я сам видел. Рубашка на ней была изорвана и вся в крови, и волосы были растрепаны.

17 февраля мы тот же полк выбили из Сухой Бали и там тоже нашли в подвале труп задушенной немцами старухи.

(д. № 501/627, л. 12)

* * *

Из показания прапорщика П. И. Ляковского

3 августа 1914 года в составе своего 16 Ладожского полка я вошел в местечко Милленцы, Ломжинской губернии, и в костеле обнаружил два трупа...

Когда я вошел в костел, то сразу обратил внимание на трупы, как мне показалось, двух женщин в истерзанном виде, привязанных к хоругвям. Волосы их были растрепаны, верхние юбки расстегнуты и спущены на бедра, ноги босы. Обе были средних лет, блондинки. Я сначала думал, что они мертвы, но потом заметил, что они дышат, ибо груди у них подымались и опускались. Я задавал им вопросы, но они не отвечали, хотя глаза их были открыты, но, очевидно, они находились в бессознательном состоянии. На скулах обеих женщин видны были следы побоев, нижние рубашки на груди были изорваны и испачканы кровью, груди были надрезаны сбоку, а также соски грудей или были отрезаны, или оторваны. Заметил я также на грудях упомянутых женщин следы от укуса человеческими зубами.

(д. № 821/933, л. 10—11)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера Ф. Ф. Федорова

28 августа 1914 года за р. Будзиной, Люблинской губернии, когда мы выбили из окопов 15 пехотный Львовский полк (из австрийских войск) и заняли их, то нашли там четырех русских женщин, которых

австрийцы сначала изнасиловали, а затем изранили кинжалами. Из этих женщин одна уже была мертва, а трое—со слабыми признаками жизни. Последних мы взяли в наш лазарет. По дороге туда и еще одна женщина скончалась.

(д. № 503/529, л. 2)

* * *

Из отчета по делу № 121

В ночь на 14 января 1915 года, в Карпатах, производившие разведку в австрийской деревне Козювке старший унтер-офицер 15 Финляндского стрелкового полка Сергей Ефимов Крылов и его товарищ, однополчанин Михаил Чернышев (ныне убитый) заметили в окне одной избы огонь и услышали доносившиеся оттуда крики женщины. Вследствие этого Крылов поспешил в избу, а Чернышев остался около нее на карауле. В сенях избы Крылов обнаружил шесть германских ружей, которые выбросил на улицу, а сам вошел в избу. Там он увидел лежавшую на полу в одной рубашке окровавленную женщину, над которой возились шесть солдат 9 германского полка. Двух из них Крылов заколол, а остальные убежали.

У женщины, имевшей около 30 лет от роду, оказались отрезанными груди и обе ушные раковины.

(д. № 114/121, л. 1)

* * *

Из показания прапорщика Ф. С. Сафронова

29 апреля 1915 года происходило наступление на деревню Баламутовку, Хотинского уезда, Бессарабской губернии, занятую в то время австрийцами. После того как неприятель был сбит с первой позиции, я с казаками вбежал в один из домов деревни, где подождал найти австрийцев. В доме этом я увидел лежавшую на полу женщину с колотой в грудной области раной. Женщина эта была мертва. Судя по величине и форме раны, а именно по тому, что рана была продолговатой формы, я заключаю, что женщина заколота австрийским штыком. Бывший при этой женщине крестьянин в слезах рассказал мне, что находившиеся в его хате до нашего прихода в деревню австрийцы закололи его жену, предварительно изнасиловав ее. В состав войск неприятеля входила 42 Гонведная дивизия и спешенная кавалерия.

(д. № 204/176, л. 4)

* * *

Из показания свидетеля Н. Рябова

В мае 1915 года немецкие войска были выбиты из местечка Коршаны. По занятии нашими войсками указанной местности, рядовой 65 Московского пехотного полка Никанор Рябов зашел в дом местного жителя, по фамилии ему неизвестного, и увидел двух девушек:

одну лет 13, а другую лет 18, лежавших в постели; младшая была без памяти. Находившийся тут же с подбитым глазом отец де-вушек рассказал, что немецкие солдаты изнасиловали его дочерей и нанесли ему побои, когда он стал просить не трогать младшей мало-летней дочери.

(т. № 437/550, л. 1)

* * *

Из показания рядового П. Ламакина

В конце июня 1915 года около деревни Рудовицы, под Луцком, рядовой 13 Стрелкового полка Петр Ламакин встретил раненую в ногу неизвестную женщину, которая ему рассказала, что австрийцы вечером насильно увели ее в окопы, всю ночь над ней издевались, а на утро прогнали в сторону русских и подстрелили.

(л. № 308/399, л. 1)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера П. И. Химич

В ночь на 8 октября 1915 года наш 49 Брестский полк наступал на селение Ростоки, Кременецкого уезда Волынской губернии, занятое австрийцами. С боем мы на рассвете 8 октября 1915 года ворвались в это село и выгнали оттуда австрийцев. На улице этого села лежали в бессознательном состоянии три женщины. Вид их был ужасен, лица, руки и ноги были окровавлены. Юбки изорваны и задраны так, что обнажали животы. Женщины эти, не приходя в сознание, спустя несколько часов после этого скончались. Со слов мирных жителей стариков мы узнали, что женщины эти замужние, что их* мужей австрийцы увели с собой, а их на глазах всех изнасиловали.

(л. № 575/696, л. 9)

НЕМЦЫ РАЗЛУЧАЛИ ДЕТЕЙ С МАТЕРЯМИ, ГЛУМИЛИСЬ НАД НИМИ И ИСТРЕБЛЯЛИ

Из отчета по делу № 222

В середине мая 1915 года в окопы 25 Смоленского пехотного полка, у местечка Кузи за Ломжей, пришли со стороны германских окопов человек 200 детей местных польских крестьян в возрасте от 11 лет и моложе. При расспросах дети рассказали, что несколько месяцев тому назад германцы захватили их в плен вместе с родителями, которых нарядили на разные военные работы. С ними же, детьми, германцы обращались очень дурно: плохо кормили их, разлучали с матерями и, наконец, чтобы они не мешали своим родителям работать, прогнали их от себя и приказали идти к русским солдатам.

(д. № 157/222, л. 7)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера В. Н. Дранникова

26 августа 1914 года в деревне, в 2 верстах от местечка Ополе Люблинской губернии, на окраине ее, мы нашли два трупа: женщины лет 35 и ребенка лет 7. По словам оставшихся в деревне жителей, австрийцы убили их за то, что женщина требовала отпустить ее мужа, которого забрали в плен. У ребенка была раздавлена голова каким-то тупым оружием, а женщина убита ударом штыка в грудь. Одежда на ее груди была разорвана, повидимому, штыком.

(д. № 212/174, л. 3)

* * *

Из показания рядового А. Е. Масалова

13 или 14 января 1915 года в местечке Граево-Руссом во время привала я вместе с товарищем зашел в одну хату попросить молока. Хозяйка этой хаты, русская, как ее зовут, не знаю, сказала нам, что молока нет, так как всех коров забрали германцы, и рассказала, что у ее соседки было четыре коровы. Сначала взяли от нее три коровы, а одну она упросила оставить для ребенка. Потом через несколько дней пришел германский офицер и стал требовать отдать последнюю

корову. Женщина стала умолять оставить корову для пропитания ребенка, тогда офицер сказал, чтобы она показала ребенка. Женщина вынесла к нему ребенка, и офицер, выхватив револьвер, застрелил ребенка на руках у матери и приказал взять корову, заявив, что «он уже снял с нее эту заботу».

(д. № 930/496, л. 3)

* * *

Из показания рядового А. Н. Гришина

В начале декабря 1915 года полк наш находился под Щучиним.

Мы погнали немцев и когда вошли в одно имение, то нашли 30 зарезанных коров и тут же на боку лежали пожилая женщина и девочка лет 10, обе с перерезанными горлами.

(д. № 627/750, л. 3)

* * *

Из показания рядового И. И. Галета

4 марта 1915 года на рассвете наш полк проходил через оставленное неприятелем и жителями местечко Херовичи на Карпатах. Зайдя там в одну избу, я и рядовой 128 Старо-Оскольского полка Семен Ефимов Жигунь увидели в ней два трупа детей 5—6 и 9—10 лет. Один труп лежал только в нижней рубашке на кровати, а другой в чем-то вроде верхней рубашки — на полу, на соломе, возле печки; у обоих детей были одинаковые раны на груди, по одной у каждого, длиной около вершка, причиненные, повидимому, австрийским штыком; на трупах кровь была только возле ран.

(д. № 415/523, л. 10)

* * *

Из показания рядового К. С. Зубрицкого

В июне 1915 года в нескольких верстах от города Яворово я видел зарезанных германцами женщину и ребенка лет 8—9. Жители говорили, что зарезаны они были за то, что, не понимая разговора германцев, не могли отвечать на их вопросы.

(д. № 544/499, л. 2)

* * *

Из отношения Особоуполномоченного Центрального Комитета Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны в Центральный Комитет Общества

21 июня 1916 года прилетели 6 аэропланов и сбросили над Минском свыше 30 бомб, из коих над районом улиц Коломенская — Ильинская было сброшено до 10 бомб.

Одна бомба упала у приюта для детей по Коломенской улице,

дом № 73. Разрывом тяжело ранена заведующая приютом Франциска Тамощунас. Ранены также шесть детей, один мальчик контужен.

Той же бомбой выбиты все окна в амбулатории и приемном покое Литовского Комитета по Коломенской улице, в доме № 75.

Другая бомба упала вблизи училища Литовского Комитета. Разбиты окна и повреждена крыша.

(д. № 1185/1362, л. 5)

НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА ПРИКРЫВАЛИСЬ МИРНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ОТ ОБСТРЕЛОВ

*Телеграмма генерала Гулевича Начальнику Штаба Верховного
Главкомандующего о прикрытии 29 апреля 1915 года
германских войск русскими женщинами и детьми во время атаки
казаков местечка Попеляны*

29 апреля цепь спешенных казаков, высланная командиром 2 Оренбургской сотни с восточной стороны местечка Попеляны, была обстреляна перекрестным огнем немецкого отряда, который прикрывался выставленными вперед нашими жителями, преимущественно женщинами и детьми.

(д. № 6/3, л. 4)

* * *

Из отчета по делу № 625

Подпрапорщик 172 пехотного Лидского полка Никита Иванюк отправился 11 августа 1914 года в село Русиново-Берестечко и, узнав по приезде на место, что русские войска переправились на правый берег Стири, стал наблюдать за немецкими и австрийскими разведчиками, которые, направляясь на разведки к реке Стири, гнали впереди себя, в качестве прикрытия, местных жителей.

Наши войска, заметив неприятеля, открыли огонь, и мирные жители, испугавшись, стали разбегаться; тогда немцы открыли по ним огонь, в результате чего оказалось много убитых.

(д. № 500/625, л. 1)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера М. С. Воробьева

26 августа 1914 года, во время боев под Юзефовым, немцы, с целью заставить нас прекратить губительный для них артиллерийский огонь, выгнали впереди своего фронта мирных жителей под расстрел.

(д. № 119/126, л. 2)

* * *

Из показания крестьянина А. Осипова

В августе 1914 года в наше село Пиавно-Русская, Сувалкской губернии, пришел разъезд германских кавалеристов в несколько человек; по приходе в село германские солдаты прежде всего стали нас успокаивать и говорили, — они идут до Москвы и что нам ничего не будет.

В нашем селе они стояли недолго, день или два, а вскоре после их ухода наше село было занято германскими войсками — пехотой и артиллерией. Население села, в том числе я и брат, пытались было выехать, но это нам не удалось...

При подходе русских войск немцы стали быстро отходить назад, причем забирали с собой весь скот: лошадей, коров и проч., вместе с тем забрали с собой все мужское население села, а в том числе меня и брата. Перед тем как вывести нас из села, каждому из нас связали руки выше локтя, а потом связали по четыре человека в ряд и, подгоняя прикладами, повели из села в свои окопы, куда они отступали перед нашими войсками.

В окопах нас выводили вперед на линию огня, где рвались наши снаряды; там по команде мы должны были вставать и по команде же ложиться. Немецкого языка из нас никто не знал, почему команды исполнять мы не могли, за что нас били прикладами, рвали волосы на голове и бороде, а некоторых кололи штыками. Некоторых из нас ранило осколками снарядов.

(д. № 22/17, л. 44)

* * *

Из отчета по делу № 67

12 сентября 1914 года венгерские войска, захватив из занятого ими имения Коберники, Сандомирского уезда, Ядвигу Змигродскую и других мирных жителей, в течение 15 минут заставили стоять в передовых окопах в сфере огня во время боя с русскими войсками.

(д. № 67/67, л. 1)

* * *

Из показания рядового Ф. Я. Баклан

10, 11 или 12 сентября 1915 года, под местечком Клевань, мы отступили в одном месте. Дня через два после этого мы опять взяли отнятые перед этим неприятелем свои позиции. И вот, когда мы пришли на старые места, то увидели такую картину: лежала груда человеческих тел. Мы подошли ближе и ясно различили наших товарищей, которые были ранены сначала, а потом приколоты штыками. При нашем отступлении мы слышали как раненые кричали. Штыковой атаки там не было.

Кроме того, 8 сентября под Луцком, в селе Крупном, австро-германские войска выгнали женщин и детей и их пустили впереди себя.

(д. № 456/751, л. 3)

НЕМЦЫ УГОНЯЛИ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ НА КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ

Режим голода и смерти для русских мирных жителей в немецком плену

Из показания свидетеля П. И. Копчевского

В настоящее время от неприятеля освобождена лишь часть Свенцянского уезда, а именно: Войстомская волость, одно общество Вишневской волости и несколько деревень Запорочской и Шеместовской. Жители этих деревень, числом приблизительно около 5 000 человек, уведены в плен при отступлении германцев из названной части уезда.

(д. № 1115/1284, л. 6)

* * *

Из показания крестьянки Н. И. Киричук

Когда 25 июля 1914 года была объявлена Австро-Венгрией война России, австрийцы ворвались в нашу деревню, находящуюся в десяти верстах от границы — деревню Залесцы, Кременецкого уезда Вольнской губернии. Дело происходило ночью. Жители стали убегать. Австрийцы врываются в дома и захватывали молодых людей, захватили и меня. Под конвоем сорока человек нас, шесть девушек, повели в пограничный город Броды. Из Брод нас отправили поездом четвертым классом во Львов. Всего нас во Львов ехало человек 100. По дороге, на станциях, в нас швыряли камнями, ругали и грозились. Среди нас было много русских, застигнутых войной в Австрии.

По приезде во Львов нас стали допрашивать, кто мы такие, не шпионы ли, выпытывали, что делается у нас в России, сколько у нас войска, где оно и т. д. Во Львове к нам присоединили несколько русских священников, человек 10. Они были из разных мест, например из Мехова, Петрокова. Все мужчины, в том числе и батюшки, были в кандалах на руках и ногах. После вопроса нас в количестве 150 человек направили в Вену. От Брод до Вены в дороге мы не получили никакой пищи. В Вене всех мужчин переодели в арестантское платье и держали в тюрьме три дня, нас же, женщин и детей, поместили в какой-то квартире. Через три дня собрали

всех нас и погнали пешком. Шел проливной дождь. Народ устал: не в состоянии были двигаться. Прошли мы так верст 50 и в одной деревне в сарае переночевали. На другой день пошли дальше. Сделав еще 40 верст, прибыли в город Линец. В Линце мы пробыли три дня, жили в сарае, ежедневно нам давали по стакану рисового супа и $\frac{1}{4}$ фунта хлеба. На третий день отобрали у нас деньги, заявив нам, что за эти деньги нам купят билеты на дальнейшую дорогу и заплатят за харчи, которые мы проели.

В Линце нас собралось человек 500, и вот, на третий день, мы отправились к месту нашего назначения в город Фрайштадт. Здесь я пробыла 4 месяца. Всех нас поместили в здании, похожем на казармы, мужчин отдельно от женщин. Каждому дали по снопу соломы, которая служила нам постелью. В течение четырех месяцев эта солома заменяла нам постель, так что завелось такое множество насекомых, что их выносили горстями и из соломы получился гной.

Утром давали нам по стакану чая, в обед суп с каким-то порошком, по вкусу напоминающим мыло; есть было невозможно, вечером чай с хлебом, но не всегда, иногда и через три дня.

Наши страшно голодали. Поблизости находился сорный ящик, куда кухарки соседнего дома бросали шелуху от картошки. Наши бросались к этому ящику и часто с боем расхватывали шелуху и ели ее сырой; немцы же смотрели и смеялись...

Первые два месяца я стирала белье для раненых австрийцев, а остальные два месяца служила на кухне у коменданта. Мужчинам давали такую работу: они должны были носить камни и воду. В одну больших размеров подводку впрягались 20 человек, в том числе и священники, которым было приказано снять ряссы и кресты и ходить в обыкновенных рабочих арестантских платьях. Жители Фрайштадта смеялись и говорили: «Появились у нас русские лошади!»

Женщин выгоняли на базар заметать, заставляли поднимать метлы вверх и фотографировали их, то же делали и с мужчинами, возившими камень.

Такие снимки затем появлялись в печати. Трудно было перенести такую жизнь. Начались побег...

За всякую попытку протеста, в виде ли сопротивления обыску или в виде слез по поводу отнятого последнего имущества, «виновного» запирали на два месяца в тюрьму, связав кандалами правую руку с левой ногой, перед этим били и в тюрьме морили голодом. Через два месяца нас перевезли в новое место. Это была не деревня, а лагерь, огороженный проволочными заграждениями, недалеко от города Сампелд в Германии; поблизости было имение какого-то князя, туда мы ходили на работу. Здесь нас решили уморить голодом, по неделе—полторы не получали мы хлеба.

Пищей был суп из каштановой муки, в котором плавали белые черви. Когда Перемышль пал, две недели мы не получали хлеба. Когда же была взята Варшава, дали нам по ломтику хлеба.

Наши с голоду стали умирать. Здесь германцы прямо проводили систему уничтожения русских: водили в баню, обливали всех холодной водой и после такой бани выгоняли на улицу, где по нескольку часов заставляли ходить по двору. Ни у кого не было хорошей одеж-

ды, погода была холодная, морозная, люди простуживались и умирали. Развелся тиф, целыми возами ночью вывозили трупы, облитые смолой, запрягали в возы наших же мирных пленных, и они их закапывали в землю...

Ко всему выше изложенному добавляю, что в Германии около города Сампельд к нам в лагерь приезжали помещики и офицеры и разбирали молодых красивых девушек к себе на работу. Набор девиц происходил под наблюдением врача, который свидетельствовал их невинность. Выбирали девиц возрастом от 12 до 16 лет. По их заявлениям их мучили, морили голодом по три дня, пока они не соглашались на их требования. Несоглашавшихся постигали истязание, насилие и смерть. Многие так и не вернулись к нам в лагерь.

(д. № 430/543, л. 3—7)

* * *

Из отчета по делу № 246

Осенью 1914 года крестьяне Иван Стренковский 77 лет, из Сувалкской губернии и Иосиф Годлевский 56 лет, из Ломжинской губернии были захвачены вместе со многими другими мирными жителями в плен в своих родных деревнях ворвавшимися германскими войсками. Стренковский был доставлен в город Штеттин, где содержался некоторое время в хлевах вместе с 5000 пленными мирными жителями, а также русскими и французскими солдатами; оттуда пленные были перегнаны на барки, причем немецкие солдаты били их палками и саблями. Навещавший пленных ксендз рассказывал им, что в этом городе умерло от голода, холода и болезней 3000 пленных.

Захваченного в плен Годлевского, у которого германцы отобрали пару лошадей и телегу, всего стоимостью около 300 рублей, они вместе с несколькими тысячами мирных жителей крестьян угнали пешком в Шнейдемулле в Пруссии; по пути их подгоняли палками и ружьями; там их поместили в бараках, где уже было много пленных солдат. В Шнейдемулле в присутствии Годлевского однажды какое-то неизвестное ему лицо указало германскому офицеру на двух пленных мирных жителей, говоря, что они казаки; по приказанию офицера оба эти человека были тут же связаны и расстреляны; между тем, как это доподлинно известно Годлевскому, один из них был некто Органек, крестьянин из Щучинского уезда. После двухнедельного пребывания в Шнейдемулле Годлевский был переведен в Хаберберг.

Как в месте заключения Стренковского, так и Годлевского пленных содержали очень плохо: в Хаберберге давали утром и вечером кофе, а в обед суп с отрубями и капустой; а в Штеттине давали лишь один раз в день суп из отрубей на воде; в обоих местах хлеба давали очень мало. Пленных помоложе отправляли на работу в имения, где им платили в переводе на русские деньги: мужчинам 15 копеек, а женщинам 10 копеек в день.

(д. № 180/246, л. 4)

* * *

Из показания крестьянина Т. А. Пиорунек (1915 год)

Содержась в плену, я сильно голодал, так как еду давали плохую и очень мало, например черного хлеба давали по маленькому кусочку в день. От голода я совсем ослаб, и когда я раз, на глазах германского офицера, бывшего при бараках пленных, упал на руки от слабости, то этот офицер короткой палкой ударил меня по зубам и вышиб два зуба верхней челюсти спереди. Другой раз, в тех же бараках, у меня нашли сапоги. Я не знаю кто именно, но кто-то донес германскому офицеру, что я прячу сапоги, и за это офицер приказал наказать меня. Один человек сел мне на голову, другой на ноги, а третий по приказанию присутствовавшего при всем этом германского офицера нанес мне по задней части тела 25 ударов ременным бичом, удары эти отсчитывал офицер.

(д. № 178/244, л. 8)

ДИКИЕ НАСИЛИЯ НЕМЦЕВ НАД БЕЖЕНЦАМИ

Из отчета по делу № 276

В июне 1915 года русские войска наступали из своих окопов на лес, занятый немцами.

В лесу, через который немцы отступали, русские войска обнаружили массу трупов мирных жителей, бежавших от немцев.

Оставшиеся в живых беженцы рассказывали, что немцы, отступая, отобрали у них насильно, без всякого вознаграждения, скот и лошадей и затем перекололи штыками многих из них за то, что беженцы будто бы сказали им, что поблизости не имеется русских окопов. Свидетель Яков Татюков лично насчитал в лесу до двадцати трупов мирных жителей, в числе убитых были женщины и дети.

(л. № 196/276, л. 1)

* * *

Из показания рядового Ш. Б. Гинзбурга

При отступлении от станции Холма германцы сбросили с аэроплана 7 бомб в стоявший на станции санитарный поезд, разрушив таким образом 12 вагонов, убив 12 солдат и 2 сестер милосердия; при отступлении наших от Бреста, вблизи Кобрина, Гродненской губернии, германцы сбросили много бомб в толпу следовавших за войсками беженцев; было убито около 70 человек, по преимуществу женщины и дети.

(л. № 320/411, л. 2)

* * *

Отчет по делу № 888

В июне или в июле 1915 года немецкие войска обстреливали артиллерийским огнем в Курляндии, близ Гольдингена, беженцев, уходивших за отступавшими русскими войсками. Беженцы шли табором по шоссе на расстоянии приблизительно трех — четырех верст от наших войск. По приказанию немецкого военного начальника было подвергнуто обстрелу артиллерийского огня шоссе, по которому проходили беженцы, вследствие чего многие из них были убиты и ранены. Обстрел был прекращен лишь после того, как русская артиллерия заставила своим огнем замолчать неприятельские орудия.

(л. № 742/888, л. 1)

* * *

Из отчета по делу № 275

В первых числах августа 1915 года немецкие кавалеристы напали в окрестностях станции Лапы, Варшавско-Петроградской железной дороги, на беженцев, спасавшихся бегством от немецких войск, и стали отбивать у них скот и повозки. Поднялись крик и шум, так как беженцы не отдавали скот. Тогда немецкие кавалеристы стали рубить пашками беженцев и открыли по ним огонь, перебив около 15 человек.

Все это происходило на глазах русских войск, которые лишены были возможности помочь беженцам, смешавшимся с немцами, обстрел которых неизбежно повлек бы жертвы со стороны беженцев.

(д. № 195/275, л. 1)

* * *

Из показания Ф. М. Мацюк

В августе 1915 года я был вместе с другими беженцами в том поезде, который недалеко от станции Новогруда подвергся обстрелу со стороны австро-германских войск. Неприятель обстрелял поезд артиллерией и пулеметным огнем. Один из вагонов был разбит снарядом. 10 человек было ранено и 2 убито. Убиты были женщина и ребенок. В тот вагон, в котором был я (первый вагон от паровоза), попало много пулеметных пуль. Были ранены две девочки. В поезде этом не было ни одного солдата; весь поезд был переполнен беженцами.

(д. № 793/886, л. 8)

* * *

Из показания свидетеля Н. Т. Кравчук

18 августа 1915 года у деревни Корват, Пружанского уезда Гродненской губернии, австро-германскими войсками были подвергнуты обстрелу беженцы, шедшие по шоссе. Я был очевидцем этого обстрела, так как сам находился в числе беженцев.

(д. № 750/888, л. 7)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера М. П. Довгуля

1 и 2 сентября 1915 года на станции Барановичи, Полесской железной дороги, когда там скопилась масса беженцев, германские солдаты с аэропланов бросали бомбы в этих беженцев, из которых многих убило.

(д. № 389/495, л. 4)

* * *

Из показания свидетельницы Д. М. Ковчик

Я была очевидцем того, как неприятельские аэропланы бросали бомбы в группу беженцев. Это было в Новогрудском лесу, в сентя-

бре месяце 1915 года; в указанном лесу собралось много беженцев: там решили сделать привал и немного отдохнуть. Часов в 10 утра над лесом появилось пять аэропланов, которые стали сбрасывать бомбы. Аэропланы летели не очень высоко и их хорошо было видно: на каждом аэроплане сидело по два человека. Беженцы стали убежать из леса. Когда мы уже отъехали на некоторое расстояние от леса, беженцы рассказали, что в лесу много погибло мужчин, женщин и детей.

(д. № 749/887, л. 8—9)

* * *

Из показания М. Д. Шишковской

В сентябре 1915 года я находилась в той группе беженцев, в которую неприятельскими аэропланами были сброшены бомбы. Это было за Слонимом, в пяти верстах от Горбатыни. . . Над лагерем беженцев, расположенным недалеко от дороги (шоссе), появилось более десятка неприятельских аэропланов, с которых стали сбрасывать в беженцев бомбы; дело происходило днем; аэропланы держались не очень высоко (высоты я не могу определить) и их хорошо было видно. На каждом аэроплане было по 2 человека. От сброшенных с аэропланов бомб погибло много беженцев (мужчин, женщин и детей), а также скота и лошадей.

(д. № 716/850, л. 7—8)



НАСИЛИЯ НЕМЦЕВ НАД РУССКИМИ СОЛДАТАМИ И ОФИЦЕРАМИ

ВАРВАРСКОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ НЕМЦАМИ РУССКИХ РАНЕНЫХ

Раненых немцы добивали

Из показания рядового П. Т. Мостовского

17 августа 1914 года я был ранен в бою в 16 верстах от города Нейденбурга, в Восточной Пруссии, и в течение суток лежал на поле сражения, после чего был подобран местным жителем поляком. Затем германские санитары перенесли меня в какую-то деревню и поместили там в сарае, где находилось уже человек 18 русских раненых и из них 3 казака. 2 казака при мне сняли свою казачью одежду и надели на себя одежду пехотинцев. Третий казак был ранен в ноги тяжело, и он не переоделся. Утром 19 августа в сарай пришли 4 германских пехотинца, какого полка не знаю, которые спросили: «Кто казак?» Все пленные раненые молчали. Однако германцы опознали третьего раненого казака по его длинным волосам и шароварам с красными лампасами. Тут же германцы закричали: «Казак! казак!» и потащили казака из сарая в сосновый лесок, находившийся от сарая шагах в 50.

Там, на наших глазах, один германец выстрелил в казака и убил его.

(д. № 1896/2132)

* * *

Из показания рядового Р. М. Кравченко

При наступлении нашем на неприятельские позиции, от которых отступали австро-германские войска, в нескольких шагах за оставленными неприятелями окопами, мы обнаружили 18 трупов наших разведчиков — нижних чинов Финляндского пехотного полка. Трупы эти были покрыты колотыми ранами и черными пятнами, по-видимому, от ударов прикладами; у некоторых из убитых были выко-

лоты глаза и отрезаны уши, у других распороты животы и отрезаны половые органы. Вид убитых был ужасен, тем более, что лежали они почти обнаженными, без брюк и сапог, которые были сняты и унесены неприятелями.

(д. № 552/657, л. 1)

* * *

Из показания рядового С. Е. Русакова

Я уже под утро 17 августа 1914 года был ранен разрывной пулей в левую руку и левый бок. Сняв тогда с себя свою окровавленную шинель, я первоначально спрятался в небольшом одиночном окопе (ложементе) при шоссе, а затем перебежал за находившуюся недалеко скирду хлеба, откуда, после прекращения стрельбы, пошел снова на шоссе, предполагая, что там меня скорее увидят и сделают мне перевязку. На шоссе я от потери крови потерял сознание. Когда около 12 часов дня я пришел в себя, то увидел, что с меня сняты сапоги, шинель, которую я поднял с земли, перебегая из окопа за скирду хлеба, и надел на правую руку, и также моя фуражка защитного цвета. Повернувшись тогда несколько в сторону, я увидел, что на шоссе шагах в двадцати от меня лежат два каких-то оренбургских казака, что я сужу по тому, что на их шароварах были синие лампасы. Не имея сил говорить, я не расспрашивал тогда казаков, кто они такие, откуда они, какой сотни, раненые ли они или больные.

Спустя приблизительно полчаса увидел, что к ним подошли два каких-то немецких солдата, в касках, с ружьями в руках, которые, сказав что-то по-немецки друг другу, проткнули казаков штыками не то в грудь, не то в живот, чего я хорошо не заметил, после чего сейчас же ушли в находящийся шагах в 30 от шоссе лес, из которого они тогда и вышли. Почему немцы тогда прикололи казаков и что они тогда говорили между собой, я не знаю, но только они почему-то ко мне не подходили, хотя вполне возможно, что они приняли меня за убитого и притом пехотного солдата, так как я лампасы на своих брюках старался прикрывать. Как помню, казаки, когда их тогда немцы прикалывали штыками, не издали ни одного звука, а только руки у них сжались в кулаки и сильно задрожали.

На шоссе тогда, вскоре после ухода немцев, приколовших казаков, с меня какой-то офицер нашего пехотного полка снял шаровары и сжег их, — для того, чтобы немцы не признавали во мне казака. Поднят я тогда был с шоссе только под вечер.

(д. № 1583/1779)

* * *

Из показания рядового Н. И. Никитенко

24 или 25 декабря 1914 года, 9 рота Царевского полка была на передовых позициях, недалеко от крепости Перемышль; часть этой роты, а также части других рот, в том числе и я, были на разведке возле деревни Середней, в 9 верстах от крепости Перемышль. Дело было утром, и мы наткнулись на засаду неприятеля, превосходившего нас во много раз. При отступлении нашей части были ранены два

наших разведчика, один по фамилии Бойченко, а другой тоже рядовой, фамилии которого не знаю. Вынести из огня их нам не удалось, и мы, уцелевшие, залегли в ближайшую канаву. Мы видели, как австрийцы подошли к раненым, побыли с ними некоторое время, а затем ушли, и тогда под вечер мы приблизились к своим раненым.

Я лично, как и мои товарищи, вынесли раненого и уже мертвого Бойченко, и я хорошо видел у него пулевую рану в ноге ниже колена, рану штыковую в ладонь, не помню правой или левой руки, и штыковую рану в лоб. Один из раненых тогда нам рассказал следующее: когда к ним приблизились мадьяры, он притворился мертвым и с него только стащили сапоги, а к Бойченко обратились сначала по-мадьярски, а затем на русинском языке, требуя от него сообщить, сколько наших войск стоит в деревне Середней. Бойченко отказался сообщить, тогда один из австрийцев проколол ему штыком ладонь. А когда и после этого Бойченко не отвечал на вопросы австрийцев, то один из них пробил штыком голову Бойченко, и последний тут же скончался. Раны на голове и ладони Бойченко были продольные, т. е. нанесены штыком-ножом.

(д. № 1469/165С)

Переполненные ранеными избы и сараи немцы превращали в пылающие костры

Из показания рядового Н. С. Дорожка

Это происходило 27 сентября 1914 года под вечер. Бой уже прекратился. Мы расположились на отдых; часть солдат нашего полка, в том числе и я, стали помогать нашим санитарам носить раненых наших в расположенный в конце деревни сарай. Часов около 11 ночи вдруг раздалась сильная ружейная стрельба. Оказалось, что деревня окружена германскими войсками. Схватив винтовки, мы стали убежать из деревни. Со мною было только три нижних чина нашего полка; было очень темно. Мы бежали на юг. Приблизительно в версте от деревни мы наткнулись в темноте на германский окоп и все четверо были захвачены германскими пехотинцами, которые приказали нам положить винтовки на землю, что мы четверо и исполнили, после чего они доставили нас в ту самую деревню, откуда мы бежали.

Деревня оказалась захваченной германцами. Нас, четверых, привели к тому сараю, куда я помогал сносить раненых, и поставили у глухой стены. Мы молча стояли минут двадцать, а в это время бывший возле меня германский офицер что-то приказывал на немецком языке своим нижним чинам. После этого указанный офицер подгреб руками разбросанную возле сарая солому, положил охапку ее возле угла сарая и поджег солому спичками. У меня похолодела душа, когда я сообразил, что он поджигает сарай. Солома загорелась моментально. Огонь сразу стал лизать деревянные стены сарая. Так как я находился у глухой стены сарая, то не могу сказать, были ли закрыты двери этого сарая. Через две-три минуты, когда пламя охватило и соломенную крышу, из сарая раздалась душераздирающие крики о помощи наших раненых. Мы, четверо, взволнованные и блед

ные, следили молча за происходившим. К одному из нас подошел тот немецкий офицер, и, не говоря ни слова, выстрелил в него в упор из револьвера; он свалился на землю. В этот же момент тот же офицер чем-то «полоснул» по животу второго, не помню, кого именно; при свете пожара я увидел, как у товарища, падающего на землю, вывалились кишки. Я моментально метнулся в сторону, проскочил мимо стоявших сзади меня германцев и побежал в гору; вслед за мной раздались три выстрела, не причинивших, однако, мне вреда.

На горе, в лесу, я переждал немного, а потом стал пробираться на восток. Утром я перебрался через какую-то реку, а часов в 10—11 утра встретил наш разъезд; под вечер я был уже в своем полку, находившемся верстах в трех от города Ивангорода. Что случилось с третьим моим товарищем я до сих пор не знаю. Из сообщений наших санитаров я узнал, что в подожженном германским офицером сарае было 66 или 68 наших тяжело раненых солдат.

(л. № 27/24)

Из показания рядового Л. И. Шульга

19 февраля 1915 года я вместе с 2 и 4 ротами нашего полка попал в плен к германцам после боя под деревней Липши между Гродно и Августовым, когда мы прикрывали отступление нашего 20 корпуса. Перед тем как попасть в плен, я был ранен пулями в левое плечо и левое бедро. Германцы всех раненых наших рот поместили в халупах, причем вместе со мною в одной халупе было 27 раненых. Несмотря на наши просьбы, германцы продержали нас в этой халупе в течение 2½ суток, не только никому из раненых не сделали перевязки, но даже не давали нам ни еды, ни воды. Караулили нас двое немецких часовых, поставленных германским офицером; несмотря на это, в нашу халупу беспрепятственно заходили германские солдаты, которые обманывали нас и забирали себе все то, что находили у нас; так у нас были забраны германскими солдатами все деньги из карманов одежды, сахар, сухари, табак и т. п. Кроме того, забрали себе и все хорошие сапоги и шинели, которые были у раненых.

Спустя 2½ суток мы заметили, что германские солдаты куда-то исчезли и что нас уже никто не охраняет, вслед за тем мы обратили внимание, что в нашей халупе поднимается дым. Осмотревшись, мы убедились, что германцы, уходя, подожгли нашу халупу, желая сжечь ее со всеми ранеными. К счастью, в это время показались наши разъезды, и мы были спасены, хотя двоих из раненых нижних чинов мы не досчитались, — очевидно, они сгорели вместе с халупой, которая была уничтожена огнем дотла. Фамилии погибших нижних чинов я не помню, они были тяжело ранены и не могли выйти из горевшей халупы.

Когда нашими санитарями мы были доставлены на перевязочный пункт, то там собрались раненые нашего полка, освобожденные так же, как и мы, из плена. Из рассказов этих раненых я узнал, что гер-

манцами были подожжены и другие халупы, в которых помещались русские раненые.

(д. № 1463/1852)

* * *

Из показания рядового Д. О. Бологова

20 февраля 1915 года в бою за Остроленкой меня ранили разрывной пулей в левую ногу. Когда я лежал раненый, то войска наши отступили, и я попал в плен к неприятелю. Прежде чем подобрали меня, пришли два германца, один из них снял с меня сапоги и надел на себя, а другой вынул из кармана портмоне с деньгами в сумме 4 руб. 75 к. и также взял себе. Они же срезали у меня вещевой мешок.

Раненый я остался босой, лежащим на снегу. Потом германцы унесли меня в избу с другими ранеными, где все мы лежали двое суток без перевязок. На просьбу сделать нам перевязки германский фельдшер ответил: «У нас для вас нет перевязочного материала». Мы несколько раз обращались к их солдатам, чтобы они дали нам пить, в ответ на что получали угрозы. Таким образом нам двое суток пришлось быть без питья, без пищи и без подачи медицинской помощи, пока снова наши войска не взяли деревню обратно. Германцы при отступлении зажгли избу, где находились раненые; более легко раненые вышли из горевшей избы, а тяжело раненые сгорели.

(д. № 162/2765)

* * *

Из сообщения Особоуполномоченного Красного Креста X армии Начальнику Санитарного Отдела Штаба той же армии. 25 февраля 1915 года

К многочисленным немецким зверствам можно добавить еще одно, выходящее из ряда вон по своей бесцельной жестокости и бесчеловечности.

В Гродненском районе театра военных действий при отступлении немцев и при нашем наступлении из деревни Новоселок на фольварк Рогожин, находящийся за Новым Двором у деревни Хильмоны, несколько наших раненых попали в плен к немцам, которые поместили их в халупе на фольварке Рогожин. Халупа состояла из двух комнат. В одной лучшей и более просторной комнате помещались немецкие раненые и при них находился врач с санитарями, тогда как наши валялись в страшной тесноте, голодные, не перевязанные, без всякой помощи. Среди раненых находились двое, знавшие несколько слов по-немецки. На просьбу их сделать им перевязки врач-немец грубо и насмешливо заявил, что у них нет для русских перевязочного материала. Не довольствуясь этим, немцы пошли дальше в своей жестокости. Они снимали с несчастных сапоги, отняли у них сухари, консервы, чай, сахар и табак. Некому было подать напиться воды,

если бы не случайно попавший в плен здоровый наш солдат, принявший на себя роль санитаря при наших раненых.

Вечером 19 февраля наши, находившиеся в халупе, увидели, что раненых немцев эвакуируют, и на вопрос наших, когда же их отправят, — получили грубое «завтра». Наступило «завтра», но они продолжали лежать все в той же халупе голодные, измученные, не перевязанные. 20 февраля немцы стали уходить совсем из фольварка и на просьбу здорового нашего солдата остаться со своими товарищами для оказания необходимой помощи немцы, грубо накричав, потащили его с собой. Часов в 11 вечера раненые, продолжавшие лежать без помощи, услышали запах гари, который увеличился все больше и больше. Не было никакого сомнения в том, что халупа горит. К этому ужасу прибавился новый: тут же в халупе раздались выстрелы. Некоторые из раненых поползли с трудом до окна и разбили его, но спастись через окно не было возможности. Вследствие сильного ветра пламя с шумом ворвалось внутрь, и раненые стали задыхаться.

Забыв свои раны, все, кто только имел возможность, поползли к дверям и, помогая своим товарищам, выползли из этого помещения. Спаслось человек тридцать. Остальные же тяжело раненые, которые не имели возможности двигаться, погибли в огне. Их было человек десять.

(д. № 75/141)

Раненых немцы заживо закапывали в могилы

Из показания рядового Я. М. Луковникова

Я был ранен разрывной пулей в левую ногу в бою с германцами 23 сентября 1915 года под Вильно. Лежа на поле битвы, я видел, как германские солдаты подняли тяжело раненного в плечо солдата моего полка, положили его на полотно от палатки и отнесли к яме, в которую закапывали умерших. Несмотря на крики раненого, его бросили в яму с трупами и засыпали землей. Я ясно слышал его стоны из-под земли.

(д. № 1928/2188)

ЗНАКИ КРАСНОГО КРЕСТА НЕМЕЦКИЕ РАЗБОЙНИКИ ПРЕВРАТИЛИ В МИШЕНЬ ДЛЯ ОБСТРЕЛОВ И БОМБАРДИРОВОК

Обстрел немцами санитарных учреждений

Отчет по делу № 216

14 августа 1914 года в Восточной Пруссии, по окончании одного из боев в районе Мазурских озер, русские раненые воинские чины, в количестве около 100 человек, были погружены на 8 санитарных линеек, причем транспорт этот был направлен в тыл к русско-германской границе; когда означенный транспорт, имевший установленные отличительные знаки и флаги Красного Креста, находился от границы в нескольких верстах, то внезапно он был атакован германским кавалерийским отрядом; германские кавалеристы в составе 3 эскадронов, подскочив к транспорту на расстояние не более 200 шагов, открыли по нем ружейный огонь, хотя не могли не видеть ограждавших транспорт флагов Красного Креста; по окончании обстрела все оставшиеся в живых раненые, а также сопровождавшие транспорт санитарные чины были захвачены в плен и отправлены в Германию, многие же из раненых во время обстрела были убиты.

(д. № 213/216, л. 1)

* * *

Отчет по делу № 92

В последних числах августа месяца 1914 года в Восточной Пруссии близ Эйдкунена при следовании к Российской границе нагруженного ранеными санитарного поезда, последний с расстояния не более 5 саженей подвергся обстрелу ружейным огнем со стороны засевшего в лесу близ железнодорожного полдня германского отряда; для того, чтобы остановить поезд, германцы, кроме того, бросали на полотно железной дороги ручные бомбы, а когда поезд остановился, то весь огонь сосредоточили на нем; согласно показанию одного из очевидцев обстрела — старшего унтер-офицера 228 Куликовского пехотного полка Егора Пономарева, на всех вагонах поезда имелись флаги и установленные знаки Красного Креста, которых гер-

манцы не могли не видеть; по его же удостоверению из 300 находившихся в поезде раненых спастись удалось не более 30 человек, так как германцы, заметив, что некоторые из раненых, покинув поезд, пытаются скрыться в лесу, расстреливали их.

(д. № 90/92, л. 1)

* * *

Из показания рядового Т. Н. Иванчихина

Я, рядовой доброволец 3 Сибирского Стрелкового полка с 23 сентября прошлого года по 5 ноября находился на германском фронте. Могу удостоверять, что один раз, в последних числах октября месяца, я в качестве разведчика попал в район местечка Скерневиц, в полковой перевязочный пункт, куда начался усиленный подвоз раненых; германцы же, видя это, начали обстреливать этот пункт шрапнелью. Когда же старший врач приказал повыше поднять флаг Красного Креста, то германцы буквально засыпали это место шрапнелью, зажгли постройки, перебили раненых и санитаров, а все остальные, кто мог двигаться, бежали.

(д. № 155/158, л. 3)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера К. Г. Кобриня

27 сентября 1914 года за Ново-Александрией, Люблинской губернии, после боя германцы обстреляли в одной деревне дом, где помещался полевой лазарет, отчего лазарет загорелся и в огне погибли все раненые.

(д. № 451/457, л. 2)

* * *

Донесение командира 26 пехотного Сибирского полка Начальнику 7 Сибирской стрелковой дивизии. 11 ноября 1914 года

Вчера и сегодня установлено, что немцы обстреливают санитаров, несущих раненых. Так, когда вчера выносили раненого командира 15 роты штабс-капитана Доброгорского немцы открыли огонь, убили одного санитаря, другого ранили. Тяжело раненный в область сердца офицер упал. Сегодня повторилась та же история. Ни одного раненого не удалось вынести из окопов, так как при первой попытке вынести одного тяжело раненого опять убит один санитар и двое ранены, несмотря на то, что все санитары имеют повязки Красного Креста.

(д. № 77/79, л. 2)

* * *

Отчет по делу № 133

В первых числах февраля 1915 года, в Галиции, при следовании из-под Кракова состоявшего из 60 нагруженных ранеными санитарных повозок транспорта передового перевязочного пункта транс-

порт этот подвергся обстрелу со стороны австро-германской артиллерии: транспорт двигался из ущелья на гору, причем санитарные повозки составляли отдельные группы, следовавшие по дороге с значительными промежутками между этими группами; на всех повозках были укреплены на шестах флаги Красного Креста; по удостоверению одного из очевидцев — Петра Копылова — неприятель всякий раз выжидал появления на горе отдельной группы повозок и тогда усиленно обстреливал их; таким образом последовательно были уничтожены все 60 повозок с находившимися на них ранеными и прислугой.

(д. № 130/133, л. 8)

* * *

Из показания рядового М. Ю. Зарембо

В апреле месяце, числа не помню, в Карпатах на реке Сане, на пути к Самбору, я был свидетелем, как германцы обстреливали снарядами тяжелой артиллерии перевязочный пункт нашего полка и убили многих из больных и раненых. Над перевязочным пунктом был ясно видимый неприятелю флаг со знаком Красного Креста.

(д. № 415/421, л. 1)

* * *

Из показания санитаря И. Г. Борейко

28 апреля 1915 года, верстах в 8 от Перемышля, наш транспорт шел по шоссе, везя раненых. На всех повозках были укреплены длинные шесты с флагами Красного Креста. Германо-австрийцы вдруг начали обстреливать нас; они не могли не видеть флага, раз увидели самый транспорт, и цель их была ясная — причинить вред именно санитарному транспорту. Стреляли тяжелыми снарядами «чемоданами». Одним из снарядов был ранен я — мне оторвало правую руку и левую ногу. Другой «чемодан» одного санитаря убил, другого ранил. Из раненых не пострадал никто, обстрел быстро прекратился.

(д. № 146/149, л. 2)

* * *

Отчет по делу № 482

В течение 12 и 13 мая 1915 года расположенные в 12 верстах от Стрыя на окраине деревни «Довче» русский перевязочный пункт и околоток 12 Стрелкового Финляндского полка, несмотря на ограждавшие их флаги Красного Креста, подверглись неоднократному обстрелу со стороны находившейся от них на расстоянии 2½ верст неприятельской тяжелой артиллерии. Никаких русских воинских частей или же воинских обозов, которые могли бы служить неприятелю целью для обстрела в указанном районе, не находилось, согласно же объяснению очевидца обстрела — врача Ильи Накладова, захваченный тогда же русскими в плен неприятельский артиллерист при

опросе его признал, что с неприятельского наблюдательного пункта, на котором он находился и с которого давались указания артиллерии, хорошо были видны ограждавшие пункт и околоток флаги Красного Креста.

(д. № 475/482, л. 2)

* * *

Отчет по делу № 471

В последних числах июня 1915 года, расположенный в деревне «Торск» русский лазарет Красного Креста подвергся обстрелу со стороны тяжелой неприятельской артиллерии; лазарет был расположен на окраине деревни, на возвышенном месте, причем был огражден укрепленными на высоких местах флагами Красного Креста; обстрел производился в течение 3 часов и сразу же прекратился, как только были сняты с шестов флаги Красного Креста, и лазарет снялся с места.

(д. № 464/471)

* * *

Из отношения начальника головного № 105 эвакуационного пункта в Чрезвычайную Следственную Комиссию. 28 марта 1916 года

Обстрел тяжелой германской артиллерией станции Калкуны и расположенных в ее районе учреждений вверенного мне 105 Головного эвакуационного пункта начался 16 февраля 1916 года. Ежедневно или через день выпускалось от 5 до 80 снарядов (6-ти и 8-ми-дюймового калибра, с расстояния, повидимому, свыше 12 верст). Наиболее сильные обстрелы были 17 февраля с. г. и 15 марта, когда при ясной погоде обстрел корректировался при помощи неприятельских аэропланов, летавших над Калкунами. 15 марта выпущено около 40 тяжелых снарядов, причем были совершенно разрушены пунктовые: перевязочная, операционная, сортировочная и комната дежурного врача, помещавшиеся в здании станции Калкуны Северо-Западной железной дороги, сильно повреждено хирургическое и внутреннее отделение приданного пункту 447 полевого подвижного госпиталя, помещавшиеся в зданиях железнодорожного ведомства возле станции, равным образом сильно повреждено помещение ночлежно-питательного отделения пункта — в паровозном депо станции.

Во время обстрела 75 раненых и больных, находившиеся на пункте и в госпитале, были под огнем снарядов переведены в теплушки пунктовой летучки и вывезены ею из сферы огня; при этом из персонала пункта был убит один санитар, тяжело ранено двое санитаров и контужены двое санитаров. О том, что в зданиях станции и других железнодорожных зданиях размещены лечебные учреждения, неприятелю не могло быть неизвестно, так как неприятельские летчики, точно корректировавшие с аэропланов стрельбу своей артиллерии, не могли не видеть громадных белых флагов с Красными Крестами, развевавшихся над помещениями пункта.

(д. № 882/896, л. 10)

БОМБАРДИРОВКА НЕМЕЦКИМИ САМОЛЕТАМИ ГОСПИТАЛЕЙ И САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ

Из показания подпоручика А. Л. Шевчукова

26 февраля 1915 года, будучи привезен с позиции в Жирардово для дальнейшей эвакуации в город Варшаву, — в тот момент, когда наши санитары выносили меня и других раненых из госпиталя в санитарный поезд, я видел, как неприятельский аэроплан все время кружился над поездом и госпиталем Красного Креста, и с него сброшено было несколько бомб и большое количество металлических стрел вроде длинного гвоздя с винтообразным выемом сверху. На моих глазах, шагах в 15 впереди меня, были ранены два санитары и добит лежавший на носилках нижний чин; кроме того, от метания тех же бомб пострадало несколько человек мирного населения. На поезде, а равно на здании госпиталя были отчетливо видны знаки Красного Креста, аэроплан же парил довольно низко и поэтому ему видно было, куда именно он бросает бомбы.

(д. № 235/239, л. 1)

* * *

Отчет по делу № 170

19 марта 1915 года, днем, над городом Яслов появилась неприятельская воздушная флотилия и стала сбрасывать в город бомбы. Один же неприятельский аэроплан, отделившись от остальных, начал описывать круги над расположившимся за городом полевым лазаретом и сбросил в него четыре бомбы; при этом некоторые из раненых были убиты, а некоторые получили новые повреждения. Лазарет был огражден укрепленными на шестах флагами Красного Креста, которые при солнечной погоде спустившийся на сравнительно незначительную высоту аэроплан не мог не видеть.

(д. № 167/170, л. 3)

* * *

Из показания рядового И. И. Тацкий

24 апреля 1915 года на станции Яслов, часов в 8 утра, меня, раненного осколком шрапнели, санитары перенесли на носилках в санитарный поезд. Вдруг над поездом появились два неприятельских

аэроплана белого цвета с черными полосами на крыльях. Оба аэроплана бросили в санитарный поезд по одной бомбе, причем одна из них повредила второй от меня вагон поезда, в котором в то время находились три раненых и один санитар. Взрывом бомбы убило санитаря и двух раненых, а третьего ранее раненого — ранило. Остальных раненых не успели еще, к счастью, внести в вагон. Взрывы бомб вызвали переполюх среди раненых, и они стали выскакивать из вагонов.

(д. № 103/105, л. 9)

* * *

Отчет по делу № 116

17 мая 1915 года неприятельским аэропланом были сброшены две бомбы в нагружавшийся ранеными близ станции «Стрия» санитарный поезд, огражденный знаками Красного Креста, причем убитыми оказалось 4, а новые повреждения получили 15 человек из числа раненых.

(д. № 114/116, л. 8)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера А. А. Тихомирова

18 мая 1915 года мы находились в 20 верстах от станции «Стрия», отступая от Карпат. При железнодорожной станции, названия ее не помню, знаю лишь, что она находилась на линии Старый Болахов, находился наш перевязочный пункт, на котором развеялся флаг Красного Креста. День был ясный и солнечный. Вдруг появился австрийский аэроплан, который спустился довольно низко над нашим перевязочным пунктом, и начал бросать в него бомбы. Было сброшено несколько бомб, которыми были вновь ранены 4 человека, а 10 человек, раненых прежде, были убиты.

(д. № 247/251, л. 1)

* * *

Отчет по делу № 113

24 мая 1915 года, в Галиции, неприятельским аэропланом были сброшены бомбы в место расположения полевого госпиталя, находившегося в окрестностях Перемышля. Поблизости от госпиталя никаких воинских русских частей или военных обозов не было, и госпиталь был огражден флагами Красного Креста значительных размеров.

(д. № 111/113, л. 1)

* * *

Отчет по делу № 123

17 июля 1915 года с неприятельского аэроплана были сброшены бомбы в расположившийся на станции «Соболево» перевязочный пункт 41 пехотной дивизии и 5 Сибирский отряд Всероссийского Союза Городов. Место расположения означенных санитарных учре-

ждений было ограждено укрепленными на шестах флагами Красного Креста, которые, согласно удостоверению одного из очевидцев обстрела — заведующего обозом Сибирского Отряда Антония Михина, должны были быть видны с аэроплана. На станции в это время находился лишь принимавший раненых санитарный поезд.

(л. № 120/123, л. 11)

* * *

Телеграмма начальника Штаба армий Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Гулевича генерал-квартирмейстеру при Верховном Главнокомандующем. 27 июля 1915 года

Начальник Штаба первой армии телеграфирует, что 24 июля 1915 года на станции Малкин пятью немецкими аэропланами в санитарный поезд № 227 во время загрузки раненых брошено много бомб и стрел, которыми нанесены потери в людях.

(л. № 126/129, л. 3)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера Н. Д. Манжелий

31 июля 1915 года я находился на вокзале станции Брест-Литовск для следования после контузии в лазарет в город Мелитополь. В то время на вокзале были десятки тысяч беженцев, много публики, а также стоял санитарный поезд, на котором имелись знаки Красного Креста. В час дня над вокзалом появились четыре германских аэроплана и сбросили в пределах вокзала четыре бомбы, взрывами которых было убито и ранено несколько человек беженцев, а одна из бомб была летчиком брошена в названный санитарный поезд и взрывом ее была разбита крыша вагона, а в последнем убиты четыре сестры милосердия и два доктора.

(л. № 201/204, л. 2)

НЕМЦЫ ПОПРАЛИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

**Немцы применяли позорные средства войны —
удушливые газы**

*Из журнала военных действий Штаба 6 Сибирского армейского
корпуса, 18 мая 1915 года*

К рассвету 18 мая 1915 года штаб корпуса, 3 Сибирская дивизия и 54 полк 14 Сибирской дивизии продолжали оставаться в армейском резерве. На позиции, от устья реки Гниды до высоты 45,8 южнее деревни Гумин, находилась 14 Сибирская дивизия, причем 55 полк занимал правый боевой участок, а 53 полк — левый боевой участок, имея в резерве дивизии 56 полк в деревне Червона Нива. Кроме того, в окопах на позиции находились две сотни (1 и 4) 45 Донского казачьего полка.

Около 3 часов 30 минут утра противник открыл сильный ружейный и артиллерийский огонь по всему фронту дивизии, по нашим легким и тяжелым батареям, по наблюдательным пунктам и по тыловой полосе дивизии в районе Червона Нива и Ежувка. Отдельные снаряды падали около аэролата, расположенного между Грузовым и Вискитками и в полуверсте от фольварка Орышев по шоссе от Орышева на Вискитки. Вслед за этим перед линией немецких окопов появилась какая-то зеленоватая дымовая завеса. Влекомая попутным ветром, она двигалась к нашим окопам и заволакивала их. К 4½ часам дым, оказавшийся газом, содержащим хлор, окутал не только окопы, но и ближайшие окрестности, включая даже такие сравнительно отдаленные от позиций места, как господский двор Орышев и посад Вискитки (и тут и там были случаи отравления газами). Будучи тяжелее воздуха, выпущенный немцами газ стелился по земле, опускался в низины и окопы и держался там еще долго...

На всем пространстве от позиции до Орышева под влиянием газа пожелтели всходы яровых, цветы и в особенности только что начавший цвести клевер, у которого цветы немедленно засохли. Тем более губительно оказалось действие газов на людях, находившихся в непосредственной близости к германским окопам, в окопах и на батареях. Применение немцами газов явилось для находящихся в окопах людей неожиданностью, и многие сначала с любопытством наблюдали появление перед немецкими окопами дыма. Затем, когда газы начали

оказывать свое действие, часть людей пыталась спастись от них, закрывая лица платками и смачивая их водой, где таковая оказывалась, а многие бросились назад по ходам сообщения и напрямик, стремясь уйти от газов. Вскоре окопы и в особенности ходы сообщения оказались местами, заполненными телами отравившихся, лежавшими в несколько рядов. Люди, отхлынувшие назад по направлению движения газов, падали по дороге. Вскоре перевязочные пункты, лазареты и госпитали в Гузове, Вискитках, Жирардове и Терезине были переполнены отравившимися. Отравление выпущенным немцами газом вызвало сильную рвоту и кровавую пену изо рта. Дыхание заболевших ускорялось чрезвычайно. Многие совершенно синели и умирали с признаками удушья. Вследствие новизны явления и массовых отравлений врачи были бессильны более радикально помочь отравившимся.

В результате, как выяснилось впоследствии, только в двух полках дивизии — 53 и 55 — за день 18 мая и последующие дни, когда газ, оставшийся в окопах, продолжал свое губительное действие, всего из строя вышло 33 офицера и 5752 нижних чина из общего числа 74 офицеров и 7118 нижних чинов этих полков. Особенно тяжелые потери были в 53 полку, в котором из 35 офицеров вышло 17 и из 3788 нижних чинов — 3441 или около 90%. Из указанного выше числа офицеров, по сведениям, имевшимся в частях и госпиталях, умерло 10 офицеров, а из числа нижних чинов 849 или около 15%; однако данные эти нельзя считать исчерпывающими, так как были и случаи со смертельным исходом во время эвакуаций из госпиталей в тыл... В общей сложности потери в людях от действия газов можно было считать в круглых цифрах 6000 человек.

Выждав несколько времени, чтобы дать подействовать газам, немцы цепями и отдельными ротами перешли в атаку, направив ее главным образом на правый фланг 55 полка, на фронт Закржев, Суха; попытки наступать были и в других местах. Несмотря на громадные потери, из окопов 55 и 53 полков по атакующим все-таки был открыт ружейный и пулеметный огонь; открыла огонь и артиллерия, и атаки немцев были отбиты со значительными для них потерями. Около 6 часов утра немцы стали накапливаться у устья Гниды и успели перебросить некоторые части через реку, но утвердиться не могли и вскоре поодиночке стали перебегать обратно. В 7½ часов утра противник сделал еще одну попытку атаковать участок 55 полка, но и она потерпела неудачу, после чего на фронте восстановилось спокойствие, и противник начал отводить в тыл подтянутые для атаки резервы.

Против 35 армейского корпуса, находившегося от нас по соседству слева, также был выпущен газ, после чего, около 4 часов утра и позднее, около 2 часов дня и 10 часов вечера, противник пытался наступать в районе Воли Шидловской, но был отбит нашим огнем. Части 55 дивизии, занимавшие окопы в этом районе, понесли большие потери людьми, впадшими в обморочное состояние от вдыхания удушливых газов. Всего вышло из строя 26 офицеров и 3070 нижних чинов, причем, однако, процент смертных случаев был ниже, чем в 6 Сибирском корпусе.

Против 5 Сибирского корпуса, соседнего справа, повидимому, тоже была сделана попытка пустить газ, но она не удалась, и газ до наших окопов не дошел. Попытки частичных наступлений успеха не имели.

Пленные 48 резервного полка 5 резервной дивизии 3 резервного корпуса, взятые севернее железной дороги Сохачев-Лович 55 Сибирским полком, показали, что уже около 10—14 дней тому назад в окопах, на протяжении от Бзуры до Воли Шидловской, были установлены газовые батареи, состоявшие из 8—12 резервуаров с сжатым газом, содержащим хлор. Батареи эти находились друг от друга на расстоянии около 30 шагов. Немцы поджидали попутного ветра для того, чтобы выпустить газ на наши окопы и затем начать наступление на фронте около 10 верст с целью овладеть нашими окопами. Немецкие офицеры пытались убедить солдат, что стрельбы из русских окопов после того, как будет пущен газ, не будет вовсе. Были назначены партии, которые должны были перерезать наши проволочные заграждения; за этими партиями должны были идти атакующие части, а за ними — команды с кислородными аппаратами для приведения в чувство заболевших от газа людей. В окопы были подтянуты резервы. Немецкие солдаты не слишком верили в действенность газов и боялись идти в атаку. Начавшаяся из наших окопов стрельба удержала большинство в окопах, а части, попытавшиеся было перейти в наступление, были встречены, как уже указано выше, нашим огнем и, понеся потери, ушли обратно в свои окопы.

Таким образом, широко задуманная противником операция, в которой впервые, и неожиданно для нас, были применены ядовитые газы, не удалась, благодаря стойкости и храбрости 53 и 55 Сибирских полков и казаков, открывших, задыхаясь в ядовитых газах, стрельбу по противнику и заставивших его оставаться в своих окопах.

(л. № 7/54 т. VII)

* * *

*Из протокола опроса заместителя председателя Центрального
Военно-промышленного Комитета В. В. Жуковского.
30 мая 1915 года*

Мы объехали весь пострадавший район на протяжении около 30 верст. Всех пораженных газами оказалось около 7000 человек. Все это было по фронту реки Бзуры у Воли Шидловской. По рассказам нижних чинов, офицера-командира батареи и других дело происходило так: ночью находившиеся в окопах нижние чины слышали свист и шипение, как будто гудок паровоза, раздавшийся в окопах противника. Затем оттуда, по направлению к нашим окопам, стали подвигаться клубами тучи желтовато-бурого цвета высотой выше человеческого роста. Это были удушливые газы, которые гнал ветер вдоль наших окопов на протяжении около 1¹/₂ версты. Люди по привычке прятались в окопы, где и были, к несчастью, настигаемы газом. Они инстинктивно закрывали рот и нос чем было можно, офицер отдал по телефону приказание смачивать платки водой и дышать в них, что действительно давало облегчение; догадавшиеся выскочить из око-

пов люди, примерно, человек 7—8 на роту, стали действовать из пулеметов по наступающему врагу, и атака была отбита.

Переменившийся ветер погнал газы на германцев, которые и пострадали от них сами. При осмотре пораженных наших солдат я наблюдал тяжелую форму эмфиземы легких, опухоли в верхней части груди и шеи, кожа была окрашена в синеватый цвет. Люди невыразимо страдали, и стон шел со всех сторон. Картина была потрясающая: отравленные видимо страдали и мучились более, чем после ранения, раздавались и жалобы, что бедствия этого не предусмотрело начальство и не оберегло солдат и офицеров. Наблюдалось вместе с этим и страшное озлобление против врага и жажда мести. В первый день, 18 мая, из пораженных газами людей умерло около 1400 человек. Смертность наблюдалась особенно высокой в первый период заболевания.

(л. № 1/54, т. 1)

* * *

*Протокол опроса профессора Д. М. Лаврова.
29 июня 1915 года*

Я, консультант Медицинской части Российского Общества Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта, ординарный профессор Императорского Юрьевского Университета, доктор медицины, сего 18 мая 1915 года был командирован в Терезино, куда, по сведениям, полученным Медицинской частью, доставлялись в больших количествах отравленные строевые чины. Отравление было произведено неприятелем, выбросившим в ночь на 18 мая громадное количество ядовитого газа (который оказался хлором) на наши передовые окопы. В Терезине таковых отравленных с 4 часов утра до 5 часов дня 18 мая было принято около 400 человек, из коих мертвых было 21 человек. Приблизительно 30% отравленных находились в тяжелом состоянии. Около 7 часов вечера здесь было уже 27 трупов, из коих один был подвергнут патолого-анатомическому вскрытию. В 11 часов вечера мною был начат осмотр Елизаветинского подвижного № 3 лазарета в Рузове. Все помещения лазарета были переполнены отравленными, из коих около 30% находились в тяжелом состоянии. Этот лазарет к 12 часам ночи принял около 1200 человек отравленных; покойников здесь находилось около 140.

Из Рузова я проехал в Жирардово для того, чтобы собрать там сведения касательно отравленных, поступивших в означенное место. Эвакуационный пункт Жирардово принял до 4 часов утра около 3000 отравленных, из которых приблизительно 25% находились в состоянии тяжелого отравления. До часу дня 19 мая пункт принял около 4000 отравленных. Мне пришлось побывать в Старо-Радзивиллове, перевязочно-питательный пункт которого принял около 1900 отравленных, из которых 135—140 человек уже умерли.

Таким образом, неприятель применил ядовитый газ (хлор) по отношению к нашим войсковым частям в громадных количествах, вызвавших значительные массовые отравления весьма тяжелого характера, с относительно значительной общей смертностью. Судя по описанию наружного вида газа, примененного неприятелем, и по действию

его на разные металлические вещи, можно было предположить, что дело шло о применении хлора. Химический анализ ржавчины, полученной с тех металлических вещей, — ружейные патроны, пуговицы, пряжки от поясов и проч., — которые мною были доставлены в Варшавский Политехнический Институт, показал, что означенная ржавчина образовалась под влиянием хлора.

26 мая сего года мне пришлось выехать в Гройцы, Новое Место и Бялу, дабы там собрать материал касательно применения неприятелем ядовитого газа 24 мая 1915 года. В данном случае неприятель применил другой газ, имевший приторный, довольно приятный запах смешанного характера, в этом запахе преобладал запах горьких миндалей. От этого газа наблюдалось раздражение глаз, головокружение, тошнота, головная боль и т. п. В общем газ был выброшен в сравнительно небольших количествах на наши части, стоявшие под Оссою. От этого газа у нас пострадали сравнительно немногие. 27 мая неприятель выбрасывал подобный газ дважды, пользуясь ветром, дующим на наши передовые окопы. И в этом случае от газа пострадали сравнительно немногие. Химический характер газа остался невыясненным; содержал ли он цианисто-водородную кислоту, которая, как известно, обладает запахом горьких миндалей, — остается вопросом открытым.

30 мая 1915 года утром были получены известия о применении неприятелем ядовитых газов на правом фланге 14-й и левом фланге 6-й дивизий, вследствие каковых известий я отправился в Терезино и другие места района Жирардово. Строгановский подвижной лазарет, стоявший в Терезине, принял около 800 отравленных строевых чинов. Здесь, по словам врачей, были члены комиссии сенатора Кривцова, которые вели опрос, составили протоколы и производили фотографические снимки. Судя по наружному виду газа, примененного неприятелем в ночь на 30 мая, по действию его на металлические вещи и по влиянию на человека, пришлось полагать, что дело шло о хлоре. В общем неприятель выбросил этот газ в сравнительно значительном количестве; число пострадавших от газа должно быть оценено в полторы-две тысячи, из которых тяжело пострадавших было приблизительно 10%.

Сего, 24 июня 1915 года, вследствие известий, полученных из Жирардова, я поехал в Терезино. Здесь выяснилось, что в ночь на 24 июня неприятель на фронте Сохачев-Боржимов применил в весьма больших количествах хлор, который был выброшен на наши передовые окопы. В общем, действие газа было весьма интенсивно и простиралось почти на $2\frac{1}{2}$ полка. Из фронта, у нас выбыло относительно довольно значительное количество людей. В Терезине около 2 часов дня 24 июня находилось около 350 отравленных, из которых приблизительно пятая часть была в состоянии тяжелого отравления. Наружный вид различных металлических частей, как-то: патронов, пуговиц, металлических принадлежностей, ружей и проч., свидетельствовал о том, что действие газа было довольно интенсивно. Судя по описанию наружного вида газа и наружного вида разных металлических вещей, можно было предположить, что в данном случае неприятелем был применен именно хлор. Вскрытие одного умершего, произведенное по моей просьбе в Терезине, показало, что патолого-анатомическая кар-

тина отравления такова же, какова была у умерших от хлора, примененного неприятелем в ночь на 18 мая. Насколько значительно было количество выброшенного хлора, можно судить по тому, что даже на расстоянии 6—8 верст явственно чувствовался запах хлора, так что в тех и других передовых отрядах (врачебных) пришлось применить респираторы.

Из Терезина я проехал в Ежувку, далее в штаб 22 полка, штаб 21 полка, в Гузов и Жирандово; во всех этих местах и пунктах можно было собрать сведения, которые свидетельствовали о весьма значительных размерах использования неприятелем ядовитого газа. Число тяжело отравленных было сравнительно велико. Общее число пострадавших было также относительно весьма значительно. При этом применении хлора неприятель учинил следующее зверство. В одном месте некоторыми воинскими частями наши окопы были оставлены, причем самое меньшее несколько десятков тяжело отравленных не были удалены из окопов. В эти окопы вскоре пришли другие русские воинские части и нашли наших отравленных зверски исколотыми, избитыми и изрезанными. По этому поводу я, по предложению господина командира 21 полка, расспрашивал о происшедшем подпрапорщика Петруканца и других лиц, которые сами видели в окопах изувеченные трупы наших отравленных воинов. Нередко встречались трупы с десятью—двадцатью колотыми штыковыми ранами, разбитыми головами, вспоротыми животами и проч.

Таким образом, вне всякого сомнения, что в означенных местах нашего Северо-Западного фронта неприятель повторно применял ядовитые газы, —главнейшие хлор, —резко действующие на человека, причиняющие большие страдания, вызывающие очень мучительную смерть.

(д. № 1/54, т. 1).

* * *

*Протокол опроса рядового 226 пехотного Землянского полка.
19 сентября 1915 года*

Наш полк с 9 февраля 1915 года вступил в крепость Оссовец и там стоял до занятия крепости. Впервые немцы пустили ядовитые газы по крепости утром 24 июля с. г. В эту ночь моя 13 рота около 12 часов ночи сменилась из передовых окопов и пришла на отдых в крепость; расположились мы спать в бетонах и заснули. Около 3 часов ночи нас разбудили и сказали, что немцы пустили газы и идут в атаку. Действительно, газ распространялся уже по всей крепости: едкий удушливый туман сероватого цвета, проникавший повсюду и все живое губивший. Падали люди, животные, листья и трава желтели, все медные части покрывались зеленым налетом; дышать было невозможно.

Надев респираторы, наш батальон вышел из бетона и пошел по окопам. Дорогой многие падали, всюду попадались трупы. Тем временем немцы успели занять обе линии наших окопов. Мы бросились в штыки, прогнали их и заняли наши окопы обратно. Все бывшие в окопах наши люди погибли на месте от газов; здесь были шесть рот нашего полка, умерших на месте; остальных из нашего полка, в том

числе и меня, разослали по лазаретам. Какие воинские части неприятеля пускали газы точно не знаю, но на погонах пленных немцев видел № 17 полка. Пускали немцы ядовитые газы главным образом из особых аппаратов, но разрывались и снаряды с газами.

В Прилуцком лазарете я нахожусь с 13 августа с. г. Все это время я чувствую себя очень плохо: постоянный шум в голове, частые головокружения, туман в глазах, тяжело дышать, дрожат руки и ноги, слабость во всем теле, очень трудно ходить. После еды страшно тяжело дышать и кидает в жар. Все это я отношу к действию газов, так как до этого был совершенно здоров.

(д. № 230/359, т. I)

* * *

Из показания ефрейтора С. Я. Евсикова

Это произошло на рассвете 24 июля 1915 года. Дело было на германском фронте, близ крепости Осовец, в расстоянии 3 верст от последней. Находился я в окопе. Нас всего в окопах было 3 роты. Со стороны германских позиций на наши позиции были пущены газы. Цвет газа был зеленый, как цвет сукна письменного стола. Запах горький. Действие газов на сидевших со мной в окопах было таково, что из них мало кто остался в живых. Газы шли на наши окопы как густой туман. Действие газов было на все ужасно. Листья на деревьях горели. Птицы лишались зрения. Ружья и пулеметы ржавели и из них нельзя было стрелять. Распространяясь, газы дают от себя какое-то шипение. Пустив газы, германцы пошли на нас в атаку, но были отбиты.

(д. № 231/359, т. II)

* * *

*Телеграмма Вр. командующего Кавказской гренадерской дивизией
Начальнику штаба 2 Кавказского армейского корпуса.
27 сентября 1915 года*

25 августа 1915 года сводный 3 батальон 14 Грузинского полка, состоявший из 7, 8, 9, 10 и 11 рот в числе 499 человек, занимавший позиции впереди озер Гавле и Татаришки, у деревни Замостье, западнее Новых Троков, подвергся обстрелу неприятельскими снарядами с удушливыми газами. Обстрел начался около 1 часу пополудни и продолжался до 6 часов вечера. Сколько было выпущено за это время неприятелем снарядов с удушливыми газами не представляется возможным определить, но о силе обстрела и интенсивности ее может дать понятие заявление одного из батарейных командиров, насчитавшего до 40 выстрелов в минуту. К этому нужно добавить, что направление ветра в сторону наших окопов в свою очередь способствовало и усиливало влияние газов на людей.

С первого же момента обнаружения обстрела удушливыми газами людьми были применены имеющиеся у них повязки против удушливых газов и, несмотря на это, влияние газов не было парализовано. За 5 часов обстрела удушливыми газами выбыло из строя убитыми, ранеными, контужеными и отравившимися до 200 человек. Сколько из них приходится собственно на отравившихся газами не представ-

ляется возможным установить, так как за все это время сильный огонь противника не давал доступа к нашим окопам, и отравившиеся газами не могли быть выведены из них.

Физические свойства удушливых газов выражались в зеленоватом цвете и сладковатом вкусе их. Нижние чины, подвергшиеся действию удушливых газов, при врачебном осмотре найдены были в следующем состоянии: все жаловались на общую слабость, чувство разбитости, головокружение, головную боль, жжение в глазах и органах дыхания, тошноту (у некоторых рвоту), затрудненное дыхание. В более тяжелых случаях дело доходило до обмороков и потери сознания. . . По докладу дивизионного врача, во время обстрела пользовались повязками старого типа с 10 слоями марли, пропитанными смесью гипосульфита и соды, закрывались только рот и нос, так как иных повязок не было.

(л. № 449/591)

Газовые атаки против раненых

Отчет по делу № 453

В июне 1915 года, в Галиции, находившийся в деревне Латкиной перевязочный пункт 312 пехотного Васильковского полка подвергся обстрелу со стороны неприятельской артиллерии, расположенной от него в расстоянии около полутора верст; перевязочный пункт был огражден флагами Красного Креста, которые были видны с неприятельского наблюдательного пункта. Ближайшие русские воинские части занимали позиции на расстоянии около версты от пункта, расположившегося в стороне от боевой линии. При этом обстреле неприятелем были выпущены снаряды с удушливыми газами; многие из находившихся на пункте раненых были убиты или же получили новые повреждения.

(л. № 447/453, л. 1)

* * *

*Из отношения Управления главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста в Канцелярию Главного Управления Российского Общества Красного Креста.
16 января 1917 года*

В ночь с 15 на 16 ноября 1916 года неприятелем была произведена газовая атака на участках фронта, на коем были расположены Курский перевязочно-питательный отряд № 8 (деревня Голынка) и Великолуцкий подвижной лазарет (разъезд Хвоево) Российского общества Красного Креста. Были пущены три волны удушливых газов, от действия которых пострадали следующие служащие Курского отряда: до полной потери сознания сестра милосердия Евгения Николаевна Маркова и с последствиями головной боли и тошноты старший врач отряда Борис Константинович Павлов, студент-медик отряда Павел Петрович Кубанов, сестра-хозяйка отряда Мария Алексеевна Еглевская и санитары отряда: Василий Горохов, Дмитрий Васильевич Морозов и Савелий Исаевич Игнатъев.

(л. № 1537/1553, л. 5)

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН

Немцы использовали русских военнопленных для заслона от обстрела

Из показания ефрейтора Н. З. Годованюк

12 ноября 1914 года я был взят в плен около 4 часов утра за Брезинами. Первые три дня во время боев немцы нас, пленных, ставили впереди своей артиллерии в качестве заслона и, благодаря этому, многие из наших были нашими же снарядами побиты.

(л. № 356/491)

* * *

Из показания подпоручика В. А. Роговского

В январе 1915 года наш полк находился в Карпатах... Неприятель стал наступать густыми цепями и выбил нас из господствующей высоты. Заняв высоту, неприятель стал спускаться с высоты, впереди его шли наши пленные нашего полка, захваченные в плен во время взятия высоты. Мы не могли обстреливать неприятеля, так как от нашего огня могли погибнуть наши пленные. Когда неприятель спустился с высоты, то расставил наших пленных, несколько десятков человек, у подошвы высоты, а сам пошел вперед. Расположение местности было такое, что если бы мы обстреливали наступавшего неприятеля, то наш огонь ложился бы у подошвы горы, и нам пришлось, щадя наших пленных, обстреливать неприятеля с флангов.

(л. № 42/972)

Немецкие людоеды убивали русских пленных солдат и офицеров

Из показания подпрапорщика Г. П. Ференец

Я был взят в плен германскими войсками 18 августа 1914 года возле деревни Яново. Вместе со мной была целая партия пленных—около 2 тысяч. Нас немцы отправили под конвоем пешком к ближайшей железнодорожной станции. Пройдя около полутора часов, я присоединился к другой команде пленных и здесь увидел, что один из наших пехотинцев-солдат отстал от всех и сел на дороге. Я понял,

что он ослабел и не мог больше идти. Сейчас к нему подъехал на лошади германский кавалерист и, не говоря ни слова, пикой ударил его в туловище. Наш пленный тут же упал на дорогу мертвым.

На станции мы остановились на ночлег. Здесь, на берегу реки, я увидел трупы двух наших солдат, а перед этим слышал выстрелы. Товарищи мне сказали, что наших солдат застрелили немецкие конвойные.

Содержался в лагере Саган. Здесь с нами обращались жестоко. Привинчившихся в нарушении дисциплины пленных наказывали, привязывая их к столбу, покрытому колючей проволокой. Через час наказанный не мог держаться на ногах, повисал на веревках, и колючки проволоки врезывались ему в тело.

(д. № 2026/2312, л. 2)

* * *

Из показания рядового Ф. И. Кабанова

В плен я попал в августе месяце 1914 года, в Восточной Пруссии, будучи легко ранен в ногу. Меня вместе с другими пленными привезли в город Шнейдемуль, — в место, отведенное под лагерь. Построек там никаких не было: нам пришлось самим рыть себе сначала землянки, а затем строить бараки из материала, данного нам немцами. Затем нас отправили рыть окопы за городом. Сначала мы отказались от этой работы, не желая устраивать укрепления для врагов, но тогда немцы стали по нас стрелять и убили 25 человек; после этого они отправляли нас на работы мелкими партиями, причем подгоняли ударами прикладов и резиновых палок. Вообще били нас постоянно, и не только рядовых, но и пленных офицеров. Пищу нам давали очень скудную, причем в таком ограниченном количестве пайков, что их никогда не хватало на всех пленных. Для того, чтобы получить пищу, приходилось вставать ночью и образовывать очередь у кухни; если кто выходил из очереди, то того били, напускали собак. Иногда наши переводчики заявляли, что есть прибавка, и когда к котлу подходила толпа человек в 200—300, то выдавали суп двум-трем, а остальные получали вместо супа удары палками.

Во время пребывания в лагере я заболел тифом и был переведен из барака в землянку; здесь мы, больные, лежали на земле, покрытой соломой; никакого решительно ухода за нами не было; 28 дней я лежал без сознания. В этой землянке я отморозил себе ноги и мне впоследствии их отрезали.

(д. № 348/154)

* * *

Из показания рядового С. К. Яшенина

В плен я был взят в октябре (1914 г.) в Восточной Пруссии, после чего был отправлен в Шнейдемуль, в лагерь для военнопленных. По прибытии в лагерь мы были подвергнуты обыску, причем у нас были отобраны все более или менее хорошие вещи. . .

Содержались мы первое время в землянках, причем нам не раз-

решалось выходить наружу; во всякого, кто высовывался из землянки, часовые стреляли без всякого предупреждения; как-то раз во дворе один пленный спросил другого: «Какого ты полка, земляк»? За этот вопрос часовой застрелил пленного, который задал вопрос.

Когда наши войска отбросили немцев из-под Варшавы в январе месяце, то нас, пленных, за это «наказали»: заставляли на морозе раздеваться и держали без одежды по несколько часов. Как-то раз несколько человек пленных между собой разговаривали около отхожего места. К ним подошел часовой и велел разойтись; когда пленные стали расходиться, то один из пленных случайно столкнулся с часовым, тогда другой германский солдат тут же заколол штыком этого пленного. Когда я заболел тифом, то меня положили в большую землянку, где было несколько сот человек. Там мы лежали без всякого ухода на соломе, причем под соломой часто образовывался слой льда. Укрывался я матрацами. Во время пребывания в землянке у меня стали гнить ноги, но никто меня не лечил, несмотря на то, что я неоднократно обращался с просьбами о том к фельдшерам. Наконец, по ходатайству русского доктора я был переведен в лазарет, где мне отняли обе ноги.

(л. № 348/154)

* * *

Из показания рядового В. В. Шалабнева. 3 августа 1915 года

В Шнейдемюле нас поместили в сырые, холодные бараки. Кормили ужасно плохо, давали только столько, чтобы не умереть от голода.

Половина из наших умерла от голода.

Обращение было зверское. Били чем попало и куда попало. Били нагайками, прикладами, палками за всякий пустяк. Однажды я видел, как часовой ударом штыка убил русского солдата, за что — не знаю. Стоявший тут же англичанин не вытерпел, видно, и как развернулся, так часового сразу же сбил с ног. За это англичанина распинали на бочке, били палками, а затем застрелили. Медицинский уход совершенно отсутствовал. У меня развилась гангрена и пришлось обе ноги ампутировать. Бывали случаи, что зимой в мороз градусов в 14 нас заставляли раздеваться догола и так выгоняли на улицу, где держали по полчаса. Медикаментов не давали. Всякого, кто заболевает в бараке, сейчас же переводили в землянки, где почти все умирали от холода и голода.

(л. № 349/154)

* * *

Из показания рядового Т. С. Филиппова

16 августа 1915 года под городом Кобрином я был в бою ранен в правую ногу и остался на поле сражения вместе с семью моими товарищами по роте. Мимо нас проходили наступавшие германские

цепи, причем немцы (какого полка — не знаю) одного раненого убили прикладами, а мне разбили голову тоже прикладом. После этого я двое суток пролежал на поле, причем один германец, подойдя ко мне, вытащил у меня из кошелька 10 рублей.

Затем меня отправили на перевязочный пункт в какой-то деревне близ Брест-Литовска. Здесь я в сарае пролежал вместе с другими ранеными 12 суток, не получая медицинской помощи. У нас завелись в ранах черви. После перевязки меня доставили в Брест-Литовск в лазарет, где я пробыл еще 12 дней и также без медицинской помощи. Из Брест-Литовска меня отправили в город Глогау, в лазарет, где находилось человек 700 наших раненых.

Кормили плохо, обращение с нами было жестокое. Кто-то из раненых разбил в ватер-клозете раковину. Лазаретное начальство обвинило в этом меня. В наказание меня отнесли в карцер на носилках. В карцере я пролежал сутки без пищи. Надо сказать, что немцы не стеснялись сажать больных и раненых пленных под арест.

Из Глогау я был доставлен в Шпротау (лагерь), где видел, как немцы били пленных палками и прикладами за отказ от работы.

(д. № 2666/3251)

* * *

Из показания рядового Н. Д. Поликашина

Я попал в плен 14 сентября 1915 года во время боя у местечка Ошмян. С фронта меня и других пленных пригнали в Вильну, где из пленных сформировали рабочий отряд в 300 человек и послали на реку Вилейку, где у железнодорожной станции надо было разобрать мост, часть которого была взорвана русскими войсками перед отступлением.

Придя на работы, мы узнали, что под уцелевшей частью моста, которую предстояло разбирать, заложены мины, случайно не взорвавшиеся. В виду этого, боясь, что при разборке моста мины эти взорвутся, мы, пленные, заявили, что разбирать моста не станем. Тогда комендант города Вильно, по приказанию которого мы были посланы на работы, распорядился всех нас вместе запереть в станционном сарае — пакгаузе и велел затем этот сарай поджечь. Когда пошел дым и показалось пламя, нам стали кричать немцы, что не выпустят из горящего сарая до тех пор, пока мы не изъясим согласия идти разбирать мост. Видя, что нам грозит неминуемая страшная смерть, мы стали кричать, что на все согласны. Тогда дверь сарая открыли, но сделали это слишком поздно, огонь уже успел распространиться по всему сараю, так как в нем было много стружек и другого легко воспламеняющегося материала; мы, пленные, в панике, давя и мешая друг другу, столпились у выхода из сарая. Произошла давка, вследствие которой больше 53 человек не успели выскочить из объятых пламенем сарая и погибли. Кроме этого, человек 15 получили сильные ожоги. Я сам принимал участие в предании земле сгоревших и считал трупы. Похоронили всех вместе у взорванного моста и поставили на могиле крест, на котором химическим карандашом сделали надпись с обозначением числа погибших и причины их гибели. На

следующий день после мною описанного происшествия нас, уцелевших от пожара пленных, отправили разбирать мост. Во время работы произошел взрыв, от которого 16 человек моих товарищей погибли.

Все описанное произошло в последних числах декабря 1915 года.

(л. № 2001/2285)

Режим голода, издевательств и унижений в немецких лагерях для военнопленных

Из приказа по VIII армии № 612 от 7 августа 1915 года

В представленном мне приказе по 13 стрелковому полку от 6 июля сего года за № 213 изложен следующий рассказ возвратившегося в полк 4 июля 1915 года бежавшего из австрийского плена младшего унтер-офицера 1 роты этого полка Николая Ница, взятого в плен 31 августа 1914 года у местечка Комарно:

«После опроса в штабе меня отправили в Самбор, откуда уже по железной дороге отправили дальше вовнутрь империи. В плену большую часть времени держали под замком, выпуская лишь на работы по постройке барakov, полотна железной дороги и в шахтах. Продолжительность работ доходила иногда до 12 часов в сутки...

Во время работы с пленными обращались крайне жестоко,—часто били и доходили до того, что закалывали штыками.

В Венгрии (Эстергом-Табор) нас, пленных, выгнали в поле, окружили проволокой и заставили пробыть под открытым небом под проливным ливнем в течение трех суток. Наиболее слабые из нас, не имеющие ни шинелей, ни палаток (это было в сентябре) в количестве около 2700 человек, умерли как от истощения и простуды, так и, повидимому, от холеры.

Около 200 пленных, подозрительных по холере, были отведены в отдельный сарай, который затем сожгли вместе с ними. Оставшиеся в живых не выдержали этих пыток, бросились к заграждениям, чтобы уйти с поля, где смерть казалась неизбежной. Конвой штыками и прикладами загонял всех обратно. Только вмешательство населения спасло некоторым из нас жизнь.

Всю зиму я с партией других пленных провел в Венгрии на указанных работах. Многие из нас в мороз, снег и слякоть принуждены были выходить на работы в летних гимнастерках, часто без сапог.

В мае месяце меня с другими 500 пленными отправили в Карпаты для постройки новой железной дороги... Во время работы, пользуясь случаем, я 4-го июня бежал в Румынию, там был опять задержан и вновь бежал в Ясы, откуда, при содействии русских властей, отправлен на родину...

Испытав в течение 9½ месяцев тяжелый плен, я готов теперь скорее покончить собой, чем опять попасть в руки противника».

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, сотнях, эскадронах и командах.

Командующий армией, ген.-адъютант
Брусилев

(л. № 824/1007)

Из показания рядового М. И. Ситнова

Будучи окружен неприятелем, 31 августа 1914 года, я был взят в плен и отправлен в какой-то город, куда шел пешком два дня без всякой пищи, ночуя под открытым небом. В городе загнали в какую-то тюрьму, где мы пробыли 3 дня. Хлеба за это время совершенно не давали, а кормили лишь каким-то супом из картофеля, все время гоняя на работу.

Затем я был отправлен в Шнейдемуль в лагерь. Здесь условия жизни были хуже, чем скотские. Скот хоть кормят, жалеют и не бьют, а нас держали голодными, как зверей, били за что попало. Когда я пришел в Шнейдемуль, там никакого помещения для нас не было. Пришлось ночевать в поле. На утро нам выдали железные миски и этими мисками мы рыли себе ямы, чтобы укрыться от непогоды и холода. Не давали даже досок, чтобы сделать крышу над землянками. Холод и сырость были ужасные. Мы с товарищем рядовым Василием Курициным вырыли землянку длиной менее сажени и шириной около двух аршин. В ней стоять нельзя было. В этой землянке мы и жили, хотя часто случалось, что нас обсыпало обвалившейся с боков землей. Заставляли работать: приходилось на себе возить уголь, таскать солому, возить большие бочки с нечистотами. Пищу давали очень плохую и мало... Жили полуголодные. Многие до того отощали, что от голода умирали. Свирепствовал тиф. Когда я заболел тифом, то был изолирован от здоровых и помещен в отдельную землянку, где, находясь в бессознательном состоянии и вследствие полного отсутствия всякой медицинской помощи, отморозил обе ноги.

Мне отрезали обе ноги. Отношение к пленным было очень грубое. Я сам видел, как нашего солдата били розгами, предварительно сняв с него шаровары. Били плетью, прикладами. Однажды, предполагая существование среди нас спрятанного знамени, сделали у нас обыск, для чего заставили раздеться догола, построили в ряд, а затем стали избивать голых палками. За всякий пустяк привязывали к столбу.

Во время тифа у нас ежедневно умирало человек по 20—30.

В плену жилось так плохо, что даже, умирая, буду помнить.

(д. № 548/154)

*Рапорт штабс-капитана 4 Гренадерского Несвижского полка
Самохвалова Командиру полка. 12 декабря 1914 года*

После боя 12 октября с. г., раненый в руку и ногу с раздроблением костей, я при отступлении наших был оставлен в лесу и, как тяжело раненый, попал в немецкий плен... Все мною виданное, испытанное и слышанное в плену сводится к следующему:

1) Раненых и убитых немцы обирают дочиста; с меня, например, сняли кокарду и погоны, не забыли часов и кошелька.

2) У пленных, раненых и здоровых, независимо от того, офицер он или нижний чин, по пути следования встречающиеся немецкие солдаты даже в присутствии своих офицеров отбирают все, что заметят и что им понравится, лишь бы отнятая вещь была им полезна и имела хоть какую-либо ценность; при мне отбирали котелки, шинели, снимали сапоги.

3) За три дня пребывания в плену ни меня, как раненого офицера, ни нижних чинов здоровых и раненых не поили и не кормили; все пленники питались подаванием от польских крестьян и овощами, украдкой собираемыми по пути с огородов и полей.

4) За три дня никому не сделали ни одной перевязки; бывшие в немецком плену с 27 сентября по 15 октября наши офицеры — 7-го Гренадерского Самогитского полка капитан Воскресенский и 13 Сибирского стрелкового полка штаб-капитан Карпов — рассказывали, что немецкие врачи в общем относились к ним пренебрежительно и по 6—8 дней не делали перевязок.

Наших раненых как офицеров, так и нижних чинов в лазарете кормили очень плохо. В общем же отношение к раненым здесь было таково, что остается впечатление, как-будто все это делалось с единственной целью избавиться от лишней обузы.

5) Пленников как здоровых, так и раненых офицеров и нижних чинов зачастую на ночь оставляли под открытым небом или, иногда, как это было с нами, загоняли в тесный сарай, совершенно не считаясь с тем, что большинство вынуждено проводить ночь стоя, а многие лежали на голой земле...

6) Двух раненых офицеров-казаков немцы заставили убирать руками отхожие места, а когда они запротестовали, то немцы нанесли им по четыре колотые раны и все-таки добились своего.

Здоровых нижних чинов-пленников впрягали в телеги и лазаретные линейки и развозили на них груз и раненых, а на обратном пути со смехом и гиканьем ехали сами. В нашей партии пленные до самого Радома везли на себе 4 пушки и пулемет, взятые у Тавричан.

(д. № 35/34)

* * *

Из показания рядового С. Д. Шабунко. 8 октября 1915 года

Пища (в лагере военнопленных в Германии — *ред.*) все время была одинаковая и скверная и ее было мало, а с 20 января 1915 года стало еще труднее жить; так как давали еще меньше хлеба. Голод был такой, что мы ходили в мусорные ямы и выбирали оттуда шелуху картофеля, сгнивший картофель и брюкву и капустные листья, выброшенные за негодностью. Все это мы собирали и варили в котелках без соли и потом с жадностью съедали. Это нам однако было разрешено лишь в то время, когда в лагере еще только началась постройка барачков; впоследствии, когда уже было выстроено несколько барачков, нам это запретили и, если немецкие часовые замечали где-либо огонь, они сейчас же подбегали, гасили огонь и нас, варивших пищу, избивали палками, привязывали к столбу и лишали на сутки даже обыкновенной пищи. Около мусорных ям тоже были по-

ставлены караульные, которые отгоняли от ям пленных ударами палок, прикладов и нередко штыком.

Обращение с нами немецких часовых было самое жестокое. Они били нас и палками и жильными хлыстами, за всякий пустяк привязывали к столбу на несколько часов, сажали в карцер на хлеб и воду на четырнадцать дней. Обыкновенно привязывали к столбу в одних рубашках и на ногах были лишь деревянные колодки без портянок. Привязанные совершенно коченели и не могли самостоятельно пойти обратно до барака.

Много мы терпели мук.

Зимой, когда выпадал за ночь большой снег, нас, всех пленных, выгоняли из барачных босиком и заставляли притаптывать снег, чтобы не было заносов. Если мы не хотели выходить из барачных, нас выгоняли палками и натравливали собак, так что волей-неволей приходилось выходить. Когда сошел снег, нас, пленных, заставляли выбирать с площади лагеря камни. Для этого впрягали в большие плуги человек по 10—15. Мы тянули плуги, выворачивали камни, грузили ими телеги и их на себе вывозили за версту от лагеря, где и сбрасывали. Потом мы кирками срывали землю и борошили; нас впрягали и в бороны. Очистка отхожих мест тоже лежала на обязанности пленных. Мы выливали нечистоты в большие бочки и затем их на себе вывозили за пределы лагеря.

(д. № 354/488)

* * *

Из отчета по делу № 609

Обращение с пленными было крайне жестокое, за всякий пустяк били хлыстами из бычачьих жил, привязывали к столбу, сажали в темный карцер; иногда офицеры ради забавы травили пленных собаками, выводили полуголыми на мороз. Из бывших в лагере 12 человек гражданских пленников двое сошли с ума, а 10 были переведены в конце июня 1915 года в лагерь исключительно для гражданских пленников в Хавельберге. Там содержалось до 24.000 пленников разных национальностей. . . Весь лагерь был разделен на три отдельные части: в одной было 12.000 пленников, а в других по 6.000. Кормили до того скверно, что в одном из отделов возник голодный тиф, и большая часть лагеря вымерла, осталось не более 1500 человек; например, из 75 человек служащих Варшавско-Венской железной дороги осталось в живых всего лишь 18 человек. После этого пища была немного улучшена.

Обращение было очень суровое. Своей жестокостью особенно отличался некий обер-лейтенант Шульдекопф, который часто избивал лицо в кровь, а также фельдшер лазарета. Из лагеря пленников отправляли на разные полевые работы, в шахты и на фабрики; из-за тяжести этих работ пленные бежали из лагеря, их ловили и сажали на 14 суток в карцер на хлеб и воду, а горячую пищу давали за это время лишь 2—3 раза; всего давали пищи не больше 1/2 фунта в день; многие выходили из лагеря настолько истощенными, что не могли ходить.

(д. № 609, л. 1)

* * *

Из показания ефрейтора В. С. Колосова. 6 августа 1915 года

В лагере военнопленных (Цсрбет) отношение к нам немцев было ужасное. Нас кормили впроголодь; иногда унтер-офицеры нам давали прибавку, и когда наши, голодные, бросались к цинковому баку, в котором подавался суп, то немцы устраивали себе забаву: начинали нас без всякого повода бить, причем били палками с вколоченными в них гвоздями и напускали на нас собак. Во время одной такой свалки немецкий лейтенант зарубил шашкой двух наших пленных.

Иногда бывало и так, что унтер-офицер принесет на двор ведро с водой и кричит, что принес прибавку; когда к нему подбегали наши голодные пленные, то унтер-офицер со смехом выливал им воду в лицо. Зимой в бараке было очень холодно, а у многих из нас не было шинелей; на двор пленные выходили закутавшись в одеяло, за что их наказывали — привязывали к столбу во всякую погоду. Если кто был в это время в одной рубашке, то так и простаивал на холоде, причем его еще и по щекам били.

(д. № 347/154)

* * *

Из показания рядового М. И. Проскуракова. 31 октября 1915 года

В Эстергоме лагерь представлял собой большой пустырь, который был уже при нас огорожен колючей проволокой. Никаких построек для жилья не было. Когда нас пригнали в лагерь, в нем уже было до 8000 пленных. Все они помещались прямо на земле, почва была очень болотистая, и нам не давали даже соломы. Когда в лагерь была доставлена наша партия, нас поместили также прямо на земле. В это время шли сильные дожди, мы промокли до костей и так ходили мокрые, так как просушиться было негде. Днем мы еще немного спали, а по ночам все время бегали, чтобы согреться. Не будучи далее в состоянии выносить такой образ жизни, мы стали делать себе маленькие земляночки, куда прятались ночью, но приходилось часто вылезать из землянок, так как во время дождя вода заливала землянку и лежать в воде было невозможно. Был в лагере один колодец, но нам почему-то не давали брать из него воду, говоря, что вода в нем недоброкачественная; мы брали воду из канавы, в которую спускались нечистоты и отработанная вода из стоявшего недалеко завода. Пища была очень скверная... Хлеб был испечен с примесью опилок. От такой пищи мы, конечно, целыми днями голодали, что, в связи с грязной водой, которую мы пили, и постоянной сыростью, в которой мы жили, вызвало в лагере массовые желудочные заболевания.

Смертность доходила до 50 человек в сутки. Когда болезнь уже приняла очень большие размеры, нас разбили на три партии. Одну угнали в Эстергом, где, как говорят, они были помещены во вновь отведенном лагере, другую — около 7000 человек — отправили версты за две в горы, а третью — отправили в другое место, тоже недалеко от Эстергома, и здесь их заставили строить бараки для пленных. Я попал во вторую партию, и меня отправили в горы. Построек здесь никаких

не было и нас опять поместили на голой земле, но здесь уже почва была песчаная и сухая. Лагерь этот проволокой окружен не был, но на его границе были фонари и стояли часовые. За черту этих фонарей никого не пропускали под страхом расстрела. В песчаном грунте мы выкопали себе норы и в них жили. У нас не было ни матрацев, ни подушек, ни одеял, даже не дали соломы.

Почти все мы были одеты в рваные мундиры, у кого они были, а большинство было одето лишь в гимнастерки. Шинели тоже были не у всех, так как лучшие шинели австрийцы у нас отобрали. Мерзли мы в наших норах ужасно. Чтобы спастись от холода, все обитатели одной норы ложились в кучу друг около друга и даже друг на друга. Сначала мы пили из колодца, который был в низине между двумя горами; тут же в этой низине нам приказано было ходить за естественной надобностью, вследствие чего все нечистоты сбегали в тот же колодец и пить эту воду было совершенно невозможно. Потом стали возить воду в лагерь в бочках, но ее не хватало для питья. Мы ходили в грязном, почти совершенно истлевшем белье. Всякие насекомые нас заедали прямо до крови. . . Голодали мы ужасно. С голоду украдкой подходили к тому месту, где была кухня, и собирали обрезки негодного мяса, картофельную шелуху из выгребных ям и все это съедали и запивали водой из грязного колодца. Все это мы делали украдкой, так как австрийские солдаты отгоняли нас прикладами от выгребных ям и колодца и сильно избивали.

В этих условиях жизни сильно развивались желудочные болезни, умирало ежедневно более 50 человек. Каждое утро нас, здоровых, заставляли собирать по лагерю и по норам мертвых. Мы их выносили за черту лагеря и зарывали в общей яме, без гроба. Иногда мы не успевали зарыть всех умерших за день, и тогда покойников сваливали, как поленья, — друг на друга.

В этом лагере мы пробыли до 8 ноября 1915 года, за это время умерло около четырех тысяч человек.

(Л. № 1004/1215)

* * *

Из показания рядового В. И. Душина. 18 марта 1916 года

В лагере нас, пленных, кормили плохо; каждый день без перемен давали следующее: утром — стакан чая без сахара, в обед — горячую похлебку из каштановых консервов и вечером — горячую воду, подболтанную кукурузной мукой; на целые сутки выдавалось каждому пленному по полфунта хлеба, приготовленного из смеси муки из кукурузы, каштанов и молотой соломы. Как я, так и другие товарищи по плену сильно отошали; дошли до такого состояния, что не могли ходить. Лично я, пройдя 20 сажень, слабел и совершенно не мог дальше идти. При мне в нашем лагере умерло от голода 50 человек; как фамилии умерших и какой они воинской части, я не знаю. Товарищи передавали мне, что до моего прибытия в лагерь при городе Линце умерло от голода восемь тысяч русских пленных.

Несмотря на то, что мы, пленные, были изнурены и истощены, каждого из нас принуждали работать: пленные таскали камни, рыли землю, заваливали ямы, убирали хлеб и исполняли другие работы.

(Л. № 997/1207)

Каторжными работами немцы калечили пленных

Из показания старшего унтер-офицера А. Н. Аксенова

Я был взят в плен 20 апреля 1915 года в местечке Беч (в Карпатах) во время боя с австро-германцами и прямо отправлен в Германию, в лагерь Ламсдорф.

Здесь за все малейшие провинности пленных в большинстве случаев привязывали к столбу на 2 часа, причем наказанный подвешивался на расстоянии аршина от земли лицом к солнцу. Веревками затягивали настолько сильно, что появлялись кровоподтеки и тело чернело. Подвешенный обычно не выдерживал всего времени, назначенного ему для наказания, и его снимали со столба в полубессознательном состоянии. Но бывали и такие случаи, когда конвойные во время не усматривали опасности для подвешенного, медлили со снятием его со столба, а потому в конце концов приходилось снимать уже мертвые тела.

Когда наказанные висят на столбу и мучаются, то остальных пленных в это время проводят мимо подвешенного и, заставляя смотреть на него, предупреждают, что всех постигнет такая же участь за нарушение лагерной дисциплины.

Из Ламсдорфа меня, вместе со всеми пленными унтер-офицерами, отправили в дисциплинарный лагерь Аленфалькенберг, специально предназначенный для унтер-офицеров, фельдфебелей и подпрапорщиков... Этот лагерь расположен на торфяном болоте, на озере, имеет шесть барачков и окружен проволочными заграждениями. Всех заключенных в этом лагере пленных, с целью заставить работать, подвергают всевозможным издевательствам и жестокостям, — так, например, заставляют под ударами прикладов бегать по торфяному болоту, ложиться, вставать и опять бегать по торфяному болоту, а кто обессилит и в изнеможении упадет, к тому подбегает конвойный и избивает прикладом, палкой, а иногда и штыком до потери сознания.

Большую частью конвойные пускали в ход штыки и били ими пленных, кололи, например, штыками в ягодицы, перебивали пятки ног, ранили руки и спину. Избитых до полусмерти пленных обычно сейчас же клали на вагонетки и отвозили в бараки. Кроме этого, в ненастную погоду пленных раздевали, оставляли в одних рубашках и ставили против ветра лицом; в таком положении, не двигаясь, пленные должны были стоять с 7 часов утра до 12 часов дня и с 1 часу дня до 6 часов вечера. Тех же пленных, которые отказывались бегать по торфяному болоту, силой выводили из барачков и строили по взводам около барачков, а немецким конвойным приказывали «взять их в приклады».

Били пленных настолько жестоко и так долго, что все они сваливались полумертвыми с перебитыми руками и ногами на землю, причем один раз, когда избитые не могли подняться, несмотря на строгое приказание коменданта лагеря, была подвезена к барачку пожарная машина и из насосов была пущена струя холодной и грязной воды по лежавшим на земле избитым пленным. Несмотря на это сильное средство, пленные не в силах были самостоятельно под-

няться вследствие причиненных им жестоких побоев и продолжали лежать на земле, подвергаясь убийственным мукам от обилия падающей и затопляющей воды. Избитые пленные поливались водой не менее 1½ часа, в результате чего многих уносили мертвыми.

То же самое применялось и в другом унтер-офицерском лагере Ухтоморе, куда я был переведен из Аленфалькенберга через два месяца после пребывания там. Здесь, между прочим, мне пришлось еще видеть, как одному нашему пленному за отказ от бега по болоту специально наемный палач перебил винтовкой (бил с размаху прикладом, ухватившись за ствол винтовки) позвоночный столб, руку и ногу так, что пострадавший сделался калекой, не мог ни ходить, ни работать. Другому пленному палач рассек штыком пятки ног и заставил израненного ползти с торфяного болота 1½ версты до лагеря.

Чтобы заставить пленных унтер-офицеров работать, нас по-одному с болота водили в близлежащий лес и там гоняли до изнеможения. Когда замученный падал на землю, его оставляли там и, сделав в лесу выстрел, приходили за другим пленным, которого тоже уводили в лес и проделывали то же, что и с первым, и т. п. Все ухищрения в способах воздействия на пленных с целью заставить их работать, проделывались специально назначенными для этого палачами. Уводя пленных по-одному в лес и производя там выстрел, палач лишь симулировал расстрел пленного, надеясь этим подействовать на психологию остальных пленных и заставить их работать. Но никакие средства устрашений и наказаний на нас не действовали, и мы не работали. Между прочим, применяя к пленным всевозможные жестокости и наказания, равносильные калечению, конвойные и палач говорили: «если здесь вы не будете работать, то сделаем вас негодными к работе и в России».

(д. № 2164/2338)

* * *

Из показания сестры милосердия М. А. Нестерович

В Альтдамме я сама наблюдала, как утомленных русских пленных после работы заставляли, в виде издевательства, прежде чем позволить лечь спать, по часу ходить вокруг нар, а кто ложился, не выдерживая пытки, того подвязывали к столбу или били штыком. Все поголовно наши пленные были больны туберкулезом. Лично я до войны была совершенно здорова, а после плена страдаю туберкулезом.

(д. № 571/579, л. 8)

Нарушая международные соглашения, немцы принуждали пленных производить военные работы

Из показания младшего унтер-офицера З. Е. Феськова

Я был взят в плен 6 ноября 1914 года под городом Лодзью германцами. После взятия в плен нас, пленных различных частей в количестве 300 человек, собрали вместе. Охранявшие нас конвойные приступили немедленно к отбиранию у нас шинелей, сапог, денег и

вообще всяких вещей и съестных припасов. Меня в числе других пленных отправили в лагерь Бранденбург, где я оставался 7 месяцев и был затем направлен в город Ферзен. Здесь я работал у крестьян на сельских работах, с которых и бежал, но неудачно. Отсидев за побег трое суток в холодном погребе в одной рубашке, без пищи и платья, я был назначен на снарядный завод в том же городе.

Проработав в нем одну неделю, решил не только сам отказаться от дальнейшего изготовления снарядов на врага, но и подговорил к забастовке товарищей. Мои уговоры подействовали. Работавшая на снарядном заводе партия в 40 человек наших пленных устроила забастовку. Немецкий офицер собрал часовых и велел им избивать нас прикладами, пока мы не попадали все на землю. После чего нас стали топтать ногами. Меня как зачинщика офицер вызвал в отдельную комнату и здесь, угрожая заряженным револьвером, потребовал прекратить пропаганду. На мои возражения, что нам не полагается работать над изготовлением снарядов, ударил тупым концом шашки по руке и, повалив на пол, стал топтать ногами. После этого продолжали избивать конвойные. Мне пришлось, таким образом, с товарищами снова приняться за изготовление снарядов на заводе в Ферзене. Отсюда я сделал вторичную попытку бежать и 26 октября 1916 года благополучно прибыл на голландскую границу.

(л. № 2638/3202)

* * *

Из показания рядового А. И. Селивоненко

11 ноября 1914 года, когда германскими войсками была окружена вся 6 Сибирская стрелковая дивизия, я находился в местечке Брезин, около города Лодзи. Находился я в рядах 21 Сибирского стрелкового полка. Наш полк дрался с неприятелем до позднего вечера, много было убитых и раненых, так что в составе полка осталось очень мало людей. Я, в числе других тридцати солдат, был со всех сторон окружен германцами, и все мы были взяты в плен; сопротивляться не могли, так как уже не было патронов. После пленения нас отправили в лагерь в Гетинген, а затем перевели в лагерь Ван. Из лагеря нас перевезли в город Аахен, где заставляли работать на заводе, изготовлявшем снаряды. Узнав, что на заводе изготавливаются снаряды, мы, пленные, отказались работать. За отказ работать нас били и подвергали истязаниям: подвешивали к столбам, сажали в холодную воду и натирали жесткой щеткой с песком; сажали также в подвалы и лишали пищи в течение 2—3 суток...

Германские солдаты обращались с пленными жестоко, часто без причин били прикладами, палками и резиновыми жгутами. Когда нас вели в лагерь для пленных, то в течение 7 дней дали только по одному фунту хлеба. Конечно, нас всех мучил голод, а потому пленные по пути старались что-либо добыть. Попадался по дороге картофель, и если пленные его брали, то германские солдаты били их прикладами. Даже были случаи, когда стреляли из винтовок. Так, однажды было убито 5 солдат и один исколот штыками.

(л. № 1710/1916)

* * *

Протест голландского рабочего Иоганна Синьет против жестокого обращения с русскими военнопленными на заводе Круппа. 30 августа 1915 года (перевод).

Нижеподписавшийся Иоганн Синьет, уроженец Маастрихта (Голландия), был свидетелем того, что в Рейнхаузене в Германии, где он работал в июле месяце 1915 года, германские солдаты жестоко обращались с русскими военнопленными, работавшими там в филиальном отделении Круппа, нанося им удары в лицо ружейными прикладами.

Равным образом был он, а также и его товарищи, свидетелями того, что военнопленные привлекаются к наиболее тяжелой и опасной работе на фабриках.

Равносителен также глумлению способ, каковым обозначены эти пленные: на куртках и на брюках их нашивались серые полотняные полосы и, помимо этого, на спине и животе прикреплялись крупные бляхи с номерами.

Нижеподписавшийся протестует против вышеизложенного и просит русское правительство оповестить об этом протесте нейтральные государства, — быть может, это поведет к изменению этих порядков.

(л. № 742/911)

* * *

*Из показания старшего унтер-офицера А. Н. Степанова.
24 октября 1915 года*

* * *

Немцы обращались с нами, русскими военнопленными, очень сурово: держали целыми часами на дворе в ожидании приказа, гоняли с мешками, наполненными песком и т. д. Наказание это назначалось за отказ ехать на заводы Круппа и продолжалось неделю по 4 часа в день. Ослабевших подгоняли пинками.

(л. № 356/491)

* * *

Из показания ефрейтора Н. П. Булгакова

14 мая 1915 года меня, вместе с другими пленными, вывели на работы в местечко Грабово, расположенное на германской территории против Калишской губернии, где нам, в числе 600 человек, приказали рыть окопы для германских войск. Когда мы все единогласно заявили, что такая работа была бы равносильна измене своей родине, а потому рыть окопы отказываемся, то нас немцы начали бить как только им хотелось. Нас привязывали веревками к столбам, обмотанным проволокой; проволока врезалась в тело; били палками до потери сознания. Таким истязаниям подвергся я сам лично и многие другие русские военнопленные.

(л. № 845/858, л. 17)

* * *

Из показания рядового Я. И. Каличкина. 8 августа 1915 года

Русских пленных, в числе которых находился и я, немцы отправили в Калиш и там заставили рыть траншеи и вообще производить разные окопные работы; пленные от этих работ отказывались. Тогда было выделено несколько пленных и приказано ложиться по 4 человека на землю рядом. Началось избивание палками. Человек 10 умерло от этих побоев. Я сам видел в Пархиме, куда нас потом поместили в лагере, этих калишских страдальцев: между нами были и подпрапорщики, и унтер-офицеры; на руках, спинах, на всем их теле были следы жестоких побоев. После побоев пленные отказались от пищи и 6 дней голодали. Немцы на 7 день стали их искусственным образом кормить и потом отправили в Пархим.

(д. № 398/537)

* * *

Из показания ефрейтора В. И. Захарченко

24 ноября 1914 года я был взят в плен австрийцами в Стороженце, на реке Серет. По взятии в плен я был отправлен сперва на перевалочный пункт в Быстрицу, затем в город Коложвар, оттуда в лагерь Минц и, наконец, в Мархтренк, куда я прибыл 4 марта 1915 года. 21 мая того же года комендант лагеря выделил из каждого барака по 23 человека и всех, в количестве около 500 человек, собрал в отдельный барак для обмундирования. В число этих пленных попал и я. Когда одежда была выдана, комендант объявил нам, что мы будем отправлены на родину, и 23 мая, в сопровождении духового австрийского оркестра, нас вывели из лагеря и привели на станцию Мархтренк, где посадили в вагоны для отправки, как говорили, на родину. Слова австрийского коменданта оказались обманом, и через двое суток мы оказались в Бреннербаде, на итальянской границе.

На следующее утро после нашего прибытия нам скомандовали строиться, а сопровождавший нас комендант Мархтренка приказал нам идти неизвестно куда. Пройдя около двух верст, мы были остановлены. Нам роздали кирки и лопаты и объявили, что должны приступить к работам по проведению шоссе. Однако, мы увидели, что на земле вычерчены окопы и поняли, что нас принуждают к военным работам. Тогда 500 человек пленных из Мархтренка и привезенные вместе с нами столько же человек пленных из Зальцбурга, которых посадили в наш поезд накануне в Инсбруке, наотрез отказались работать и просидели до вечера не приступая к работам. Нас отправили обратно, а на следующее утро, несмотря на уговоры коменданта, заведывавшего работами в Бреннербаде, мы отказались выйти из барака. По приказанию коменданта конвойные выгнали нас прикладами на плац перед бараком и выстроили в два ряда. Комендант обратился к нам с речью, в которой сказал, что если мы не выйдем на работы, то будем расстреляны. Несмотря на такие угрозы, мы вновь отказались от работ. Конвойные пытались прикладами вытолкать нас на работы, но это им не удалось, и все мы (около 1000 человек) вернулись обратно в барак, где просидели до вечера без всякой пищи.

На следующий день нас вновь выгнали на плац, причем с четырех сторон окружили конвойные. Кадеты держали винтовки на изготовку, угрожая расстрелом. Стоя с обнаженной шашкой, поручик требовал, чтобы мы вышли на работы. Но мы опять-таки отказались выйти на работу. Тогда поручик выделил из нашей среды 4 правофланговых, приказал им выйти перед фронтом и к каждому приставил четырех конвойных. В числе этих четырех пленных были один прапорщик (фамилии я не знаю), старший унтер-офицер Башта, младший унтер-офицер 45-го Азовского полка Духанов и один рядовой, мне неизвестный. Всех этих четырех куда-то увели, как говорил комендант Бреннербада на расстрел, причем он угрожал, что и нас постигнет та же участь в случае дальнейшего упорства. Тем не менее мы отказались выйти на окопные работы. Тогда комендант Бреннербада выделил еще 16 человек пленных, которых куда-то увели под конвоем. Нас же загнали обратно в барак, где продержали два дня без пищи.

29 мая нас вновь выгнали на плац и опять окружили конвоирами. После бесконечных издевательств, голода, часть пленных вынуждена была пойти на работы. Я же остался в числе тех товарищей, которые все-таки не подчинились требованию неприятеля. Утром 30 мая нас вывели из барака на плац, причем к нам присоединили тех 16 человек, которых увели накануне.

Из нашей среды было отобрано 60 пленных, которых по приказанию поручика увели, как потом оказалось для того, чтобы подвешивать к столбам. Осталось нас около 350 человек. Мы стояли у стены барака, перед нами была река, а с боков стояли кадеты с ружьями на изготовке. Один из наших унтер-офицеров вызвался говорить с комендантом, причем сказал, что на работу мы не выйдем и не боимся расстрела. В это время подъехал автомобиль, из которого вышел пожилой офицер, повидимому, в штаб-офицерском чине. Узнав, что мы отказываемся от работы, он велел расстрелять каждого десятого пленного. По его приказанию конвойные вывели из рядов 4 человек, из которых я знаю одного моего земляка, крестьянина Херсонской губернии, Александрийского уезда, посада Прага Ивана Нищененко.

Поручик с саблей в руках и 4 солдатами с заряженными винтовками перешли через мост, перекинутый через речку, и к ним был подведен один из присужденных к расстрелу четырех наших товарищей. Он стал лицом к нам, перекрестился и на вопрос приехавшего штаб-офицера «согласен ли он работать», громко ответил: «нет». Тогда поручик махнул саблей и 4 кадета одновременно выстрелили в пленного с расстояния не более 3 шагов: двое в лоб и двое в грудь. Смерть последовала моментально. Также были расстреляны и трое остальных, причем третьим был расстрелян Нищененко.

После расстрела к нам привели 4 пленных, уведенных от нас накануне. Один из них, прапорщик, сказал нам: «Ребята, пусть всех расстреливают». Этот прапорщик имел все 4 степени Георгиевского Креста. Пленные молчали. Неприятельский офицер приказал вывести на расстрел еще одного пленного. Он был сибирский стрелок, фамилии его я не знаю. Его перевели через мост, кадеты завязали ему глаза, затем изготовились к стрельбе, но в это время около 200 человек пленных согласились идти на работу. Офицер крикнул: «развязать пленному глаза» и отпустил его.

Пленные, согласившиеся идти на работы, были уведены, а мы, около 150 человек и 60 человек, уведенных от нас утром, а теперь вновь присоединенных к нам, были заперты в барак. Там 60 человек наших товарищей рассказали нам, что их подвешивали к столбу, но они все-таки не сдались. Мы все решили лучше умереть, чем изменить родине. 31 мая утром мы, наконец, не выдержали тяжелых мучений: вышли из барака и заявили, что согласны пойти на всякую работу кроме окопной. Нас отправили на работы по проведению шоссе.

4 сентября я бежал из плена в Италию.

(Л. № 607/769)

* * *

Из показания рядового А. Б. Алифанова. 7 января 1916 года

Один оренбургский казак по фамилии Ключин отказался участвовать в партии, которая отправлялась австрийцами рыть окопы на фронт. Ключин заявил, что рыть окопы против России он не может. Никакие уговоры и угрозы на Ключина не подействовали. Тогда по приказанию неприятельского офицера Ключину связали на спине руки веревкой и повесили на столб в виде креста. По столбу этого креста тело Ключина спускалось, а руки, связанные и обхватывавшие сзади спины столб, выше поперечной перекладины, не пускали тело опуститься до земли, и ноги нехватили до земли на четверть. В таком положении держали по два часа в сутки в течение 10 дней. Ключин страшно страдал от этой пытки, но рыть окопы против России все-таки не соглашался.

Когда, после десятого подвешивания Ключина, измученного, сняли с креста, и он, обессиленный, упал на землю, то его спросили, согласится ли он теперь рыть окопы. Ключин ответил: «Хоть убейте меня, помру, но рыть окопы против своих не пойду». Тогда австрийские солдаты в присутствии фельдфебеля начали бить Ключина прикладами и палками. После избития у него руки и спина были черные, он был чуть живым, но решения своего не изменил.

Когда я ушел из барака как инвалид, то написал Ключину письмо для родных, в котором он описывал пытку. Это письмо я спрятал под подошву, а впоследствии передал его жене Марии Ключиной.

(Л. № 810/991)

* * *

Из показания ефрейтора А. Ф. Гиджинского. 6 марта 1916 года

Я знаю случаи принуждения немцами русских пленных к постройке окопов в Бельгии. В Лимбургском лагере я виделся и разговаривал с двумя пленными пехотинцами (фамилии их я не знаю), которые рассказывали мне, что они попали в плен здоровыми. Их послали рыть окопы в Бельгии, на что они не согласились. Тогда их заперли в доме с железными решетками и дом этот подожгли. Пока успели пленные выломать решетки, многие из них погибли. Некоторым удалось выпрыгнуть из окон второго этажа, и они при падении переломали себе ноги и вообще получили увечья. В числе таких были и те два пехотинца, с которыми я виделся.

(Л. № 1359/1532)

Из письма унтер-офицера И. Меркулова

В сентябре 1916 года в лагере Маннгейм был сформирован батальон из разных лагерей в 1000 человек... На третий день после формирования батальон был выстроен, и комендант лагеря через переводчика начал говорить, что вот вы поедете на французский фронт на работу, должны работать добросовестно. Наши герои категорически отказались, заявляя, что не поедут на фронт на работу, не поедут рыть окопы, также и городить проволочные заграждения против своих братьев и союзников, так как они не враги своим братьям и союзникам, не изменники своей родине, любят свою родину больше всего. При этом они заявляли, что лучше помрут, но не поедут. Комендант начал уговаривать пленных, но ничто не помогло. Тогда комендант начал угрожать расстрелом и жестоким подвешиванием к столбу, что будет резать кусками тех, кто не поедет на фронт на работу, будет сажать в тюрьмы и крепости, будет морить голодом, пока не поедут на фронт на работу. Ни на какие угрозы пленные не обращали внимания.

Комендант приказал позвать конвой. Через полчаса прибыл конвой в составе роты. Было приказано загнать по баракам людей и поставить часовых возле дверей, что и было сделано.

Часовые запрещали смотреть в окна.

Блок, в котором я находился, был расположен рядом с тем блоком, где происходили зверские расправы немцев над пленными. Я своими глазами видел и своими ушами слышал, что за зверства были со стороны немцев-кровопийцев. Когда прибыл конвой, окружил бараки кругом, комендант приказал зарядить ружья, что и было сделано.

Началась ужасная кровавая картина. Комендант передал через переводчика-немца: «Кто хочет ехать на работу — два шага вперед, шагом марш». Никто не вышел. Тогда комендант вторично повторил через переводчика и добавил, что если пленные не послушаются его приказания, то будут девять отсчитывать, а десятого расстреливать. На это приказание раздался дружный ответ: «Нет, не поедем!» Были слышны и такие голоса: «Помрем, но не поедем на фронт рыть окопы и городить проволочные заграждения против своих братьев». Разъяренный комендант приказал бить прикладами и колоть штыками пленных. Конвойные набросились, как кровожадные звери, на свою добычу, нанося уколы штыками и ударяя прикладами. Палачи со смехом говорили: «гевер хельфт» — т. е. винтовка поможет.

После получасовой бойни начали убирать раненых и убитых. Четыре наших товарища были взяты на кухню, — один вольноопределяющийся и три солдата, и куда они делись никто не мог узнать; фамилий этих страдальцев я не знаю. Избитые до полусмерти, некоторые из военнопленных вынуждены были согласиться отправиться на фронт. Нам было запрещено вести переписку с родными. 20 человек были преданы суду за то, что не хотели ехать на работу. В январе 1917 года они были привезены в лагерь Маннгейм, и 23 января с. г. в городе Карлсруэ военно-полевым судом разбиралось их дело. 23 января 1917 года им было дано каждому по 15 лет тюрьмы.

Из показания рядового 8 королевского Дублинского фузильерного полка В. Уарда (перевод). 3 октября 1916 г.

В бытность мою в Маннгейме в соседнем с моим отделением находилось около 700 русских пленных. Я часто посещал их; они говорили мне, что страдают от голода... Часто я видел, что германцы жестоко обращались с русскими в Маннгейме: их били, толкали, опрокидывали и зачастую били ногами.

2 октября 1916 года я был разбужен в 5 часов 30 минут утра криками, доносившимися из русского отделения. Я встал с постели и, подойдя к двери, увидел русских выстроившимися, окруженными германским конвоем в полном вооружении с примкнутыми штыками и в походном снаряжении. Я увидел, что командующий офицер выступил вперед и обратился к русским. Один из русских выступил вперед и что-то сказал. Тогда человек двенадцать германских солдат потащили его на кухню; по пути его подгоняли пинками и били. Его товарищи подняли крик, протестуя против дурного обращения. Около 50 из них были схвачены, избиты прикладами и получили штыковые уколы.

Другого человека схватил германский офицер и бил его саблей плашмя по голове и плечам, пока тот не упал. Тогда офицер нанес русскому несколько уколов своей саблей. Мы все закричали, протестуя против этого, и тогда человек 8 или 10 из конвоя вошли в наше отделение с примкнутыми штыками. Они подошли к тому месту, где мы были, и заставили нас закрыть окна. Мы принуждены были оставаться в барачном помещении с приставленными снаружи часовыми в течение около получаса. Тогда мы увидели около половины всех русских, выходявших группами по 15—20 человек под сильным конвоем. Шестеро из наших людей, работавших на почте, видели, как их посадили на поезд, следовавший во Францию (к французской границе).

Вечером 2 октября священник подошел к провололочной ограде отделения и сказал нам, что русских выстроили, и германский офицер спросил их, согласны ли они отправиться работать на французский фронт, и когда они ответили отказом, произошла та сцена, которую я описал. Вместе со мною описанный инцидент видели еще 64 британских солдата...

3 октября по дороге на станцию в Маннгейме я видел следы крови по всему пути от отделения. Это была та самая дорога, по которой накануне провели русских.

(л № 2567/3100)

Письмо интернированного в Швейцарии бельгийского унтер-офицера Е. Тассье на имя русского посла в Париже (перевод). 19 декабря 1916 года

Господин Посол,

Честь имею довести до сведения Вашего о совершенном 2 октября 1916 года в Маннгейме (в вел. герцогстве Баден) зверстве, гнуснейшем из всех имевших там место.

Около 26 минувшего сентября в Маннгейм прибыли приблизительно 300 русских солдат (в том числе и унтер-офицеры) с французского фронта, где должны были работать в пользу наших врагов.

1 октября с. г. немцы, собрав по переключке русских, объявили им, что на следующий день рано утром они будут отправлены на север Франции. Все русские, переговорив между собой, решительно отказались, заявив, что считают, что работать на германском фронте — это действовать во вред своей родине. В наказание за это их лишили пищи. Хотя наши бараки и были отгорожены от русских барачков колючей проволокой, нам все же удалось передать русским сухари, хлеб, консервы и т. п. Двум унтер-офицерам удалось с помощью переданных мною им карт и компаса, бежать в Швейцарию, оттуда они мне писали, что возвращаются на фронт.

На следующий день, 2 октября, в 4 1/2 часа утра, часовые разбудили названных 300 русских и в 5 1/2 часов их с унтер-офицерами во главе собрали на лугу близ барачков. Тогда началась Варфоломеевская резня: им задали один лишь вопрос, на который они должны были ответить только «да» или «нет», а именно: «согласны ли идти на работу?». Унтер-офицеры, проходя мимо германского офицера один за другим, не дожидаясь вопроса, громко кричали «нет». Офицер жестом указывал своим палачам на намеченную жертву, и эти звери схватывали чинов унтер-офицерского звания и шибали их с ног прикладами, сабельными ударами или просто ногами и затем били их на глазах всего отряда. Звери вюртембергцы штыками кололи несчастных, лежавших на земле, в спину, в ноги, заставляя их кричать от боли, чтобы склонить остальных к покорности. Эти жестокости продолжались с 5 часов 45 минут до 7 часов 15 минут. Около 60 сваленных в кучу человек солдат и унтер-офицеров подвергнуты были этой пытке. Германский офицер-зверь взобрался на эту гекатомбу и прошелся по ней, нанося вправо и влево удары саблей этим несчастным. После этого пять человек из особенно тяжело раненых пленных поволокли в один из барачков (немцы тащили их за ноги). Убитые были оставлены на месте, раненые отправлены в лазарет. Видя такую ярость врагов, несчастные покорились, и тогда их немедленно отправили на станцию. Оставшиеся раненые были посажены на подводы и посланы вслед уже отправленной партии. Во время доставки в лазарет чуть не прикончили одного из этих несчастных; столб, к которому он прислонился, стал красным от крови.

Генерал, узнав об этом происшествии, наказал и нас за то, что мы открыто возмутились немцами во время их гнусной работы. Часовые с прижатыми к ружьям штыками преследовали нас во время этой резни. На следующий день был издан приказ, который, с выражением сожаления по случаю разыгравшегося печального происшествия, содержал похвалу по адресу германских солдат: «Благодаря проявленному солдатами хладнокровию — писалось в этом приказе — оказалось возможным избежать прискорбных событий». Это ложь и клевета. Немецкое зверье выказало в полной мере все свое варварство, всю свою жестокость. Немецкие офицеры запятнали человеческой кровью свои шпаги, которые они недостойны носить. Нами сделано было все возможное, чтобы притти на помощь нашим братьям

по оружию, но, к сожалению, вооруженная сила взяла вверх и принудила их изменить принятое решение.

Примите, Господин Посол, выражение моего совершеннейшего почтения.

Тассье Евг.

* * *

*Заявление старшего унтер-офицера М. Ф. Чуба, канонира
Н. Г. Малюженко и ефрейтора К. И. Якобсона*

В Центральный Комитет Союзов бежавших из плена солдат и офицеров, 27 июля 1917 года.

Просим вас, товарищи, довести до сведения русского правительства и всего русского народа о немецких бесчеловечных зверских и злодейских жестокостях.

2 мая 1916 года к нам с французского фронта в лагерь Гермерзгагем был доставлен 33 рабочий батальон из русских пленных в количестве 1500 человек... Они были доставлены оборванными, босыми, измученными и истощенными. Летом их распределили по крестьянским работам и по работам на шахтах и снарядных фабриках.

9 сентября 1916 года их собрали всех вновь и объявили им, что 13 сентября их опять отправят на фронт против французов. Пленные заявили, что на фронт ехать не могут и просили назначить их на какие-нибудь работы, на что немцы ответили: «не вы нами управляете, а мы вами», поэтому пленные обязаны ехать туда, куда их посылают немцы. 13 сентября мы узнали, что 33 батальон объявлен на военном положении. Пленные из указанного батальона были собраны и построены в две колонны, которые окружил батальон немецких солдат. Когда пленные и на этот раз отказались поехать на фронт и запели русский гимн, по построенной колонне был дан залп, после которого немцы пошли на пленных в штыковую атаку, от которой пострадали убитыми на месте более 70 человек и ранеными около 80 человек, из которых сорок человек вскоре умерло. При этом считаем необходимым отметить жестокий случай с одним пленным унтер-офицером из указанного батальона. Он был подвергнут предварительному аресту, а во время штыковой атаки его немцы вытащили из камеры, избили. Когда унтер-офицер упал, то присутствовавший немецкий лейтенант наступил ему на горло и засыпал рот песком, отчего пленный задохся тут же на наших глазах (фамилия унтер-офицера нам неизвестна, так как после этого нас не допускали общаться с 33 батальоном)...

После этой варварской расправы немцы засыпали окровавленное место землей и заявили: «собакам собачья и смерть». На это проклятое оскорбление мы, русские солдаты, могли ответить только беспомощными слезами. Вследствие столь злодейской немецкой жестокости, оставшиеся в живых товарищи вынуждены были поехать работать на фронт, во вред своим братьям.

Тягость работ на фронте немцы особенно усугубляют тем, что не допускают туда никаких посылок и даже писем.

Когда мы убегали, то наши товарищи умоляли нас сообщить обо всем ужасе, в надежде найти на родине помощь и защиту...

Сказанное нами свидетельствуется собственноручной нашей подписью.

(ряд IX. 1917, л. 18—19)

* * *

В немецких лагерях для военнопленных царил повоальный тиф

*Из показания младшего унтер-офицера А. А. Распопова.
2 октября 1915 года*

От голода в Кассельском лагере вспыхнул тиф. В лагерь были присланы для ухода за больными русские пленные врачи, но они также все переболели тифом. Умирало в день по 100 человек. Больные в бараках лежали вместе со здоровыми. Одно время было так много больных, что некому было ухаживать за тифозными. Я переболел тифом 1½ месяца. Когда тиф достиг больших размеров, почти все немецкие солдаты покинули лагерь, остались только часовые, которые стояли вне лагеря, за проволочными ограждениями... От эпидемии тифа в лагере умерло около 4000 пленнх.

Немцы выделили из среды наших пленнх 50 человек и возложили на них обязанности рыть могилы и закапывать умерших. За эту работу им выдавали по лишнему черпаку супа. Хоронили умерших шагах в 50 от проволочных ограждений вне лагеря... Иногда умирало в день так много, что могильщики не успевали рыть могилы, и умершие оставались непогребенными несколько дней.

(л. № 753,923)

* * *

Из показания ефрейтора М. И. Рудзь

В плен к немцам я попал под Гумбиненом, при отступлении наших войск 29 августа 1914 года. От продолжительной ходьбы у меня заболели ноги, и поэтому я не мог поспеть за своими и отстал. Когда я лежал, то меня обнаружила собака, которых у немцев много. Затем подъехал ко мне кавалерист и, несмотря на то, что я лежал, ударил меня пикой в голову.

Будучи отведен в Гумбинен, я там застал больше 100 русских пленнх... В Гумбинене нас поставили всех лицом к стенке какого-то здания, а затем приказывали не поворачивать головы. За неисполнение этого двух наших убили. Так мы простояли целый день... Многих из нас избили так, что все лицо было залито кровью... Из Гумбинена нас этапным порядком отправили в какой-то городок, откуда по железной дороге привезли в Шнейдемюль, где нам отвели плац в 8—10 десятин. Отгородили его колючей проволокой и часовых вокруг поставили. Никаких построек на плацу не было и вообще там приспособлений для жилья не было. Уже потом мы сами стали рыть в земле ямы, покрывая их сучьями и соломой, чтобы как-нибудь

укрыться от непогоды и согреться, потому что у нас почти никакой одежды не было — все немцы забрали. Кормили только столько, чтобы не умереть, хотя все-таки ежедневно от голода умирало человек 30...

Среди пленных свирепствовал тиф, а затем появилась и холера. Медицинской помощи нам никакой не оказывали. Тифозных и вообще больных запирали в отдельный барак, где они валялись и умирали без всякой помощи.

Наказывали за малейшую провинность. Привязывали к столбу, причем иногда раздевали догола часа на три, а то и больше. Били кнутами, сделанными из проволоки, а то и просто палкой. 6 декабря меня перевели в город в лазарет в виду болезни ног. Там мне ампутировали обе ноги.

(л. № 247/154)

* * *

Из показания унтер-офицера И. И. Кудряшева

1 и 2 октября 1914 года я в числе около 200 пленным прибыл в Бранденбург и был помещен в лагере в верстах в 4 от Бранденбурга. В этом лагере в трех дощатых бараках было около 11000 человек пленным, из них человек 100 французов. Многим нехватило места в бараках, и они располагались под открытым небом на соломенных тюфяках. Местность была сырая, погода стояла холодная. Кормили нас плохо, давали не больше $\frac{1}{2}$ фунта недоброкачественного хлеба, 2 раза болтушку, сперва из кукурузной муки, потом стали давать из каштановой муки, костяной и 1 раз похлебку, которая состояла из той же болтушки с примесью или неочищенной картошки или крупы. Спали на полу, на соломенных тюфяках, в сырости.

В бараках скопилось так много испарения, что пар осаживался на потолке и оттуда стекала вода, так что мы все время были как бы под дождем. В виду таких условий развился повальный тиф, переболело им до 9000 человек, из них умерло 1000 человек. Немецких врачей не было в лагере, лечили больных наши же пленные врачи. Из врачей от тифа умерло 5 человек. Заболел тифом и я. Сколько времени я болел — точно не помню, был долго без сознания. Когда пришел в себя, то увидел, что ноги мои почернели, распухли, появились в них черви. Никаких хирургических инструментов и лекарств немцы не отпускали. Наши врачи сами на свои деньги покупали лекарства и инструменты.

В лагере мне отняли обе ноги.

(л. № 923/1124)

* * *

Из показания рядового Н. К. Сергеева. 30 января 1916 года

Голодно и холодно было нам в Бранденбургском лагере. Солдаты копались в сорных ямах, выкапывали оттуда отбросы: шелуху от картофеля и бураков, варили эту снесь. Немцы стали обливать ямы известью. Это средство не помогало. Тогда немцы оградили ямы ко-

лючей проволокой. Вследствие голодовки в лагере развились болезни, главным образом голодный тиф. Умирало в бараках по 12—13 человек в день. Всего в Еранденбургском лагере было до 11000 пленных и в продолжение 10 месяцев там умерло 850 человек. Когда началась сильная смертность, немецкие конвойные ушли из лагеря и сообщались с нами, т. е. выдавали пищу, письма и проч. в особые окна. Немецкие врачи больных пленных не лечили.

(д. № 923/1124)

* * *

Из показания рядового 95 пехотного Красноярского полка В. Х. Сычева

6 ноября прошлого 1914 года под Лодзью наш батальон был окружен неприятелем, который многих перебил, а остальных взял в плен. Я попал в плен не будучи раненым. Отправили меня в лагерь для военнопленных в Бранденбурге, где я и пробыл до возвращения в Россию. Помещались пленные в лагере в дощатых бараках, которые почти не отапливались и в которых поэтому было очень холодно. Кормили очень плохо. В декабре месяце от холода и голода я заболел тифом и, лежа в беспамятстве, отморозил себе обе ноги, так что мне пришлось потом отнять половину правой ступни и пальцы левой ноги. Больных тифом было в лагере много; многие из них совсем замерзли, более 100 человек отморозили ноги, которые потом у них отняли. Врачи и санитары в лагере были у нас свои русские и на уход с их стороны пожаловаться нельзя, но они ничего не могли сделать, так как больных было очень много.

В лагере с пленными обращались сурово; все германские солдаты-конвойные имели плети, которыми наносили удары по всякому поводу. Мне приходилось видеть, как пленных ставили «под кирпичи», т. е. заставляли часами стоять, держа в руках 5—6 кирпичей.

(д. № 923/1124)

ИЗОЩРЕННЫЕ ПЫТКИ НЕМЕЦКИХ САДИСТОВ НАД РУССКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Немцы превращали пленных русских солдат и офицеров в рабочий скот

Из показания рядового А. И. Антипаева. 2 октября 1915 года

В лагере Бранденбург с пленными обращались зверски жестоко, били чем попало: прикладами, палками, привязывали к столбам, ставили на 2 часа с 6 кирпичами в руках, заставляли по часу ползать на четвереньках, на поверке в холод, на снегу держали босых «смирно» и многие люди падали от этого мучения. У города Лимбурга, когда нас назначили на работы на завод у Аахена, по дороге я видел, как немец пахал плугом землю, причем в плуг было запряжено 4 русских и 4 французских пленных. В Бранденбурге от изнурения умерло за 3 месяца более 1000 человек, а пленных там было 11000 русских и 150 французов.

(д. № 923/1194)

* * *

Из показания рядового Т. А. Зубарева

Находясь в лагере Гаммерштейне, я сам видел, как немцы летом 1914 года пахали поле на наших пленных: запрягали 12 человек в плуг, а тринадцатого заставляли управлять плугом. Тут же находились немецкие фотографы, которые снимали запряженных в плуг русских.

(д. № 393/537, т. II)

* * *

*Из показания старшего унтер-офицера А. А. Горового.
6 августа 1915 года*

Всех пленных принуждали работать: собирать камни, мостить мостовые, пахать землю, причем самих пленных впрягали в плуги и бороны. Если кто опаздывал на работу, тех гнали, били тесаками и шашками плашмя или рубом — тупой стороной. За малейшее непослушание — курение в палатах табаку — лишали на день хлеба, а потом стали бить палками, ударяли столько раз, какое было число месяца, так 20-го били 20 раз; привязывали за руки и за ноги к столбу и в таком положении заставляли стоять два часа.

(д. № 347/154)

Травли пленных собаками

Из показания подпрапорщика Е. С. Надсадина

2 ноября 1914 года у М. Дубровицы я был ранен в голову и взят в плен германцами; после лечения в городе Броберге я был помещен в лагерь в городе Альтдамме. Здесь очень скверно кормили и еще хуже обращались: били плетьюми, травили собаками, выгоняли на работы даже больных. Я хорошо знаю, что у немцев были особенные дрессированные собаки, которых по утрам впускали в бараки, и они рвали русских военнопленных, не желавших почему-либо итти на работы. Я сам видел, как однажды, в октябре прошлого года, три наших солдата, фамилий их не знаю, спрятались, не желая итти на работы по рытью окопов. Немецкий унтер-офицер стал травить собаками этих солдат, а затем прибежал ефрейтор-германец и штыком нанес всем трем раны.

(д. № 749,919)

* * *

Из письма врача подвижного госпиталя Петропавловского

В лагере военнопленных солдат в Бурге находится один англичанин, 19 французов и более 10.000 русских солдат. Живут они в дощатых сараях, разбитых на поле, спят на стружечных матрацах на полу, кормятся крайне скудно, днем они постоянно на воздухе, постоянно получают удары палками, за малейшую провинность их привязывают к столбу на несколько часов для потехи немецкого караула или сплошь и рядом травят собаками. Только на днях устроен душ и то довольно холодный, а то до сих пор нельзя было мыться. Белья нет. Вследствие грязи сильно распространены вши, чесотка, глазные заболевания. У многих нет шинелей, которые у них были отняты... Заболевания простудного характера очень распространены; обостряются хронические заболевания; сильно развито общее малокровие, вследствие недостаточного питания. Амбулатория поставлена скверно, лекарств, кроме аспирина, доверова порошка и валериана, нет, да и этого очень мало. Перевязочных средств почти не дают; раньше пробалялись нашими русскими пакетами, а теперь их уже нет. Раны заживают крайне скверно и медленно. Никакой асептики не признается, все делается грязно и скверно. Нас к операциям не допускают. Знания у здешних немцев плохи, многому их пришлось учить...

(д. № 175/178, л. 6)

* * *

Из показания учителя Р. М. Писульского. 29 сентября 1915 года

Немецкие офицеры доставляли себе удовольствие травить собак на пленных (лагерь Штаргард). Иногда эти офицеры приходили в лагерь с барышнями, и тогда уже всегда для потехи вызывались собаки и их натравливали на пленных; собаки бросались на пленных, рвали одежду и кусали до крови, а офицеры и барышни хохотали. Этим же барышням показывали наших пленных, выводя их полуго-

лыми из барачков на мороз. Зрители хохотали и называли наших пленных нищими и оборванцами. Поневоле будешь оборванцем, когда немцы отбирали у наших пленных все и оставляли им лишь рваное платье и сапоги.

(д. № 644/800)

„Плаха“

Из показания рядового Н. А. Кубаева

Я был взят в плен 2 декабря 1914 года близ города Сохачева. Взяли нас немцы в плен целую партию, около 400 человек, и погнали пешком. Шли мы 5 суток останавливались для отдыха только по ночам. Кормили нас не каждый день и давали только немного хлеба и сырого картофеля. Затем одну ночь мы ехали запертые по 70—80 человек в вагоне. Утром нас привели на открытое место, покрытое снегом. Это был лагерь «Тухли». Здесь, в поле, мы прожили на открытой земле больше месяца.

Дисциплина в лагере была суровая, — за каждый пустяк сурово наказывали. Часто часовые били нас без всякого повода. . . Мы всегда голодали, но если пленный прятал одну-две картофелины, его наказывали «плахой», т. е. ставили возле часового и заставляли держать на одном плече без перемены длинное бревно в 2½ пуда. Потом «плаху» заменили другим наказанием: подвешиванием при помощи колец на проволочных ограждениях. Еще применяли такие наказания: заставляли бегать по два часа или ставили на колени. Но часовые и без назначенного наказания сами с нами расправлялись. Так, перед пасхой в 1915 году часовой застрелил одного пленного за то, что он взял картофелину из вагонетки. Еще раньше был такой случай: немцы привезли в лагерь солому для подстилки, мы разобрали один воз, но видим, что мало, и хотели разобрать другой воз. В это время немецкий караул открыл по нас огонь и больше 10 человек пленных были убиты.

(д. № 1645/1843)

Подвешивание к столбу

Из показания бомбардира С. К. Рынгач

В январе 1916 года, когда я находился в германском лагере в городе Циндале, со мной был такой случай: переводчик, рассердившись, хотел ударить меня рукой по лицу. Я, не удержавшись от гнева, нанес ему удар. Переводчик упал на землю. Пленным было приказано, что если будет бить переводчик, то стоять перед ним, как перед офицером, и не рассуждать. После нанесенного мною удара переводчику явился немецкий унтер-офицер, пошел в канцелярию и принес оттуда веревку толщиной в палец. Веревкой этой зацепил меня за руки и повел к столбу, закопанному возле лагеря. Около столба на земле лежали три кирпичи, на которые он велел мне встать. Когда я встал на кирпичи, прислонившись к столбу, то унтер-офицер привязал меня веревкой к столбу, начав привязывать с ног и кончив около шеи. Окончив привязку, немец оттолкнул кирпичи в сторону, и я повис. Мне сделалось плохо, — тяжело было дышать. Таким путем я висел приблизительно около двух часов. Около меня был часовой-поляк,

который спросил меня, за что меня повесили. Я понимаю по-польски и ответил ему. Когда мне сделалось дурно и появилась рвота, то часовой, пощупав мой пульс, заплакал и пошел дать знать дежурному врачу-немцу. Явился врач, пощупал мой пульс, велел отвязать, и я упал на землю без сознания.

Перенесли меня после этого в околодок, где я пролежал трое суток.

(Л. № 1602/1793)

* * *

Из показания рядового М. И. Проскурякова. 31 октября 1915 года

Обращение с русскими пленными австрийских солдат было очень жестокое. В лагере Эстергом нас били прикладами, палками за всякую ничтожную провинность. Провинившихся привязывали к столбу и подтягивали через кольцо, ввинченное наверху столба так высоко, что ноги едва касались земли. В таком положении подвешенный должен был оставаться 2 часа. Вскоре у подвешенного сильно синело лицо, из носа и рта показывалась кровь, и он лишался сознания. Тогда подвешенного отвязывали, обливали водой и когда он приходил в сознание — снова подвешивали. Бывали случаи, что наказываемого по нескольку раз отвязывали и вновь подвешивали. После этого наказания пленный несколько дней еле ходил, а руки так вспухали, что он не мог взять даже миски с супом.

Было еще наказание в лагере — это заковывание. Правую руку сковывали с левой ногой, под коленом и под рукой пропускали палку. В таком, совершенно согнутом состоянии, оставляли сидеть 2 часа.

Кроме того, в лагере сажали в карцер на срок от одного до 27 дней. За это время давали горячую пищу лишь один раз в трое суток, а в остальное время был только хлеб и вода. В карцере было ввинчено в стену кольцо, к которому привязывали пленного со связанными назад руками. Высота, на которой привинчено было кольцо, была такая, что человеку можно было сидеть только на полусогнутых коленках и ни подняться выше, ни опуститься на землю было невозможно. Ноги от такого двухчасового сидения совершенно затекали и когда наказанного отвязывали, он не мог в течение нескольких часов подняться и встать на ноги.

(Л. № 1004/1215)

* * *

Из показания рядового А. А. Хотимова. 22 февраля 1916 года

Обращение немецких часовых с пленными было зверское. Они умышленно раздражали пленных, а в случае какого-либо возражения со стороны кого-либо из пленных — били их прикладами и штыками. Одного англичанина на моих глазах часовой убил прикладом за то, что тот первый пошел за хлебом, предназначенным для пленных. Одному бельгийцу часовой пропорол ногу штыком, а другому — руку.

За разные ничтожные провинности, совершаемые военнопленными их наказывали. Наказания заключались в том, что провинившего привязывали проволокой к столбу так, что он ногами не касался земли. В таком положении многие умирали тут же на столбе. Бывало и так,

что провинившегося заставляли держать по кирпичине в продолжение двух часов в вытянутых вперед руках на уровне плеч. Этого наказания никто не выдерживал, за что пленных жестоко наказывали прикладами или палками.

(л. № 399/537)

* * *

Из показания младшего унтер-офицера А. Г. Сигида. 16 сентября 1916 года

Я сам лично видел, как 5 немцев в присутствии немецкого военного врача избивали, разложив на бочке, пленного англичанина палками толщиной в руку. Сначала он кричал, затем потерял сознание и стих. Некоторые палки были изломаны на нем. Били его около четверти часа, а затем по приказанию врача привязали к столбу изгороди. Привязывание это производилось так: связывали сзади руки и ноги, грудь и шею привязывали к столбу. Таким образом привязанному приходилось стоять неподвижно. Затем его, еле живого, отнесли в лазарет. Говорили, что англичанин на другой день умер. Как я слышал, его подвергли наказанию за то, что он заступился за русского пленного, над которым издевался немецкий часовой.

(л. № 398/537).

„Гроб“

Из показания старшего унтер-офицера Я. М. Ерыгина. 29 октября 1915 года

В лагере для военнопленных было еще одно наказание: в Донсердагеле наказываемого раздевали догола и клали в гроб, обитый жестью, запирали крышкой и в таком положении почти без воздуха держали 2 часа. Многие оказывались без сознания при этой попытке.

Применялось еще и такое наказание: пленного заковывали на два часа в сидячем положении, сковав цепью правую руку с левой ногой, били палками, прикладами.

(л. № 998/1202)

* * *

Из показания старшего унтер-офицера А. М. Чумакова. 29 октября 1915 года

Наказывали (лагерь Линц) из-за всяких пустяков палками, подвешиванием к столбу и, кроме того, помещением на два часа в деревянный узкий гроб, в крышке которого имелось несколько небольших дырочек. Наказываемого клали в гроб голым, причем вследствие тесноты гроба нельзя было в нем повернуться.

(л. № 997/1206)

Карцер

Из показания добровольца Г. П. Мерзлякова. 21 ноября 1915 года

В лагере Иозефштадт немцы применяли такое наказание: пленного закрывали в сарай, пол которого был усыпан колотым углем. На

этот уголь сажали человека, а руки его привязывали к скобам, прикрепленным к стене. Встать было невозможно и приходилось продолжительное время сидеть на острых пранях.

(д. № 995/1204)

* * *

Из показания рядового С. Х. Аксенова. 25 января 1916 года

Бывали случаи, когда обессиленный от голода русский пленный падал за работой, его начинали бить или, в виде наказания, запирали на два—на три дня в маленькую комнату, пол которой был посыпан битым каменным углем. При этом запертого раздевали почти догола, оставляя его в одной рубашке. Есть ему в это время не давали решительно ничего.

(д. № 995/1204)

* * *

Из показания ефрейтора П. С. Помогаева. 21 декабря 1915 года

В лагере Самория заслушание, грубое обращение с австрийцами за отказ от работы, хотя от работы отказывались лишь больные, полагались строгие наказания: секли розгами. Я сам видел раз, как секли до крови. Давали по 5—10 розог; подвешивали вниз головой, привязав за ноги минут на пять. Тяжесть этого наказания столь велика, что после него обливали водой, чтобы привести человека в чувство. Очень тяжелым наказанием был арест в особом помещении, под полом которого был ледник. Пол пробуравлен, дабы было холоднее. Ни есть, ни лечь нельзя, ибо, помимо холода, пол был снабжен еще острыми гвоздями.

(д. № 1001/1212)

„Культурбанк“

Из показания ротного санитаря М. А. Векслер. 16 июля 1916 года

В Бриксе мне неоднократно приходилось быть очевидцем, как пленных наказывали при помощи особого станка, который называли «культурбанк». Этот станок представлял из себя широкую доску длиною в рост человека, с поперечными досками на концах. В поперечных досках были сделаны отверстия: в передней три—для головы и рук и два в задней—для ног. Положенный на такую доску пленный лишался возможности сделать какое-либо движение. В это время ему наносили розгами от 15 до 20 ударов.

(д. № 990/1198)

Пытки в раскаленной печи

Из показания младшего унтер-офицера Ф. А. Овчинникова

Возвратившись в Россию, опасаясь за участь своих товарищей, оставшихся в Германии, считаю необходимым заявить, что немцы, кроме всех своих обычных зверств и жестокостей с русскими плен-

ными, иногда проявляют исключительно подло-злодейскую изобретательность в этом отношении.

Так, в декабре 1916 года, когда я вместе с другими товарищами работал в городе Фирзене на чугунолитейной и гранатной фабрике Гетвик-Гуттен-Прейс и Винцен, то, ввиду крайней слабости от скверной пищи, тяжелой работы и массовых побоев, я отказался от работы.

Немцы, предварительно жестоко избив, поставили меня в наказание в накаленную печь, предназначенную для обжигания сырых земляных форм.

Я не могу сказать, какая была там температура, но помню, что у меня затлели волосы, выбившиеся из-под фуражки, а также на руках, когда я пытался закрыть лицо. Больше я ничего не помню; товарищи (ниже указанные) потом мне передавали, что я простоял около десяти минут и упал... Они, несмотря на брань и угрозы немецких часовых, вытащили меня из печи без памяти, всего почерневшего. Они же подтверждают, что когда меня вытащили, немцы смеялись и издевались, приговаривая: «Что, свинья, будешь работать?».

За три дня раньше немцы подвергли такой же злодейской инквизиции еще двоих наших товарищей... Эти два товарища, к сожалению, до сих пор остались в Германии, один делал неудачный побег, а другой тяжело болен.

Товарищей, протестовавших против вышеуказанного бесчеловечия, немцы избивали прикладами и грозили, что с ними будет поступлено так же.

Прошу принять меры против такого злодейства «культурных» немцев и не допустить жестокого истребления наших злополучных товарищей, оставшихся в плену в Германии...

Все изложенное Ф. Овчинниковым подтверждаем и со своей стороны просим принятия срочных мер против германских злодеяний над русскими пленными. Свидетели-очевидцы, бежавшие из германского плена:

мл. унтер-офицер *К. Киселев*
мл. унтер-офицер *А. Малышев*
рядовой *М. Вячеслав* (неграм.)
бомбардир *Г. Васильев*
ротный горнист *Н. Петрушин*
рядовой *И. Муравьев*

(наряд № IX. 1917 г., л. 14—15)

Каюта, наполненная паром

Заявление младшего унтер-офицера К. П. Протопопова в Комитет бежавших из плена солдат и офицеров. 15 июля 1917 года

Товарищи, кроме всех зверств и жестокостей со стороны немцев, которые вы уже сами испытали и видели, считаю необходимым и важным поставить вас в известность о тех зверствах, особенно жестоких, какие немцы допустили по отношению меня и моих товарищей на сахарной фабрике в городе Юргергене. Там нас сажали в особые глухие железные каюты, наполняли их паром и держали до

беспамятыства и обморока, наблюдая в приспособленное для этого окошко. В эту каюту сажали даже за то, что человек по слабости не мог работать, точно также и тех, кто заявлял о своей болезни.

Таким образом был до смерти замучен старший унтер-офицер Оренбургской губ. (полка не помню) Николаев. Меня сажали в эту каюту три раза.

В лагере Ухтомор, находящемся в провинции Ганновер, 13 августа 1916 года около 4.000 пленных немцы заставляли копать канавы в болоте по колено в воде. Когда они из-за холода отказались от такой работы, то их тут же на болоте стали мучить, командуя: «ложись» и «вставай», «бегом» и т. д. Так погибло около тридцати человек, которые на моих глазах частью захлебнулись в грязи, частью были просто убиты. У меня самого с того времени остались следы от двенадцати ран и разбитое плечо.

Когда после этого пленные окончательно были обессилены и не могли работать, то немцы отобрали триста человек и расстреляли их. Прошу Комитет довести это до сведения русских людей.

(ряд № IX. 1917 г., л. 20)

Пытки раскаленной кочергой

Отчет по делу № 861

В конце июля 1915 года после занятия противником Варшавы германцы захватили на пути между Скерневицами и Варшавой 15 человек мирных жителей-поляков и отправили их на работы в шахты у города Вирзелен близ Аахена. Там их поместили в здании театра, где были устроены нары и положена солома... На работу выгоняли всех, а кто отказывался, тех пытали кочергой, раскаленной докрасна. Не выходящих на работу в течение трех дней сажали в тюрьму. Жалоб никаких не принимали, а желавших заявить жалобу избивали. Во время работ пленных подгоняли ударами палок или ручных шахтерных фонарей. Части пленных удалось бежать и через Голландию, Англию и Швецию добраться до Петрограда.

д. № 724/861, л. 1)

Тяжелые увечья

Из отношения Наблюдающего за формированием войсковых санитарно-автомобильных отрядов в Чрезвычайную Следственную Комиссию. 10 марта 1916 года

7 мая 1915 года перевезенный на автомобиле из города Остроленки в город Ломжу в Серафимовский лазарет, бежавший из плена казак Уссурийского полка Пичуев рассказал, что был захвачен в плен на разведке. По приказанию германского офицера был веревками за ноги повешен на дерево вниз головой. После ряда побоев прикладами винтовок, офицер перочинным ножом медленно отрезал ему ухо. Другое ухо надрезал пленному немецкий солдат (ухо осталось висеть приблизительно на одной трети хряща). Затем у пленного вырезали из кожи на правой ноге «лампасы».

(д. № 869/882, л. 3)

Из показания старшего унтер-офицера Г. Я. Яковлева

3 мая 1915 года 8 и 5 роты нашего полка, в последней из коих находился и я, попали в плен к германцам. После взятия нас в плен, во время конвоирования с правого берега реки Сана на левый берег, германцы без всякого повода с нашей стороны сбрасывали многих солдат в воду. На левом берегу Сана нас выстроили в одну шеренгу. Одного пленного подвели к лодке, заставили его положить на нее руку и отрубили ему четыре пальца; другому нашему солдату на левой руке вершка в два длины вырезали кусок тела; зверства эти учинены были германским офицером. Германские же солдаты, по приказанию своего начальства, расстреливали наших пленных и между прочим одному рядовому 8 роты Крутилеву разбили правую руку прикладом.

(д. № 446/584, л. 2)

*Из показания рядового П. И. Кращенко-Кравченко.
6 августа 1915 года*

Меня в санитарной повозке отправили в Ростенбург, где долго нигде не принимали. Когда тяжело раненые лежали около лазарета, то мирные жители всячески над нами издевались, бросали в нас грязью, плевали в лицо, несмотря на то, что я даже не мог двинуть ни одним членом, ругали собаками, свиньями, бросали в нас, лежащих на носилках, камнями. Бывшие тут же немецкие санитары и солдаты вполне сочувственно относились к толпе, поощряя ее издевательства. Перевязку мне сделали лишь через восемь дней, когда раны наполнились червями.

В лагере (Альтенграбов) содержались все — англичане, французы, бельгийцы и русские вместе. Тяжелые работы давались англичанам и русским, которым жилось хуже всех. За самые незначительные проступки били резиновыми палками, прикладами, штыками. Случаи избивания пленных до смерти были очень часты. У меня были записаны эти случаи, но мои записки немцы отобрали. Бывало так, что находили пленных, заколотыми штыками неизвестно за что... Если, бывало, кто-либо из пленных днем заснет от усталости, то дежурный унтер-офицер колот заснувшего иголкой.

Одним из способов наказания практиковался следующий: провинившегося в одном белье привязывали к столбу веревками и оставляли так не меньше двух часов, а иногда держали и шесть часов.

Белья в лагере никакого не давали. Сапоги у всех снимали и взамен давали башмаки с деревянными колодками. Так как бараки были холодные, то очень многие отмораживали себе конечности. Бани не было. Смертность среди пленных была ужасно развита. Посаженных в карцер держали по 7 дней и ничего кроме хлеба не давали.

Один грузин за попытку бежать был посажен на цепь и две недели сидел в собачьей конуре, где нельзя было ни встать, ни лечь.

Медицинской помощи никакой не было, сплошь и рядом бывали случаи, что пленные от истощения и других болезней умирали в бараках.

(л. № 347/154)

* * *

Из показания рядового И. Д. Аносова

Германские доктора и сестры милосердия первые 6 дней после ранения (в августе 1914 г.) не делали мне перевязок; своих перевязывали, а мимо нас проходили со словами: «русс не добрый». Били меня даже сестры милосердия, отказывались подать воды.

Проходящий мимо солдат нарочно толкнул меня в раненую ногу со словами: «русс не добрый» и сжал рукой раненое место. Со своими ранеными они обращались хорошо, а над нами издевались.

Кормили нас плохо. Я лично видел, как немцы под Томашевым расстреляли 10 человек крестьян по подозрению в поджоге изб.

(л. № 131/138, л. 12)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЫТКИ, ПРИМЕНЯВШИЕСЯ К РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

(Иллюстрации)



Подвешивание к столбу.



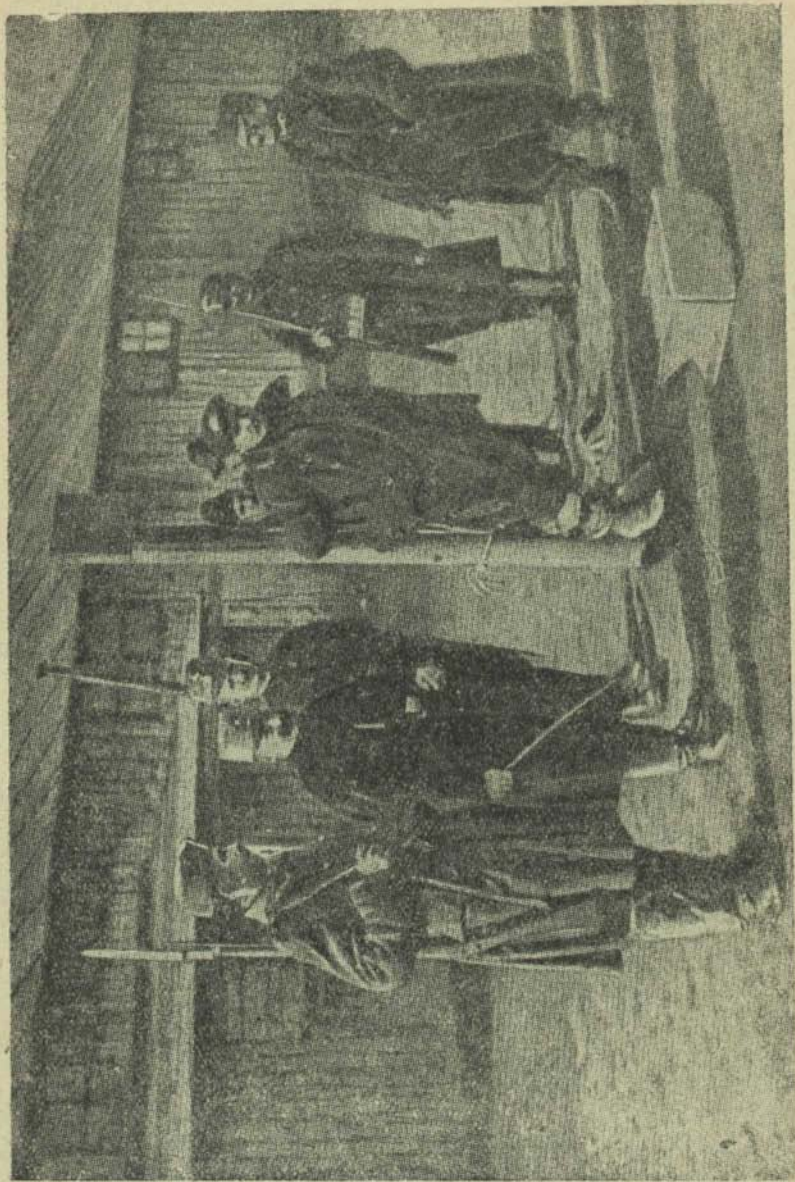
Подвешивание к столбу.



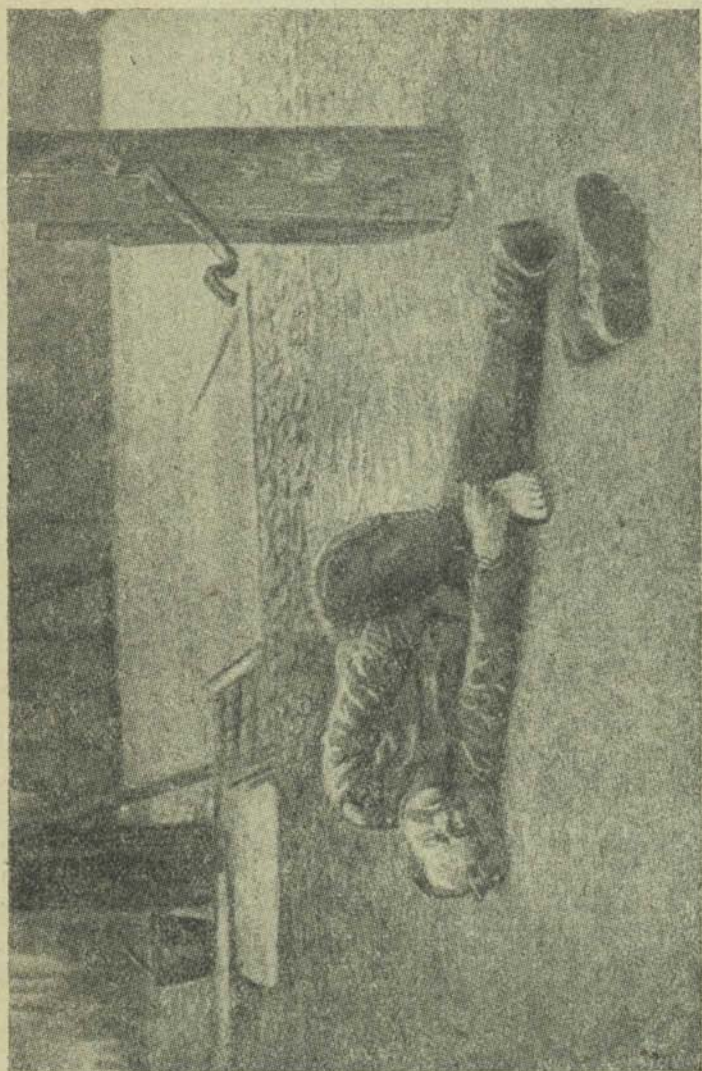
Подвешивание на балке.



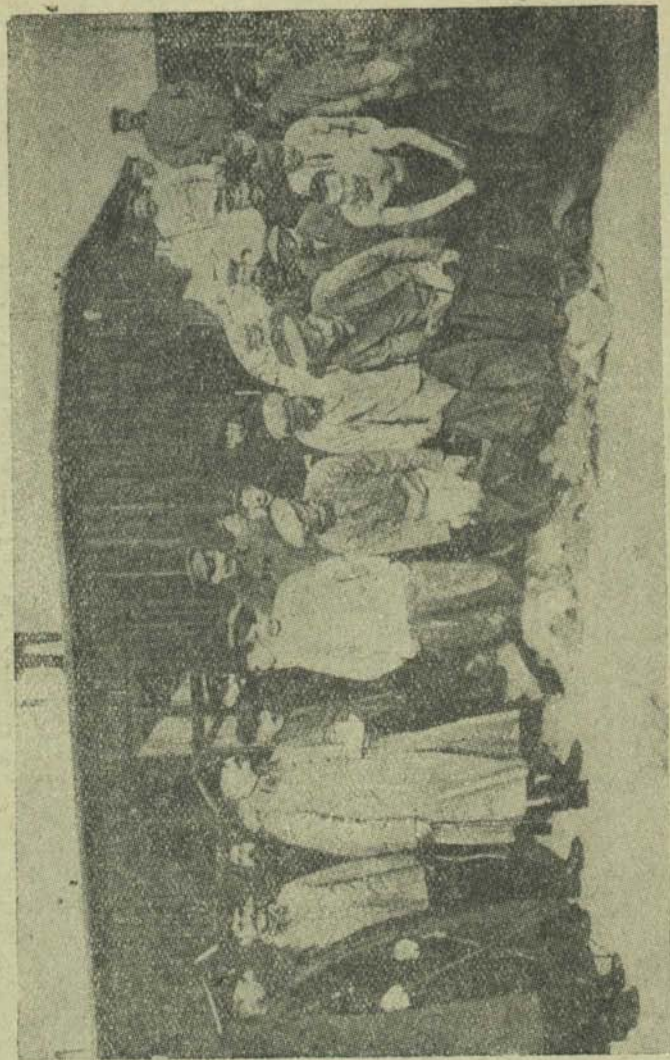
Сковывание рук и ног.



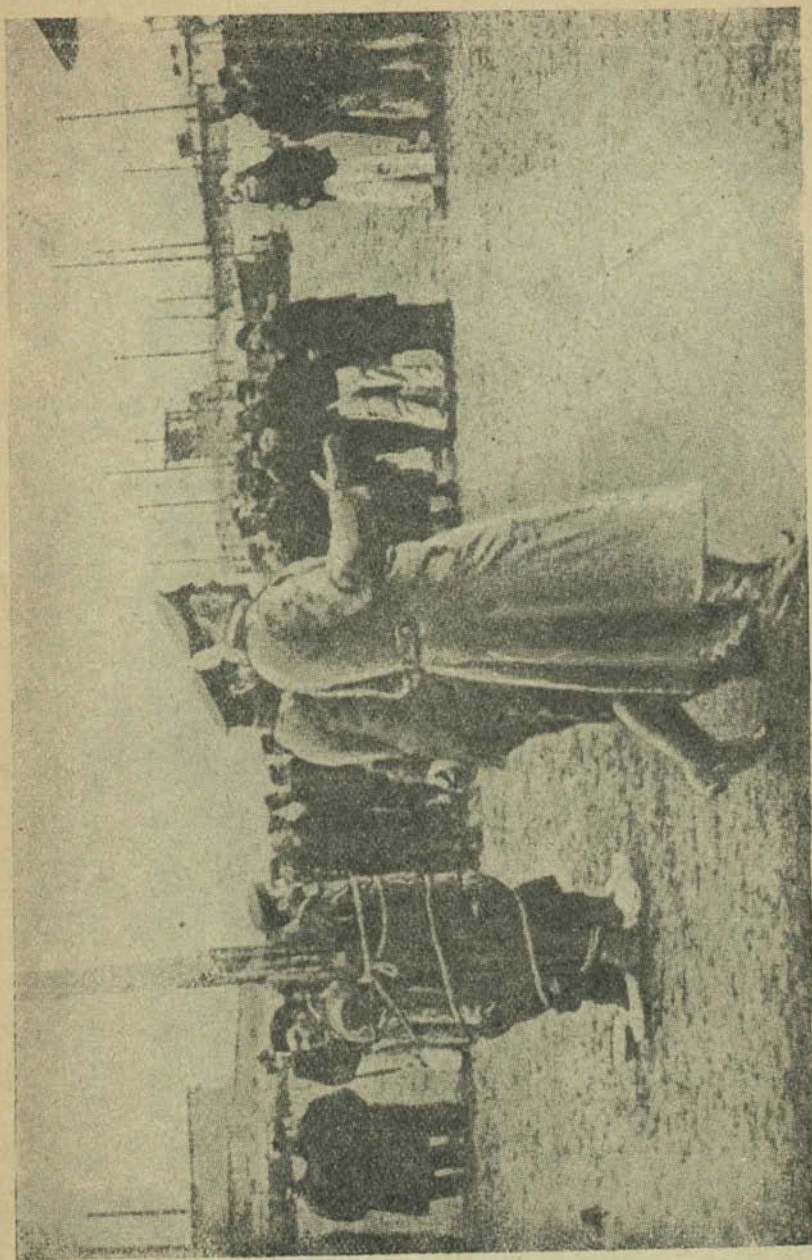
Идевательства над русскими военнопленными в немецком лагере Шнейдемюль.



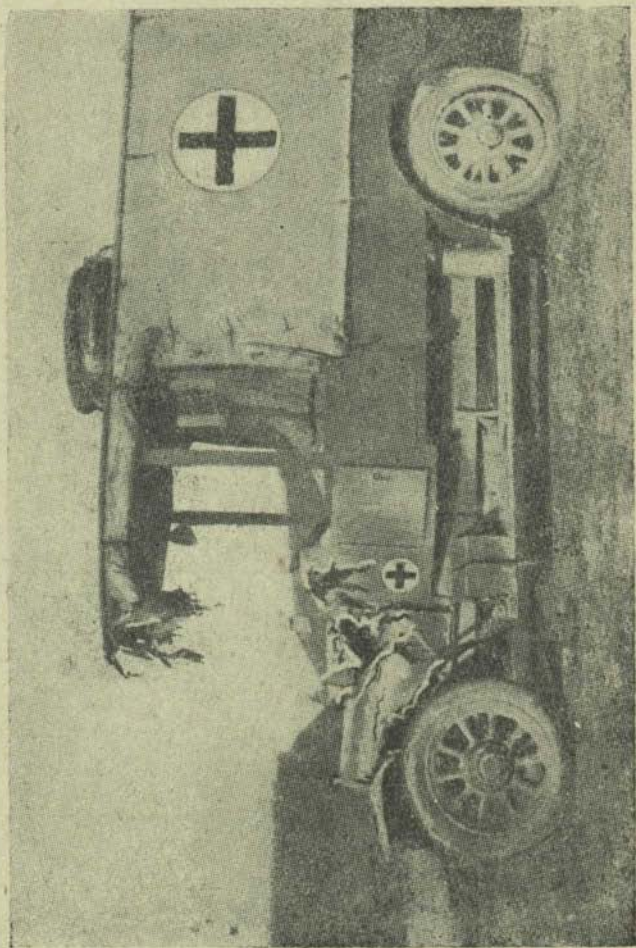
Сковывание правой руки с левой ногой.



Больных тифом выгнали палками во двор на мороз и здесь приказали раздеваться.



Подвязывание к столбу.



Русская санитарная машина, разбитая немецким артиллерийским снарядом.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Е. Тарле</i> — Предисловие	3
---	---

Насилия немцев над мирными жителями

Сожжение и разрушение немцами городов и сел	9
Грабеж немцами мирного населения	19
Массовые убийства, пытки и издевательства немцев над мирными жителями	23
Немецкие изверги насиловали, истязали и убивали женщин	32
Немцы разлучали детей с матерями, глумились над ними и истребляли	38
Немецкие войска прикрывались мирными жителями от обстрелов	41
Немцы угоняли мирных жителей на каторжные работы в Германию	43
Дикие насилия немцев над беженцами	47

Насилия немцев над русскими солдатами и офицерами

Варварское истребление немцами русских раненых	50
Знаки Красного Креста немецкие разбойники превратили в мишень для обстрелов и бомбардировок	56
Бомбардировка немецкими самолетами госпиталей и санитарных поездов	60
Немцы попрали международные обычаи ведения войны	63
Лучше смерть, чем немецкий плен	71
Изошренные пытки немецких садистов над русскими военнопленными	95
Приложение. Пытки, применявшиеся к русским военнопленным в немецких лагерях (иллюстрации)	105

Редактор *И. А. Осипов*
Корректор *Е. Х. Исаева*
Техред. *В. Е. Григорьев*

Подписано к печати 14/VII 43 г.
Заказ № 679. М— 01960.
Объем 7 $\frac{1}{4}$ п. л. Тираж 7000.

ЛГ УН-1

08m.
267762



ЦЕНА 4 РУБ.

УСВ

06M



ЛЕНИЗДАТ
1948